Эдуард Мельников

Иного пути нет

Сборник статей

УДК
ББК
М

Мельников, Э. Р.
М Иного пути нет : сборник статей / Эдуард Мельников. — 200 с.

Публикации Э. Мельникова в отечественных и российских периодических изданиях за 2000–2011 годы представляют собой исследование опыта белорусской журналистики с позиций онтологических свойств СМИ, сопоставления того, что происходило в Беларуси в эти годы, с европейскими и мировыми стандартами информационной деятельности.

У читателя возникнет ясное представление о том, что случается с обществом, когда оно игнорирует свободу слова, такую важную составляющую социального менеджмента, как независимые медиа.

Для историков этот сборник послужит источником сведений о том, что на самом деле происходило в белорусских СМИ на протяжении первого десятилетия нового века.

А студентам, изучающим теорию и практику журналистики, эта книга являет и анализ практики, и саму журналистскую практику.

УДК........
ББК ......

© Мельников, Э. Р., 2012

Содержание

От автора

В этом сборнике представлены статьи, написанные за прошедшее десятилетие и опубликованные в различных белорусских, а также некоторых российских изданиях. Объединяет все эти публикации некая сюжетная линия, порожденная крайне негативными тенденциями, характерными для массмедиа Беларуси в эти годы.

Основное внимание уделяется телевизионному вещанию и тем печальным трансформациям, которые превратили одно из самых действенных средств массовой информации в род психотронного оружия, направленного против собственного народа. Кроме того, анализируются и те процессы, которые происходили и происходят в сфере печатных СМИ.

Эти статьи, написанные в разные годы, воспринимались как оперативное осмысление реалий тех лет, как текущая публицистика. На них поступали отклики, они обсуждались. Но оказалось, что значение их не поблекло и сейчас: многое осталось актуальным. К сожалению.

Размещенные в строгой хронологической последовательности, предлагаемые вниманию читателя материалы приобрели некий новый совокупный смысл. Этот смысл смонтировало само время из тех разрозненных фактов и событий, которые составляют жизнь каждого отдельного человека и всей страны в целом.

В центре Европы, в начале 21-го века, время шло не так, как ему полагается. Оно шло вспять. Это относится и к такой важной сфере общественной жизни, как деятельность средств массовой информации. Большинство граждан Беларуси лишено свободного доступа к объективной печатной, телевизионной и радиоинформации. Думается, этим в значительной степени можно объяснить ту глубокую стагнацию во всех сферах общественной жизни, которая наблюдается сейчас в стране. Доказательства этому, зафиксированные в мониторингах Белорусской ассоциации журналистов, поступали и поступают ежедневно на протяжении всех последних 17-ти лет.

К сожалению, подавляющая часть населения не связывает плачевное состояние экономики, свое собственное положение с правами гражданина на оперативную и всеобъемлю-

щую информацию. Как на уровне «высокой» политики, так и на уровне обыденного сознания редко увязывают свободу слова и «реальную» жизнь. Поразительно, но такой подход демонстрируют и некоторые общественные деятели с репутацией «демократов». А ведь обеспечение гражданам права на получение всесторонней и объективной информации есть необходимое условие осуществления всех политических, экономических и социальных реформ.

Это со всей убедительностью доказывает европейский и мировой опыт.

В нашей стране можно хоть на что-то надеяться, если создание свободных медиа будет общенациональным, общеполитическим лозунгом, а не останется узкопрофессиональной журналистской проблемой. К сожалению, рассчитывать, что это будет именно так, пока нет никаких оснований. Лозунг свободы слова, права на доступ к информации не стал определяющим в программах и практике большинства оппозицинных политических партий и общественных движений. Никакие альтернативные силы пока что не выдвигают подобных инициатив, способных стать движителем демократического переустройства общества. Идея свободного обмена информацией пока не стала национальной идеей людей, живущих в условиях постоянно висящей над ними антиномии: Восток-Запад.

И поэтому в Беларуси до сих пор отсутствует главная гарантия достижения всех остальных прав и свобод человека — его право знать все.

Собранные под одной обложкой, статьи этого сборника последовательно раскрывают механику создания той информационной резервации, в которой сейчас оказались миллионы людей, живущих в Беларуси. В которой население, став объектом целенаправленной деятельности по «промыванию мозгов», вынуждено будет потратить еще годы и годы на то, чтобы придти к уяснению истинных путей радикального реформирования общественных отношений. В том числе и создания системы независимых СМИ как одного из основных условий движения к демократическому переустройству общества.

Этот путь все равно придется пройти. Потому что поиному просто не бывает.

Территория

Очерки исторического пессимизма

Будущее и должно быть пугающим…
Самые большие достижения цивилизации —
это процессы, которые едва не разрушили
те общества, в которых они происходили.

А. Н. Уайтхед. Приключения в мире идей

Вместо вступления

Знаю заранее: все, что здесь будет сказано, может вызвать возражения по всем пунктам. Как от «правых», так и от «левых», от «империалистов» и националистов, от ставленников власти и от представителей оппозиции. Для них всех, привыкших править или, наоборот, апеллировать к Востоку и Западу, взывать к «мировой общественности», будет убийственным основной, сознательно заостренный тезис этой публикации: народа, представителями которого они себя считают, возможно, и не существует. Население на территории от Буга до Днепра и от Двины до Припяти — да, проживает. А если говорить о наличии у белорусского народа признаков государствообразующей нации и, следовательно, права на свою собственную историческую судьбу — существуют ли они?

Но не о записных политиках и политиканах сейчас речь. А о тех, кто родился, живет на этой земле и не может не думать о своей судьбе. Чем больше людей, прочтя эти строки, сочтут себя задетыми — тем лучше. Значит, не все потеряно. Может быть, у нас еще есть будущее.

Вопросы, вопросы…

У большинства из тех, кто приезжает к нам в Беларусь — от зевак-туристов до профессионалов-экспертов, — рождается один и тот же недоуменный вопрос. Напичканные сведениями о злодеяниях правящего режима, почерпнутыми из мировой прессы, они не находят этому подтверждения

на личном опыте. По улицам белорусских городов — чистым и опрятным — ходят вполне благополучные, хорошо одетые (даже лучше, чем в Западной Европе!) люди. В магазинах, конечно, не Западная Европа, но имеется все необходимое, отсутствуют пресловутые очереди. Сверкают вывесками бары, казино, рестораны. Шуршат потоки иномарок. Не видно волнений, следов борьбы. Значит, говорят заезжие гости, большинство людей их жизнь устраивает. Постороннему человеку трудно понять, что к безысходности можно просто привыкнуть.

В противоположность верхогляду-туристу люди серьезные знают, конечно же, и о плачевном положении экономики, и о пещерных отношениях собственности, и о полном отсутствии гарантий прав и свобод личности. Знают они и о том, что все это взаимосвязано, взаимообусловлено. И свои вопросы они ставят по-иному: «Чего именно вы хотите? Зачем вам абстрактная свобода, если вы не знаете, что с ней делать? Чем вы готовы пожертвовать ради нее? Нужна ли она вам вообще? По весьма распространенному в мире «латиноамериканскому», если угодно — «африканскому,» варианту у вас все есть: власти, твердящие, что «все у нас хорошо, все у нас получится», народ, меланхолически взирающий на свое будущее, каким бы оно ни представлялось, и отношение мирового сообщества, давно и прочно вписавшего Беларусь в реестр самых захолустных уголков планеты, несмотря на ее блистательное географическое положение. Что заставляет думать, будто вам уготована иная судьба? На чем основываются ваши претензии?»

Что отвечать нам? Где искать опору? Оглянемся вокруг себя. Во времени и пространстве.

Очерк исторический

Хрестоматийное «А хто там ідзе?» не возникло из воздуха. Откуда мы, кто мы, куда идем? Время не властно — эти вопросы и сейчас будоражат своей неразрешимостью, безответностью. Не будем углубляться в прошлое. Великое княжество Литовское — яркая, но давняя страница истории. И к тому же не только белорусской…

В новейшие же времена белорусы получили государственность… «от противного». И дело не в том, что Белорусская Народная Республика была создана в марте 1918 года в оккупированном кайзеровскими войсками Северо-Западном крае. Большевики, ранее резко выступавшие против белорусской государственности, но напуганные фактом образования БНР, были вынуждены пойти на создание 1 января 1919 года Белорусской Советской Социалистической Республики. В 1924 и 1926 годах БССР была увеличена за счет территорий, ныне входящих в Витебскую и Гомельскую области. В 1939 году — в результате «освободительного похода» Красной Армии.

В семье советских республик Беларусь занимала по-своему почетное место. Высокоразвитая промышленность, эффективное сельское хозяйство. Страна-учредитель ООН. Витрина «развитого социализма».

Неожиданно свалившаяся в 1991 году свобода оказалась востребованной небольшой группой демократически (а чаще националистически) настроенной интеллигенции и молодежи. В кои-то века (именно века!) история предоставила белорусскому народу шанс на самоопределение, на создание собственной государственности. И что же? Беларусь последней из советских республик объявила о роспуске компартии, а Декларацию о государственном суверенитете приняла не раньше, чем это сделала «старшая сестра» — Россия. Закон же о суверенитете так и не был принят. В самих Вискулях Беларусь тоже была ведомой. Тон задавала бескомпромиссная позиция Л. Кравчука, основывавшаяся на итогах референдума 1 декабря 1991 года, когда 93% населения Украины высказались за выход из СССР, и вполне определенная «раскладка» действий Б. Ельцина и его окружения. Живописные подробности того, как это происходило, сохранились в памяти участников и свидетелей тех событий.

Под давлением депутатов от БНФ Верховный Совет 12-го созыва принял решение о новой государственной символике. Затем проголосовали за Конституцию, положения которой слабо отражали реалии жизни простого белоруса.

А народ безмолвствовал, молчаливо поддерживая беспомощные попытки тогдашнего правительства (читай: старой партноменклатуры) вернуться в рублевую зону, где нас не хотели, но где всегда было так уютно — тепло и сытно…

А тем временем в кулуарах Верховного Совета росла известность, складывалась команда молодого амбициозного депутата, в котором многие увидели подходящую альтернативу исчерпавшему себя режиму пожилого премьера…

Все последующее хорошо известно. Президентские выборы 1994 года простые, не искушенные в политике люди восприняли как светлый праздник: «Он им всем покажет!». Антикоррупционная ставка молодого политика оказалась безошибочной: он стал первым всенародно избранным руководителем Беларуси.

Отметим основные вехи президентства А. Лукашенко: разгон Верховного Совета 12-го созыва, майский (1995 г.) референдум, отменивший даже символические знаки белорусской государственности, снова референдум, уже 1996 года, ноябрьский, продливший полномочия президента еще на два года. И все это при фантастических рейтингах молодого лидера, не оставлявших ни малейших шансов кому-либо из его оппонентов, представителей оппозиции.

А потом стали пропадать люди.

Очерк общественной морали

Излагая эти и другие факты незаурядной политической карьеры А. Лукашенко, не будет слишком большой смелостью разуверить кого бы то ни было в том, что все произошедшее в Беларуси есть некая случайность, роковое стечение обстоятельств.

Напротив, все глубоко закономерно, потому что из нескольких кандидатов в президенты белорусский народ безошибочно выбрал «своего». Потому что образ мыслей, уровень мышления, даже (а может, и более всего) манера общения молодого лидера есть точный слепок образа мыслей, менталитета, психологии среднего белоруса — таким, каким его вылепили века белорусской истории. Впервые за столетия общественное мнение большинства населения

Беларуси получило возможность заявить о себе напрямую. И оно выбросило этот протуберанец — от «низов» в мир большой политики. И заставило с собой считаться.

Контактируя с А. Лукашенко, любой политик должен понимать: он имеет дело с реальным сознанием большинства людей, живущих здесь, выраженном в наиболее концентрированном виде. Это не значит, конечно, что у А. Лукашенко нет оппонентов, врагов и т. п. Но большинство… Отсюда эта рейтинговая прочность во всех слоях населения. И запаса ее еще вполне достаточно. Обольщаться не следует, как бы ни хотелось.

Конечно же, он сознательно эксплуатирует в своих прагматических целях основные черты белорусского национального характера. Он, гениальный популист, прекрасно знает свой «материал» и обращается с ним свободно, творчески, как настоящий мастер.

Однако нас интересует более серьезный, фундаментальный вопрос: каковы же основные черты белорусского национального характера? Понимая, что именно они конституировали нынешнюю власть и, как следствие, — медленное, но неуклонное экономическое и социальное угасание нации, — мы не можем не задать их себе.

Конечно же, белорус — это человек работящий, умелый, смекалистый. Хотя эти черты стремительно размываются в процессе люмпенизации прозябающего на госпредприятиях рабочего класса и в разваливающихся сельхозартелях — колхозно-совхозного крестьянства.

Инициативу белорус проявить не спешит, всегда действует с оглядкой: как бы не вышло хуже. Если ничего не меняется, пусть так и остается.

Прижимист, склонен к накопительству, а иногда и к скопидомству. Когда есть что хранить. Когда нет — довольствуется малым.

Почитает начальство, даже не заслуживающее этого. Полушутливую фразу «боятся — значит, уважают» может воспринять как вполне корректную. Выдающаяся черта белоруса — знаменитая толерантность, терпимость, правда, граничащая порой с глупостью и конформизмом.

Не стремясь вырваться вперед, весьма интересуется положением дел «у других». Если сопоставление не в его пользу, если он видит рядом серьезный успех ближнего своего, способен завидовать тяжело, до злости, с тайным желанием помешать, навредить и тем самым успокоить душу.

Даже попадая в весьма жесткие ситуации, белорус склонен перетерпеть, отсидеться. Выйдя же из сложного положения, не стремится исправить его, а предпочитает уйти, убежать, спрятаться. В редкие минуты, когда сходятся отчаяние и ненависть, способен взорваться, но предпочитает переносить это в себе. Впрочем, отходчив, быстро прощает обидчика. Но зло не забывает.

В общем, обычный он, земной человек этот белорус. Настолько земной, что и оторваться от нее, матушки-земли, не может. Большие, громкие понятия — «частная собственность», «гражданские права», «демократические свободы» — воспринимает как пустой звук. Для него эти категории — отвлеченные, далекие. Их нельзя пощупать и применить себе на пользу. Поэтому ущербность, бесперспективность своей жизни воспринимает как стихийное бедствие и очень редко осознает как свою кровную обиду, личную проблему. «Пусть все будет как будет. Что я могу? Доживем как-нибудь. На наш век хватит. Лишь бы не было войны и голода».

Такова «сермяжная» правда обыденного сознания людей пожилого возраста, старше среднего и частично среднего. Это их жизненный опыт. Пусть их за это кто-то осудит… Молодежь же… Часть ее — «реалисты», они принимают жизнь такой как есть и стараются «крутиться», нередко попадая в тенета мелкого криминального бизнеса. Часть, не увидев света, тут же опускается на дно. Наиболее честолюбивые, проходя обучение в вузах, усиленно штудируют иностранные языки, ясно представляя, для чего они им понадобятся…

Социологические опросы любых масштабов и репрезентативности стабильно свидетельствуют: большинство населения республики недовольно существующим положением ни в экономике, ни в социальной сфере. Но что именно всех

не устраивает? Люди хорошо знают, что им не нравится в их повседневной жизни, но с большим трудом формулируют, что же надо сделать, что предпринять, как изменить жизнь.

Ситуация поистине драматическая. Можно ли говорить о ненормальности нашего сегодняшнего положения, если мы не знаем нормы? Не видим того пути, который у любого народа диктуется исключительно национальными интересами? Тот не заблудился, кому все равно куда идти. Тот не потерял, кто не знает, что ищет. Нас трудно понять.

Очерк истории экономических (м)учений

В прежние времена Беларусь была одной из самых «продвинутых» в экономическом отношении республик бывшего СССР. Мощная индустрия, развитой агропромышленный комплекс. По советским меркам, разумеется. Этот потенциал в целом остался и сейчас. Но с каждым годом он гаснет. Экономика деградирует. При почти полной международной изоляции это приводит к непоправимым последствиям. Впору говорить об автаркии, о нашем, белорусском, «чучхе».

Камень преткновения — отношения собственности. С приходом А. Лукашенко был взят курс на государственный капитализм, называемый, правда, «рыночным социализмом» или — мягче — «социально ориентированной экономикой». Демонстрируя полную неспособность к созданию эффективной экономической модели, огосударствляя все и вся, власть целенаправленно искореняет малейшие ростки частнособственнической инициативы. Суть многих руководящих указаний — декретов, указов, постановлений — не поддается рациональному объяснению, кроме одного — «удушить».

Темпы спада промышленного и сельскохозяйственного производства уже трудно прикрывать официальной статистикой. Власть упорно цепляется за колхозно-совхозный строй, хотя страна уже стоит на грани утраты продовольственной безопасности. Темпы инфляции — временами самые высокие в СНГ. Можно говорить о гиперинфляции.

Бесконтрольное владение госсобственностью привело к невиданному размаху коррупции в высших эшелонах власти.

Все это так. Но, нанизывая один за другим факты произвола, царящего сейчас в управлении экономикой, попробуем увидеть за ними нечто большее.

Очевидно, не следует искать логику в управленческих действиях Администрации. Потому что она там не присутствует. Зато отчетливо прослеживается другая, правда, не имеющая отношения к строгой науке экономического анализа. Это — логика протеста против прихода в экономику страны нового, настоящего хозяина. Опасность его возникновения для режима понятна: это реальная угроза власти, бесконтрольно владеющей «общенародным» добром. Но в этом противлении интересы нынешних «верхов» объективно совпадают со стихийным протестом «низов», в психологии которых прочно засели представления о коллективной (общегосударственной) форме собственности и инстинктивная неприязнь к «хозяйчику», кто бы им ни стал. А уж его возрастающий социальный авторитет вообще нестерпим для общественного мнения, потому что вызывает и ревность, и зависть, и злобу: «чем он лучше меня?»

Сегодня большинство населения Беларуси не готово к осуществлению рыночных реформ, даже если бы власть их и захотела. Несколько лет (1991—1994 гг.) экономической «свободы» вылились в ничем не прикрытое расхищение бюджетных средств представителями старой-новой номенклатуры. Строительство коттеджей, приватизация и другие столь же красноречивые примеры первоначального накопления капитала окончательно убедили простого человека, что «рынок» — это синоним слова «воровство». Семена здорового предпринимательства, только зарождавшегося тогда в Беларуси и придавленные впоследствии железной пятой государственного монстра, не дали даже всходов, не то что плодов. И к настоящему времени любая форма частной инициативы как в городе, так и на селе вызывает ненависть как сверху, так и снизу. Обыватели, сидящие на должностях в налоговых инспекциях, госконтролях, управлениях финансовых расследований, с удовольствием

давят «нечестных» коммерсантов, не забывая при этом сдирать с них мзду. А на селе одиночки-фермеры расскажут вам, как стерегут они по ночам свою технику, склады, дома, чтобы не подожгли, не разграбили. Потому что уже было, уже кричали им в открытую: «Не будут наши дети на вас батрачить!».

В этом порыве ненависти народ и власть едины. Власть — в своей неготовности отдать собственность и законодательно этот акт закрепить, а народ — в своем воинствующем нежелании эту собственность взять, но за нее и отвечать. В старом хлеву колхозной постройки хоть и голодно, и смрадно, но выйти за порог еще страшнее. А в том, что от реформ ничего, кроме разрухи, не будет — в этом не сомневается, кажется, никто. Тем более что с самого «верха» поступают авторитетные свидетельства, растиражированные государственным телевидением: «В Литве вот колхозы разогнали, а теперь плачут». А что это, мягко говоря, неправда, сказать некому. Народ безмолвствует.

Идеи реформирования национальной экономики существуют, конечно, в головах отдельных представителей прогрессивной экономической мысли. Но эти идеи пока не спешат овладевать массами.

Очерк демографии

Начиная с 1995 года все три восточнославянских народа деградируют в смысле демографическом. В Беларуси депопуляция (превышение смертности над рождаемостью) за последнее время составила примерно 1% в год. В некоторых районах смертность превышает рождаемость в несколько раз, и таких районов немало. Население стремительно стареет. Возросла смертность не только среди людей пожилого возраста, но и среди молодежи. Картина усугубляется последствиями Чернобыльской трагедии. Ученые-медики не прогнозируют улучшения. Наоборот… Власти скрывают истинную картину последствий Чернобыля. В пищевую промышленность поступает сырье, произведенное на зараженных угодьях.

Со своими демографическими проблемами Беларусь осталась наедине. Но географически-то из постсоветского пространства она не выпала. Открытые границы республики (эффективного законодательства на этот счет не существует) не становятся препятствием для волны неконтролируемой миграции с Востока. Это и понятно: вакуума быть не может, а в странах Центральной Азии, Закавказья — демографический бум. Всего лишь один пример: в Азербайджане более трети всего населения — дети до 14 лет. Им нужно жизненное пространство. В Беларусь едут афганцы, таджики, армяне, азербайджанцы, вьетнамцы, китайцы, индийцы, курды. Осваиваются, натурализуются, проникают во все поры мелкого «базарного» бизнеса, зачастую — теневого. Они деятельны, активны, знают, чего им добиваться в жизни.

Масштабы и динамика миграционных процессов таковы, что, по заключениям ученых-демографов, к 2015–2020 годам впору будет говорить о другом народе, заселяющем территорию страны. И это при явно наметившемся стремлении белорусской молодежи уехать на Запад. Под любым предлогом. Уезжают на заработки, на учебу, выходят замуж, женятся.

И остаются там.

Очерк технологии власти

Парадоксальным образом власть демонстрирует непоколебимую веру в прозрение народа. В Беларуси около 120 тысяч сотрудников органов внутренних дел и служащих внутренних войск. При этом вооруженные силы республики насчитывают около 80 тысяч человек. Ясен не только тип государственного устройства, но и угадывается «потенциальный противник». Количество контролирующих общегосударственных органов, имеющих свои региональные подразделения, составляет около десятка. Основная сфера их деятельности — экономика. Понятное дело: базис. При полном отсутствии системного экономического законодательства «посадить» можно любого руководителя предприятия, тем более коммерсанта. 40-й Декрет Президента,

предусматривающий внесудебное отчуждение имущества тех, кто нанес «ущерб государству» — «шедевр» в области юриспруденции, потому что превращает в чистый лист все созданное прежде. В то же время существует внебюджетный президентский фонд непонятного происхождения и неясных размеров, а Управление делами президента давно превратилось в доходную отрасль народного хозяйства.

Но народную экономическую мысль убить трудно.

Искусство бухгалтерского учета в Беларуси достигло расцвета: мастерство возросло пропорционально числу запретов. Все нельзя, но при этом все можно. Теневой сектор экономики разрастается не по дням, а по часам. Власть, естественно, наводит «порядок». Так, как она его понимает. В Республике Беларусь на 100 тысяч жителей — 408 осужденных, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях. Для сравнения: в Германии — 85; Чехии — 175; Литве — 267; Молдове — 272; Эстонии — 285; Украине — 297. За нами только Россия — 808! Сидят, в основном, за мелкие кражи, хулиганство, экономические прегрешения. Шанса не быть осужденным для подследственного нет почти никакого: оправдательный приговор — клеймо на репутации следователя, этого почти не бывает. Пенитенциарная система превращается в массовую школу криминального обучения. За последние 20 лет каждый 58-й житель республики старше 16 лет отбывал наказание в местах лишения свободы.

Криминальное сознание проникает и в ряды органов внутренних дел. Даже на страницы государственных газет прорываются сообщения о бесчинствах нижних чинов милиции. Это создает прочную иллюзию того, что у всех остальных чинов «чистые руки и холодная голова».

Очерк геополитики

«Наречие по-польску хлопское». Так назвал белорусский язык — нет, не царский генерал Муравьев, прозванный вешателем за жестокое подавление крестьянских выступлений в северо-западных губерниях в 1862–1863 гг., не сам

император-самодержец Всея Руси (в том числе и Белой, как мы помним), а… Рылеев. Кондратий Федорович. Тот самый. Поэт-декабрист, революционер.

Это симптоматично. Это характерно и для сегодняшнего времени. Даже в самых демократических кругах российского общества белорусам, считая их своими братьями-славянами, дружески, по-братски, от всей души… отказывают в моральном праве на свою государственность. Что уж говорить о коммунистах, различного рода «державниках» и прочих силах пестрого российского политического спектра! А в Польше, в Варшаве белорусские территории еще перед второй мировой считали «усходними крэсами» — «восточными окраинами» великой Речи Посполитой от «можа до можа». Вот и Адама Мицкевича, родившегося на Новогрудчине, считают великим польским поэтом. Да и писал-то он по-польски, и отчизну свою называл «Litwo».

Соответственно этой биполярности любые демократические движения в Беларуси считали инспирированными — то ли из Москвы, то ли из Варшавы. Это в зависимости от того, откуда глядели. Кастусь Калиновский свое последнее письмо к соратникам писал «з-пад шыбеніцы маскоўскай». Между прочим, о бунтаре с польской фамилией Дубровский (настоящая фамилия прототипа — Островский) Пушкину рассказал знакомый, приехавший из Витебска, где Островский несколькими годами ранее был схвачен и закован в кандалы. Но Дубровский-Островский выписан с симпатией. А вот действия самодержавия по подавлению восстания 1830–1831 годов единодушно поддержали виднейшие представители русской интеллигенции, среди которых были и Пушкин, и Тютчев, и Лермонтов, и многие другие.

Разумеется, в новейшее время судьба Беларуси накрепко притянута к геополитическим интересам России. О суверенитете республики как о серьезной международной проблеме как-то и говорить не принято. Все само собой разумеется. Однако возникновение новых военно-политических реальностей (НАТО) сразу же за белорусским Брестом снова создает некое силовое поле, всегда исторически здесь присутствовавшее.

Междуцарствие… Бытующее в историографии как термин, обозначающий отрезок времени, в применении к Беларуси это слово становится термином геополитическим. При невнятной белорусской государственности вечная дилемма, висящая над этой территорией, способна породить в новом веке новые непредсказуемые коллизии. Или в НАТО, или в Россию. «Или ручку поцеловать, или в морду пожалуйте», — как говаривал один из персонажей русской дореволюционной публицистики. Или в «санитарный кордон» между Западной Европой и Россией, или в саму Россию. Как мы знаем, и в том, и в другом направлении кладутся шпалы и протягиваются рельсы. Где и когда столкнутся эти два локомотива?

Но можно поставить и другой вопрос. Сильное независимое государство с развитой экономикой и многовекторной внешней политикой — никому не нужно?

Впрочем, вполне возможно, что ответ на этот вопрос существует давно, и ответ этот — отрицательный. Нужен послушный сателлит, посаженный на «иглу» нефтяной и газовой зависимости или, в лучшем случае, военно-политический союзник. Всем понятно, что России Беларусь нужна в первую очередь как Территория, по которой идет Большая Труба и которая отделяет границы РФ от НАТО. Все. Исторические судьбы белорусского народа должны интересовать только сам белорусский народ. А пока что эти судьбы решаются в Москве, Вашингтоне, Брюсселе, Женеве, но только не в Минске.

Белорусская оппозиция имела шанс стать выразительницей интересов белорусского народа, но она упустила его в памятную ноябрьскую ночь 1996 г. в Минском аэропорту.

Кто же будет спрашивать белоруса, если ему самому нечего сказать? Даже если допустить, что существующий режим в Беларуси исчерпает себя окончательно, то можно не сомневаться, что любой другой, пришедший ему на смену, в существенных своих чертах не изменится. Разве что не будет таким одиозным, а сможет больше соответствовать запросам дикорастущей российской демократии. При этом не суть важно, какие лица замелька-

ют на экранах. Стратегически власть будет обеспечивать все ту же задачу — контроль над Территорией, во имя «стратегических целей».

Вот это действительно важно. И это будет обеспечено любой ценой.

P. S. Все приведенные и многие другие факты того же ряда — общеизвестны. Но, собранные вместе, они дают новое качество и создают прочное ощущение… беспросветности.

Или нет?

Наверное, это тот немыслимый случай, когда, излагая свою точку зрения, в то же время искренне, от всей души хочешь оказаться неправым. Но аргументы, которые могли бы опровергнуть все вышеизложенное, как-то не просматриваются.

Впрочем, может быть, нас кто-то и разуверит. Хотелось бы…

Журнал «Индекс» (Москва), 2001, № 15

Кое-что о жизненном пространстве

Конец рабочего дня. На нашей остановке — обычная толчея. Человек 100–150 штурмуют автобусы и троллейбусы, направляющиеся в отдаленный микрорайон. А с конечной станции метро все прибывают и прибывают люди. Обычная картина.

Молодые нахрапистые парни с запахом водочного «свежачка» изо рта, грубо расталкивая всех, прорываются в салон. Наконец, двери захлопнулись. Автобус тронулся. Плотно прижатые друг к другу, люди приготовились перетерпеть эти неизбежные 15–20 минут дороги к дому.

— Так-твою-растак и еще три раза вот так! — в наступившей тишине на весь салон нецензурщина прозвучала, как удар хлыста. Показалось, что все невольно вздрогнули. Или только показалось? Никак не могу привыкнуть к площадной брани во всеуслышание. Может, это я один такой, ранимый? Да нет, вон несколько женщин сразу опустили глаза, а другие, наоборот, пристально посмотрели на стоящих рядом мужчин. А те вдруг страшно заинтересовались пейзажем, проплывающим за окном, и лица их приобрели отрешенное выражение. А ведь в салоне были и армейские офицеры, и милиционеры, и курсанты какого-то военного училища. Кто-то ехал с женой или детьми.

А рослые, коротко стриженые ублюдки не унимались. И весь автобус — человек, наверное, 70–80 — был вынужден слушать это. И никто, никто не сказал ни слова, даже реплики робкой не прозвучало, не то что решительного требования прекратить безобразие.

Хамство. Воинствующее стремление возвысить себя за счет унижения другого. Это всегда у нас бытовало. Помните, в фильме «Белорусский вокзал» герой Анатолия Папанова, сидя в кутузке, с болью и отчаянием говорит о том, что хамство уже за горло берет, а вот все терпишь, терпишь…

Тому уже лет двадцать. Все стало только хуже. Никогда еще хамство и унижение простого, скромного человека не было столь агрессивным, напористым, показным. Если

раньше инциденты, подобные описанному, случались не так уж часто, то теперь с этим сталкиваешься ежедневно. Где угодно: на улице, в метро, в магазине, во дворе, в лифте — там, где ты вынужден находиться рядом с себе подобным. Но, оказывается, в тебе подобном может сидеть доисторическое животное, и все чаще оно вылезает наружу. Это не просто бросается в глаза — это стало мешать жить. Площадки перед магазинами превратились в стойбища дегенератов — пьющих, гогочущих, испражняющихся на глазах у мужчин и женщин, стариков и детей — на глазах у молчаливого большинства.

Если кому-то эта проблема покажется надуманной, не заслуживающей внимания, я посоветовал бы парню, провожающему вечером девушку домой и попавшему в такую ситуацию, вспомнить свои ощущения. Или отцу семейства, вынужденному выслушивать мат вместе со своими детьми и при этом мучиться от злости и бессилия.

Ничего не проходит даром. Однажды ворвавшись в ваш мир, это не может не разрушать его. Добрая, умная девушка пожалеет своего парня, понимая, что он не может вступать в драку по нескольку раз на день, и простит его. Но отношения их будут уже иными. Дети привыкнут к новой для себя лексике и нет-нет, да и во дворе от них услышишь такое же.

У нас постепенно отнимают человеческое, и мы уступаем, молчаливо давая загнать себя в резервацию собственного маленького мирка, где мы хотя бы ограждены от агрессивной низости. И вот это-то отнятое у нас жизненное пространства — пространство дворов и парков, улиц и проспектов, кафе и ресторанов, городского транспорта и даже театра (я уж не говорю о дискотеках) — оно невосполнимо. Мы что-то теряем безвозвратно, добровольно отдавая по частицам личную духовную свободу.

Не будем сейчас увлекаться высокими материями, хотя от этого, повседневного, и зависит нравственность общества, на которой базируется все: и экономика, и политика. Зададим себе простой вопрос: так что же нам делать? Как противостоять этому?

Приведу случай, свидетелем которого оказался. Правда, было это в Германии, в Берлине. Автомобиль с дипломатическими номерами (!), за рулем которого сидел молодой человек и ярко накрашенная девица, сделал попытку… не пропустить пешехода на «зебре». Всего-то! Признаться, я был ошарашен немедленно наступившими для водителя последствиями. Все, кто был рядом, человек 7–8, тут же обступили машину, стали громко кричать (потеряв всю свою немецкую чинность и благопристойность) и воздействовать на водителя: тыкать зонтиком ему в лицо, стучать кулаками по капоту, по лобовому стеклу и т. д. Водитель, подняв стекла дверец и пригнув голову, молча это перетерпел, а потом, осторожно вырулив на проезжую часть, ударил по газам. Существенная деталь: невдалеке стоял полицейский и наблюдал за происходящим, одобрительно улыбаясь и помахивая дубинкой. Свидетелем подобных сцен — в разное время и при разных обстоятельствах — я был не единожды.

В Германии — утонченной и воспитанной — тоже всякое может случиться, но только реакция на это совсем другая. Немцы, как рыбы в стайке, вдруг, повинуясь невидимому импульсу, кидаются на защиту того, что для них свято — Порядка.

Возможно ли такое у нас? Сомневаюсь. Но также твердо я уверен и в том, что все это небеспричинно. Не сразу и не все мы стали безмолвными, слепыми и глухими. Просто научены. У очень многих (я имею в виду, прежде всего, мужчин) имеется, наверное, подтверждение этому в личном опыте.

Вернемся к ситуации в автобусе. Чем закончится решительная попытка пресечь нецензурщину (проходящую, кстати, по вполне определенной статье УК)? Скорее всего, неминуемой дракой. Вступят ли в драку армейский офицер или офицер милиции «не при исполнении»? Никогда. Потому что никто не будет разбираться, почему он это сделал, ему просто влепят выговор, а у него звание на подходе, должность…

Для гражданского человека все еще сложнее: даже если избежишь травм, увечий и одержишь «победу», то не радуйся: привод в милицию обеспечен, а там неизвестно, как

оно обернется — можешь и загреметь за превышение необходимой самообороны, а то вообще объявят зачинщиком — подумаешь, словом его обидели! Тебя же не били, в конце концов! Хитрая машина милицейских протоколов, дознаний, свидетельств и т. п. постепенно подводит тебя к страстному желанию проклясть тот день и час, когда ты позволил себе поддаться чувству и ответил на оскорбления так, как диктовали обстоятельства.

К тому же, когда увидишь вдруг, что известный всему району забулдыга, выйдя из опорного пункта, назавтра опять стоит у магазина и тихонько о чем-то шушукается с сотрудником милиции, тебе многое становится понятным. В подтверждение всему сказанному можно привести инциденты с моими родственниками, знакомыми, да и личный опыт имеется…

Всю силу и мощь власти, наводящей «порядок», мы наблюдаем чаще всего во время демонстраций, шествий, манифестаций и т. п. Во всех остальных случаях каждый из нас спрессован между агрессивным, наступающим хамством и обезличенной, бездумной властью, давно живущей по своим собственным законам.

Каждый выживает в одиночку? Как может?

Только вот бы чего не забыть: зажатый в стойло равнодушия человек неспособен быть гражданином. И ему нечего любить. Потому что родина — и есть то пространство, где проходит наша жизнь.

Народная воля, 2000, 24 июня

Телевидение — средство эмиграции?

Непосредственным поводом для написания статьи послужило назначение председателем Национальной Белтелерадиокомпании Виктора Чикина — секретаря ЦК пролукашенковской коммунистической партии.

Древнеримский философ-стоик Сенека как-то заметил: «Все настоящее создается медленным ростом». Классика можно дополнить в том смысле, что и упадок, настоящая деградация тоже созревают не сразу. Для этого нужны годы, даже десятилетия. Так, последние назначения в руководстве Белтелерадиокомпании показали, что личность руководителя БТ уже не имеет никакого значения. Окончательно деградировавшей системе безразлично, кто будет ею руководить. Формальный признак — личность руководителя — приведен, наконец, в соответствие с сущностным: руководить, по существу, нечем.

Возможно, здесь я буду неправильно понят. Руководить — это значит возглавлять тот творческий процесс, который и является сутью деятельности БТ. Так вот, невозможно руководить тем, чего давно уже нет. А вот командовать, приказывать, наказывать — это сколько угодно. Какая разница: Белорусское телевидение или казарма?

Но сейчас речь о другом. Я могу с уверенностью заявить, что дефолт Белорусского телевидения совершился не сейчас. И не с 1994 года началось его угасание, как многие думают. Все стало очевидным гораздо раньше. Право на такое утверждение дают мне почти тридцать лет, прошедшие с того дня, когда я впервые переступил порог здания на улице Коммунистической, 6.

Наилучшие свои годы Белорусское телевидение переживало, очевидно, в 70-е и до середины 80-х годов. Оно было советским, конечно, но большинство программ БТ отличало мастерство комментаторов (кстати, первые штатные комментаторы появились именно в Минске. В Москве, на Центральном телевидении, эти ставки ввели

позже), основательность сценарных разработок, сложившаяся школа режиссуры, особенно в телевизионном документальном кинематографе. Был вообще небывалый случай: два года подряд главные призы на Всесоюзном кинофестивале завоевывали фильмы молодого тогда режиссера-документалиста Юрия Хащеватского. Белорусские программы шли на «ура» в высоких инстанциях в Москве, транслировались по Интервидению, многие из них закупались для показа в зарубежье, которое потом назвали дальним. Весьма добротными были многие из научно-популярных, литературно-драматических, музыкальных программ, выходивших тогда в эфир.

В то же время в общественно-политическом вещании все больше давали себя знать (эпоха застоя, канун перестройки!) противоречия между тем, что требовала от телевидения «руководящая и направляющая» и тем, что видели журналисты, приехав на завод, в колхоз, разговаривая с людьми. Телевидение вообще, в силу своей природы — зрелищности, наглядности, достоверности — лгать не может, а если и делает это, то только во вред себе. Первыми заметили это, конечно, руководящие товарищи, но, как всегда, обвинили в этом творческих работников. Докладываю товарищу Чикину, что еще в начале 80-х годов его товарищ по партии, тогдашний заведующий сектором ТВ и радио ЦК КПБ прилюдно, на коллегии Гостелерадио назвал БТ «смеццеваю ямаю» и повторил это определение раз десять. Оно запомнилось. Все понимали: «процесс пошел». И, как всегда, процесс пошел «сверху». ТВ — намертво спаянная с коммунистическим истеблишментом структура — первым приблизилось к зияющей пропасти между ставившимися «идеологическими задачами» и невозможностью их исполнения.

Положение усугублялось еще и тем, что телевидение как производственный механизм, как предприятие находилось в рабской зависимости от архаичных производственных отношений «социалистического хозяйствования». Качество телевидения напрямую зависит от техники, экономики, организации. Смею вас уверить, что в этой

сфере с 70-х годов прошлого века не изменилось ровным счетом ничего. И в ту производственную структуру, какой является БТ вкупе с Республиканским радиотелецентром, какие миллионы ни всаживай — все уйдет как в песок, без отдачи. Это с гарантией.

С 1991 года, когда все лопнуло, у БТ появилась потенциальная возможность развиваться в относительно автономную и в творческом, и в экономическом отношениях систему. Именно в эти годы возникли и динамично развивались независимые студии, начал складываться рынок услуг видеопроизводства. Кстати, первая известность к молодому журналисту Павлу Шеремету пришла именно тогда. Он был автором и ведущим популярной информационно-аналитической программы «Проспект», создававшейся одной из независимых частных телекомпаний. «Проспект» стал серьезной альтернативой правительственному официозу, уже тогда в стенах студии называемому не иначе, как «Пилорама».

Однако в 1994 году стало ясно, что «верхи» по-прежнему рассматривают телевещание как разновидность нервно-паралитического газа, которым опрыскивают население с целью подавления его сознания и воли. Новая «команда», пришедшая к власти, вообще приватизировала национальное достояние — эфирное время государственного телевидения. Многим до сих пор помнится эпизод в ходе «прямой линии» общения президента с народом. Глава государства, обращаясь ко мне, ведущему той передачи, стремившемуся завершить ее вовремя, в соответствии с программой, упрекнул: «Ну что ты, Эдуард, в самом деле? Что нам, Кисель еще часа полтора в эфире не даст?» И мы работали еще полтора часа. А наутро телефоны в редакции разрывались, и возмущенные зрители интересовались, почему они увидели ожидаемый ими фильм только к ночи, и кто дал право бесконтрольно распоряжаться эфирным временем, оплаченным из его, зрителя-налогоплательщика, кармана?

Но бесконтрольное владение эфиром — вещь коварная. Чем больше сидишь в «ящике», тем больше приедаешься, а потом вызываешь раздражение. В конце концов зритель берет пульт дистанционного управления и нажа-

тием кнопки… отправляет тебя в небытие. Кнопка — это страшное оружие.

Здесь, как и везде, пренебрежение законами профессии мстит жестоко. И чем менее критически, чем менее профессионально относятся журналисты к указаниям властей, тем с большей гарантией они «зарывают» того, на кого работают. Закон этот неумолим. Под его действие попал Кебич (**в 1990–1994 гг. — премьер-министр Беларуси — прим. автора**). То же самое происходит сейчас с Лукашенко. Всего лишь один пример. Кто мешал вырезать из фонограммы интервью президента знаменитые впоследствии слова о положительной роли гитлеризма в развитии немецкого самосознания? Однако первым этот «тезис» растиражировало Белорусское радио имени товарища Ядренцева (**тогдашний зам. председателя Белтелерадиокомпании «по радио» — прим. автора**). Той же «передозировкой» занимается сейчас АТН (**Агентство теленовостей, действующее и поныне — прим автора**).

Верной дорогой идете, товарищи!

Под действие этого закона может попасть кто угодно. Было бы желание. В этой связи мне лично абсолютно непонятен весь тот сыр-бор, который разгорелся вокруг доступа оппозиции к телерадиоэфиру. Дайте ей, оппозиции, столько времени, сколько она требует, и еще в три раза больше с обязательным условием выбрать лимит без остатка. И вы увидите, что произойдет через два-три месяца с ее рейтингом, и без того невысоким. Запрет же на эфир этот рейтинг повышает: «А может быть, эти люди действительно что-то знают?».

Забыв о «страшной» кнопке телезрителя, власть создала АТН — телевизионный «спецназ» — и вогнала туда колоссальные средства. А остальные редакции — около десятка — хирели, хирели… Бессмысленно вспоминать сейчас о мизерных зарплатах главных редакторов, не говоря уж о рядовых сотрудниках, о массовом бегстве инженерно-технического персонала, об угасании школы профессионального мастерства, о безнадежном отставании в постановочных технологиях телепроизводста.

На упреки телезрителя: «По БТ смотреть нечего!» творческим работникам и ответить-то нечего — они сами заложники сложившейся ситуации.

Это все частности, отдельные признаки общего, системного кризиса, поразившего ТВ как «ячейку» нашего общества. И поэтому создание неких продюсерских центров в рамках сугубо плановой экономики БТ — нонсенс. Жалко Егора Хрусталева. Хороший он журналист, и передача у него интересная (одна из немногих на БТ), но генеральный продюсер при председателе БТРК — секретаре ЦК КПБ — это тоже нонсенс.

Смена караула в Белтелерадиокомпании состоялась. Полная замена руководства может означать только одно: власть крайне недовольна положением дел на БТ. Но никто не будет вникать в то, что же на самом деле происходит. Впереди — выборы, а это поважнее всяких премудростей.

И об ушедшем. Как всегда, ничего, кроме хорошего. Придя в 1994 году в БТРК, Григорий Кисель быстро вник в положение дел. Поначалу у этого человека был свой кодекс, который не позволял ему мириться с ситуацией. Я это точно знаю. Я проработал с ним бок о бок больше года. Но его быстро сломали, и после майского референдума 1995 года мы расстались: я положил заявление об уходе. А Кисель, сконцентрировав свое внимание на АТН, всей логикой дальнейших событий был превращен в персонального виновника всего того, что происходило в эти годы на БТ. Думаю, покидая здание на ул. Макаенка, 9, Кисель был по-настоящему счастлив и радовался возникшей возможности оказаться подальше от этого места, гибельного для всякого, кто придет на БТ делать только карьеру.

(**Вот тут автор ошибся принципиально. Дальнейшие события показали, что Григорий Кисель остался верным «оруженосцем» президента. Впоследствии он стал создателем ОНТ и немало потрудился для того, чтобы телевидение стало настоящей спецслужбой авторитарного режима — прим. автора.**)

Мир праху твоему, Белорусское телевидение. Ты честно старалось угодить власти, заведшей тебя в яму.

Оставшись в стороне от магистральных путей развития телевизионного творчества, ты уже пришло к мировому стандарту вещания… слаборазвитой страны. Огромное количество фальсифицированных новостей, поток зарубежных сериалов, безмозглых видеоклипов, рекламы жвачки, шампуни, памперсов, подгузников и прокладок… А национального в тебе только и остается, что костюмированные пляски местных аборигенов. Все остальное заполняют крутые боевики, в которых после каждого сокрушительного удара в челюсть белозубый англосаксонский герой спрашивает: «Are you o’kay»?

O’kay, o’kay. Все в порядке. Будем жить дальше. Но при этом смотреть телевидение других стран, которым повезло больше. Телевидение как средство эмиграции — этого у нас еще не было.

Эдуард Мельников, бывший телекомментатор,
главный редактор общественно-политических программ БТ,
зам. председателя Гостелерадио РБ

Белорусская деловая газета, 2000, 5 августа

«Не бойся, я с тобой!»

Помните старый фильм с таким названием? Там есть сцена в тюрьме, где оказался один из героев (его играет Лев Дуров). Подходят к нему два «сидельца» и говорят: «Послушай, дорогой, отдай нам свой золотой зуб, а?» — «Как же так, — отвечает опешивший поначалу «Дуров», — он ведь мне самому нужен?» — «Ты не волнуйся, дорогой, — отвечают ему, — это уже не твой зуб, это даже не наш зуб, это уже его зуб». И указывают на «пахана», которому они проиграли в карты золотой зуб своего сокамерника.

Нечто подобное происходит сегодня в нашей стране в сфере распространения, доставки и продажи населению тиражей независимой демократической прессы.

Когда читатель подходит к газетному киоску и покупает, скажем, «Белорусскую деловую газету», «Народную волю» или «Свободные новости», то он проявляет уважение именно к этому изданию, а, заплатив за свой экземпляр, тем самым поддерживает свою любимую газету материально. И ему, нашему читателю, невдомек, что уже давно он отдает свои кровные, свой «золотой зуб» не столько газете, сколько тем, кто ее обслуживает — доставляет и реализует — Республиканскому государственному объединению «Белпочта» и торговому республиканскому унитарному предприятию «Белсоюзпечать».

Хочу оговориться сразу: «Белсоюзпечать» свои деньги зарабатывает честно: тиражи сортируются, спрос изучается, газеты продаются в любое время дня. И все это делается за четко фиксированный, одинаковый для всех газет процент, согласно договору между редакцией и предприятием «Белсоюзпечать». Правда, есть некоторые проблемы. Например, из минской областной «Союзпечати» деньги приходится получать с помощью платежных требований. В последнее время по всей республике подозрительно быстро возросли проценты возврата тиражей, т. е. тех экземпляров газет, которые читатель якобы не купил. Процент этот резко подскочил как раз по независимым изданиям. И преимущественно по районным центрам, хотя в маленькие

городки и без того идут считанные экземпляры. Такое вот интересное «природное» явление — в маленьких городах стали выпадать газетные осадки. Люди звонят к нам в редакцию, жалуются, что невозможно купить «БДГ», а месяцем позже областные предприятия «Белсоюзпечати» сообщают возросшие цифры возврата, в том числе и из тех районов, откуда нам звонили. С государственными изданиями этого почему-то не происходит.

Мы почти не сомневаемся, что действует тихая, негласная установка «зажимать» поступающие экземпляры независимых изданий, заталкивая их в потайные углы киосков, подальше от глаз любопытного читателя, а потом списывать, вводя редакции в дополнительный расход, усиливая и без того непомерное экономическое бремя. В Минске киоскеры активно продают «БДГ» и другие популярные издания — это выгодный для них «товар», а возвраты забирают редакции, в других же городах и поселках — фактический возврат проконтролировать невозможно, поскольку вместо возвращенных экземпляров газет по почте приходит акт на списание.

Но это, в конце концов, технологические проблемы, которые так или иначе решаются, в том числе и с помощью альтернативной системы реализации газет. Иное дело — Белпочта. Прежде всего, она — официально зарегистрированная организация-монополист: решением № 94 Министерства предпринимательства и инвестиций от 15.06.1999 года РО «Белпочта» включено в Государственный реестр хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках РБ по товарным позициям: почтовая связь и спецсвязь. Конечно, мы можем спросить себя и читателей: почему у нас не развивается альтернативная доставка газет и почты, почему нет здоровой конкуренции, неизбежно ведущей к снижению тарифов? Ведь даже в России есть несколько крупных частных и акционерных компаний, действующих в этой сфере. (Мы уж не говорим о Прибалтике и других странах.) Мало ли чего у нас нет?

Но вот вопрос, на который Белпочта ответить обязана: почему свое монопольное положение это предприятие

использует для совершения злоупотреблений, диктуемых исключительно политическими соображениями? Как иначе можно расценить то обстоятельство, что для негосударственных газет тарифы на распространение тиражей устанавливаются Белпочтой намного более высокие, чем для государственных? Ведь это прямое нарушение статьи 13 Конституции Республики Беларусь, согласно которой государство должно предоставлять всем равные права для осуществления деятельности. Несчастливый номер выпал нам в Конституции, что и говорить…

Вот как это выглядит на практике. Если к отпускной цене (которую формирует редакция) «Советской Белоруссии» и «Рэспублікі» Белпочта добавляет соответственно 90,9% и 75,9%, то на отпускную цену «Народнай волі» «накидывается»… 192%, «БДГ» — 139%, «Белорусского рынка» — 183%, «Свободных новостей» — 108%. Для индивидуальных же подписчиков тарифы Белпочты на доставку, например, «Народнай волі» в 3,6 раза выше, чем «Советской Белорусссии», а по сравнению с «Рэспублікай» доставка, экспедирование и т. д. для «БДГ», «Белорусской газеты», «Свободных новостей» обходится в 3,3 раза, для «Нашай нівы» — в 3,7, для «Белорусского рынка» — в 3,8 раза дороже.

Но, приводя эти цифры, полученные на основании тарифов рабочего подписного каталога Белпочты на I квартал 2001 года, мы, справедливости ради, должны заметить, что некая «высшая сила» (может быть, совесть?) все же влияет на аппетиты почтовиков. Потому что все второе полугодие 2000 года «Белорусскую деловую газету» распространяли, экспедировали и доставляли по цене, в 5 раз превышающей тарифы, например, для «Рэспублікі». А куда же смотрит «головное предприятие» — Министерство связи, которое призвано контролировать Белпочту и не позволять ей нарушать законы? А оно смотрит туда же. В своем официальном ответе Министерство популярно разъяснило, что тарифы вовсе еще не запредельные и они не могут быть снижены «в связи с тем, что РО «Белпочта» имеет значительные убытки». Но на вопросы о том, откуда же эта убыточность и на основании каких нормативных документов устанавливаются драконовы

тарифы, обирающие (обдирающие!) и читателя, и редакции, руководитель РО «Белпочта» г-н Игнатович соизволил ответить, что «эта информация является конфиденциальной». Вот теперь все понятно. Снизить себестоимость своих услуг за счет внедрения новых технологий, сокращения затратной части своего производства, в том числе огромного управленческого аппарата, Белпочта как истинно государственное предприятие не в состоянии. Убыточное предприятие, оно хочет выжить за счет других. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». А если вы хотите знать, как мы это делаем, то это государственный секрет. Кстати, рабочий подписной каталог, на основании которого выведены все вышеназванные цифры, Белпочта бережет от чужих глаз, как зеницу ока. Не уберегли, однако…

И что же из всего этого следует? Да все то же. Экономическое давление высокими тарифами — одна из самых эффективных мер, служащих стратегической цели — ликвидировать независимую прессу. В сочетании с повышением цен на бумагу, высокой арендной платой, «наездами» на типографии, бесконечными проверками, штрафами и судебными исками, пресловутой перерегистрацией, сдвинутой аккурат на канун президентских выборов, — все это надежный комплекс средств для удушения демократической прессы.

Однако живем пока, и только благодаря тому, что читатель нас поддерживает. За последний год тираж «БДГ» почти удвоился, и читают каждый наш номер не менее 3—4 человек. Так показывают объективные социологические исследования. С апреля мы не повышали отпускную цену на «БДГ», хотя это очень трудно в условиях непрекращающейся инфляции и «выравнивания» курса Нацбанка. А увеличение цены в подписных каталогах и в рознице — это как раз следствие возросших тарифов на экспедирование, пересылку и доставку тиража.

Однако чтобы мы с вами, уважаемые читатели, не кормили государственных захребетников, позвольте дать вам несколько советов. Прежде всего, вы можете покупать «БДГ в нашем магазинчике на Интернациональной, 11-а. Здесь она стоит всего 105 руб.

Но самый надежный и выгодный способ регулярного общения с газетой — это подписка. Если вы регулярно покупаете газету в киоске, то выложите в месяц около 2,5 тыс. руб. Если подпишетесь на Белпочте, то заплатите 2 406 руб. Минчанам я могу порекомендовать подписаться там же, на Интернациональной, 11-а, у нас в «БДГ», в отделе распространения. Стоит это всего 1 700 руб. в месяц. Для организаций — 2 200 (вместо 3 064 в Белпочте). Не хочется ехать на Интернациональную — можете подписаться в любом отделении городского управления «Беларусбанка». У нас с ними действует договор. При подписке вы вносите деньги заранее, но на эти деньги мы заранее купим бумагу и будем застрахованы. Все риски по инфляции газета берет на себя. При этом наши курьеры доставят вам газету не просто в ящик, где ее могут украсть, а принесут домой в тот час, когда вам удобно, и вручат в руки. К слову, мы можем подписать вас практически на большинство белорусских изданий, включая государственные, и на российские, общим числом более сотни.

В областных центрах лучше всего обращаться к нашим представителям (кстати, мы приглашаем к сотрудничеству людей, желающих ими стать). Это будет дешевле. Ну, а уж в районных центрах придется подписываться через Белпочту. Пусть она отрабатывает полученные от вас деньги. Если вам вдруг откажут в приеме подписки (а такие случаи были) — сразу звоните нам. Это прямое нарушение закона.

Мириться же с дискриминационными тарифами Белпочты в отношении независимой демократической прессы мы не намерены. 12 декабря ЗАО «Белорусская деловая газета» подала иск в Высший хозяйственынй суд с просьбой признать деятельность Республиканского государственного объединения «Белпочта» неправомерной и прекратить противоправную деятельность, а также пресечь нарушающие равные экономические условия хозяйственной деятельности в Республике Беларусь… действия государственного органа — Министерства связи РБ. Однако уже 18 декабря судья Высшего хозяйственного суда Т. Б. Китаева отказала в принятии искового заявления на

том основании, что этот спор не может быть предметом рассмотрения ВХС.

В этой связи Центр правовой защиты БАЖ готовит обращение в Министерство предпринимательства и инвестиций (антимонопольный орган) с требованием пресечь дискриминационную деятельность РО «Белпочта», направленную против негосударственной прессы. Если же и решение Министерства не устроит редакции газет, они с полным основанием на то снова обратятся в суд. К иску может присоединиться любая газета — столичная или региональная, — которая сталкивается в своей деятельности с теми же проблемами. Для этого нужно обратиться в Центр правовой защиты СМИ при Белорусской ассоциации журналистов (тел. 220-66-16). С господами из Белпочты и Минсвязи мы встретимся, я думаю, в суде. А со своим читателем мы расставаться не собираемся, потому что, получая «БДГ», он каждое утро говорит нашей газете: «Не бойся, я с тобой!»

Эдуард Мельников, генеральный директор ЗАО
«Белорусская деловая газета»

БДГ, 2001, 16 января

Когда уезжает будущее

«Никто не хочет любить в нас обыкновенных людей»

А. П. Чехов

Лучше не сравнивать…

Бог с ней, с любовью. Обыкновенный, «маленький» человек и сам способен обустроить свою жизнь. Лишь бы не мешали. Вспомним: в 1991–1994 гг. в Беларуси явственно обозначились тенденции формирования рыночных отношений. Пожалуй, почти каждый почувствовал тогда: у него есть шанс. Но с 1995 г., как известно, мы живем в другой стране — с другим гербом и флагом. Однако итоги последних лет могут быть оценены и с другой точки зрения. Извне. Со стороны, как говорится, виднее.

В конце нынешнего года нас ожидает знаменательная дата — десять лет со дня распада (развала? — кому как удобнее) СССР и образования на его руинах пятнадцати независимых стран. Двенадцать из них составили Содружество независимых государств. Но не об СНГ как о международной организации сейчас речь. Его юбилей вряд ли станет мировым событием. Но можно оглянуться и кое-что сравнить: неужели у всех так же, как у нас? При этом мы не претендуем на всесторонний анализ: это невозможно сделать в рамках одной статьи. Обратим лишь внимание на то, что касается забот и нужд рядового, обыкновенного человека.

Конечно, эти десять лет не прошли даром. Оформились долговременные интересы каждого из новых независимых государств, проявились как интеграционные тенденции в отношениях между ними, так и различия, противоречия, даже соперничество. Кое-где прогромыхали и войны… Но это, так сказать, на международной арене. Во внутреннем же социально-экономическом развитии каждая страна прошла свой собственный путь, в главных чертах совпадающий со столбовой дорогой мирового цивилизационного развития, а в деталях отличающийся, конечно, своими национальными особенностями. Важно то, что этот путь пройден, и движение

по нему продолжается. Это особенно заметно в сравнении с белорусской ситуацией, хотя дипломатическая эсэнгэшная статистика избегает прямых сопоставлений и оценок.

Отношение белорусских властей к мелкому и среднему бизнесу общеизвестно. Процесс регистрации и особенно перерегистрации предприятий стал, по существу, реализацией государственной программы удушения частнопредпринимательской инициативы. Предпринимателя у нас изначально считают фигурой опасной, угрозой обществу, способной подорвать прочность государственных устоев. В большинстве же стран СНГ (мы уж не говорим о Прибалтике) именно мелкий и средний бизнес называют базисом экономического процветания и тем самым укрепления государственности. Вся мощь машины государственного управления служит защите интересов простого человека.

Возьмем, к примеру, Казахстан. О Н. Назарбаеве пресса, в том числе и белорусская, писала разное. Но распоряжение «О дополнительных **(! — Э. М.)** мерах по защите прав граждан и юридических лиц на свободу предпринимательской деятельности» мог издать только руководитель, хорошо понимающий, во-первых, значение этой самой деятельности для подъема экономического благосостояния страны, а во-вторых, прекрасно осведомленный об опасности тихого, негласного сопротивления чиновников, не желающих делиться экономической властью с новым, настоящим хозяином производства. Недемократично, может быть, но иначе, очевидно, нельзя. Именно благодаря усилиям государственных органов в Казахстане в прошлом году по сравнению с предыдущим количество субъектов мелкого и среднего бизнеса увеличилось на 23%, а число занятых — на 25%. Промышленное производство в Казахстане в прошлом году выросло на 15,3%, а ВВП — на 10,5%. (В Беларуси соответственно на 8,6% и на 5%.) Нам бы увидеть хоть один государственный документ, в котором есть слово «свобода»!

В Киргизии парламент принял закон об упрощенном налогообложении малого бизнеса. Знакомство с этим документом повергло бы наших предпринимателей в глубокую меланхолию. Вместо всех прежних налогов введен единый

дифференцированный с валовой выручки в размере... от 3 до 10%. В итоге здесь ожидают — и вполне обоснованно — суммарного увеличения (а не уменьшения) поступающих в казну налогов. У нас же, стремясь содрать с овцы шкуру вместе с мясом, только загоняют экономику малого предприятия в «тень», в подвал, в криминал. Сейчас в Киргизии 25 тысяч малых и средних предприятий, на которых занят каждый четвертый житель страны. Малому и среднему бизнесу в ближайшие 10 лет президент А. Акаев отводит роль главного двигателя экономических и социальных перемен в стране.

Еще более впечатляют темпы развития предпринимательства в Узбекистане. Вообще, по мнению экспертов, — это одна из наиболее динамично и эффективно реформирующихся стран СНГ. В малом бизнесе здесь работает почти половина общего числа занятых, и прирост этой категории работающих не может не поражать: в первом полугодии прошлого года, например, в Узбекистане создано рабочих мест в малом и среднем бизнесе в два раза больше, чем за тот же период предыдущего, 1999 года. Даже если сделать поправку на парадность официальной статистики, то нельзя не отметить для себя, что страна считает показатели развития предпринимательства очень важными для своего имиджа. У нас в Беларуси предпринимательский сектор производит не более 11% ВВП, и никого это не волнует. Какая разница, сколько? У нас другие приоритеты... Широко открыл Узбекистан свои таможенные ворота и для «челночного» бизнеса. С 1 июля 2000 года узбекские «челноки» ввозят в страну без акцизов ряд продовольственных товаров (масло, чай, сахар), не знают головной боли из-за лимитов беспошлинного ввоза. Они пользуются льготами по арендной плате за складские помещения и офисы. Торговые предприятия освобождаются от арендной платы за землю. Юридическим лицам разрешено закупать у «челноков» импортные товары.

В Армении Центробанк осуществляет специальные программы по кредитованию малого и среднего бизнеса.

В России около миллиона малых предприятий, в основном в мелкой торговле, строительстве, сфере услуг.

Объем же «челночного» импорта составляет около трех миллиардов долларов в год. Не менее интересные наблюдения можно сделать, опираясь на сведения о динамике сельскохозяйственного производства. Правда, здесь картина не такая однозначная.

Прежде всего, уже к 1998 году в большинстве стран СНГ главенствующей в сельскохозяйственном производстве была частная форма собственности, сформировался новый класс сельских товаропроизводителей. На начало 2000 года в странах Содружества действовало свыше миллиона фермерских хозяйств.

Однако немедленного счастья это не принесло: за девять лет всеобщей независимости объем сельскохозяйственного производства сократился в среднем на 36%. Но интересная подробность: там, где реформы в этой сфере застряли (Россия, Украина, Молдова) или вообще не проводились (Беларусь), упадок — наибольший; там же, где они постоянно осуществлялись, негативные последствия минимизированы (в Киргизии, Узбекистане 7–8% спада, в Грузии — 3%). В Армении же рост сельскохозяйственного производства за последние годы — 30%. Но реформа сельского хозяйства в Армении заслуживает отдельного разговора.

Поехали...

О том, как государство относится к своим людям, косвенно можно судить по темпам экономического развития, размерам реальной зарплаты и т. д. О том, как люди относятся к своему государству, красноречиво говорит статистика… миграционных процессов. Если нет иного выхода, за лучшую долю люди начинают голосовать ногами, тем самым называя своим другое государство. Раньше такая возможность была уделом избранных. Сейчас это в принципе доступно каждому. Если он этого очень хочет, конечно. И, конечно, мы говорим не только о легальной миграции…

В 1991 г., когда исчезли ограничения на выезд за рубеж, установленные советскими властями, постсоветский мир сдвинулся с места. Именно на этот год пришелся пик эмиграции, в особенности из России (760 тыс. человек),

Украины (80,8 тыс.), Казахстана (78,3; но пик выезда из этой страны был в 1995 г., когда к уезжавшим немцам «подключились» русские — 101, 4 тыс.), Узбекистана (26,6 тыс.), Беларуси (25,4 тыс.). В дальнейшем эмиграционный поток стабилизировался, хотя и остался довольно высоким: в течение последних семи лет из России ежегодно выезжало около 80 тыс. человек, из Украины и Казахстана — по 50 тыс., из Беларуси — 10 тыс. человек.

Конечно же, масштабы, характер эмиграционных процессов отражают экономическое и социальное положение в постсоветских странах. Например, за последние девять лет самые крупные миграционные потоки из стран СНГ направились в Россию как страну, наиболее «продвинутую» в направлении рыночных реформ. В 1994 г., например, миграционный прирост на 93% возместил естественную убыль населения РФ, а всего за 1991–1999 гг. положительный баланс России составил 3 млн. человек. Поначалу наибольший приток России давали Казахстан, Узбекистан, Киргизия (русские бежали от местного национализма), Азербайджан, Таджикистан (то же самое плюс военные действия). Затем отток мигрантов из Центральной Азии и Закавказья значительно уменьшился, а к настоящему времени и вовсе иссяк. В свете того, о чем мы говорили раньше, это явление вполне объяснимо.

А вот миграция из братских славянских стран не уменьшается. В Россию по-прежнему едут, в основном на заработки. Чемпионом по утечке собственных трудовых ресурсов, причем не только в СНГ, является Украина. Ежегодно она поставляет в Россию около 77 тыс. работников, около 70% рабочей силы из СНГ. До 1997 г. около 10–11 тыс. человек в год прибывало в Россию из Беларуси. Позже, в связи с созданием Союза Беларуси и России, учет белорусских рабочих был прекращен.

Нет статистики — нет проблемы, не так ли? Не будем при этом забывать, что в тени всякой официальной цифры стоит другая, в несколько раз, а то и на порядок превышающая ее. Это особенно заметно при изучении встречных потоков — иммиграционных.

В Беларусь едут афганцы, армяне, азербайджанцы, вьетнамцы, китайцы, индийцы, курды. Многие — транзитом в Восточную и Западную Европу, если удается… Но многие и оседают.

В отличие от стран Запада, где правовые государства трансформируют миграционные волны в законопослушное население, в Беларуси неконтролируемая миграция резко ухудшает обстановку. По сведениям статистических органов СНГ, за 1995–1999 гг. субъектам хозяйствования Беларуси выдано более 600 лицензий на привлечение иностранной рабочей силы, в результате чего в нашу страну въехало и официально зарегистрировалось более 6 тысяч иностранцев. По оценкам же экспертов, количество незаконных мигрантов (при этом подчеркивается, что информация неполная) в Беларуси составляет от 150 до 300 тыс. человек.

Масштабы и динамика миграционных процессов таковы, что, по заключениям ученых-демографов, к 2015–2020 гг. впору будет говорить о другом народе, заселяющем территорию страны. А наш народ едет к чужим пенатам. Основные адреса трудоустройства белорусских граждан за рубежом, если выстроить количество уехавших по убывающей, — Россия, Чехия, Украина, Венгрия, Польша, Германия, США, Израиль. Преимущественно наши земляки работают за рубежом как неквалифицированная рабочая сила — в строительстве и сельском хозяйстве. Хотя в последнее время, например, в Германию поехали программисты, математики. Около половины контрактников в других странах — молодежь в возрасте до 24 лет.

Уезжает наше будущее. Прибывает сюда — тоже будущее, но, наверно, уже не наше. Что ж, это будет не первый случай исчезновения, ассимиляции целого народа. И, наверное, не последний. Но все равно грустно. Потому что могло бы быть и по-другому.

У колумбийских индейцев есть поговорка: «Завтра — это только другое имя для сегодня».

Мудрые индейцы…

Абажур, 2001, № 2

Между прошлым и будущим

Жили. Были…

Лет двадцать назад на тихой окраине Бобруйска, в маленьком домике доживал свои годы старик Григорий Григорьевич. Летом он возился в садике-огородике, а зимой, вскинув на плечо видавшую виды «тулку», бродил по окрестным заснеженным перелескам и полям в сопровождении такой же старой русско-пегой гончей Нельмы с добрыми и печальными глазами. В войну Григорий Григорьевич был офицером, подполковником. После войны продолжал службу, но… угодил в тюрьму, как и многие из тех, кто, побывав в Европе и повидав, как жили там люди, не умел держать язык за зубами… Выйдя из заключения, работал в разных конторах и помалкивал все оставшиеся годы, а это составило больше половины его жизни. Только перед кончиной, умирая от тяжкой болезни, он тихо сказал как-то моему отцу, тоже в прошлом офицеру-фронтовику, с которым они когда-то в тюрьме и подружились: «Эх, обидно умирать! Так хочется посмотреть, чем же эта советская власть кончится». В том, что власти этой осталось недолго стоять, у старого ветерана и тени сомнения не было. Уж очень все не по-людски было, и очень давно. В 1984 г. умер Григорий Григорьевич, за семь лет до того, как рухнула могучая держава, которой принадлежала вся его жизнь. Отец мой пережил своего друга на четырнадцать лет. Он успел увидеть и перестройку, и первые президентские выборы, и узнать слово «референдум», и дважды оказаться свидетелем смены флага и герба той, уже якобы свободной страны, в которой жил. Но он тоже ушел с тихим сожалением о своей судьбе и ясной, жесткой памятью обо всем, что было с ним и его поколением.

Мертвые тащат живых

Зачем ворошить прошлое? — спросит Некто.

Что ответить ему на это? Что забывшие прошлое обречены его повторить? Так этому никто никогда не верит. Но

можно сказать и о том, что никакое это не прошлое, а часть нашей жизни, пятидесятилетних. Та эпоха застряла занозой и в наших судьбах, не отпускает. Я на всю жизнь запомнил тот день (было мне лет десять), когда отец пришел из военкомата, где ему, реабилитированному, вернули боевые ордена и медали. Он как-то внезапно постарел — осунулся и сгорбился. И долго сидел у окна, уставившись в одну точку…

А один мой хороший друг впервые увидел отца, вышедшего из заключения, уже восьмилетним. Его подтолкнули к незнакомому дяде и сказали: «Это твой папа». Тот день он тоже не забудет никогда. В эпоху перестройки и гласности (не забылись еще эти слова?) люди «разговорились». От своих родителей, от знакомых, из газет мы узнали много такого, о чем раньше даже подумать боялись. Моя мать, бежавшая со своими родителями из Винницкой области в Белоруссию в начале 30-х годов, в деталях, ужасающих своей достоверностью, рассказывала о том, что такое массовый, искусственно созданный голод, приведший к гибели миллионов украинских крестьян — Голодомор (сейчас это официально принятый термин в украинской историографии).

Все это слушали мои дети, сейчас только вступающие в самостоятельную жизнь. Может, действительно, не стоило отягощать их воспоминаниями о том, что было не с ними? Пусть бы, как говорилось в старых книгах, будущее отнеслось к прошлому с равнодушием, заменяющим справедливость?

Но все дело в том, что им придется жить в мире, первотолчок к изменению которого был дан в короткий период открытости, перевернувшей сознание миллионов людей. Узнав истину о своем прошлом, народы бывшего Советского Союза категорически отказались видеть его в качестве настоящего и будущего. После создания СНГ мы все стали жить в другой реальности. Однако новейший белорусский исторический опыт опроверг незыблемость утверждения о том, что время не возвращается. Оказалось, что история не всегда повторяется в виде фарса. Она способна создавать и новые жанры, например, народной драмы со зловещими оттенками трагедии и того же фарса, разыгрываемого всерьез.

Что увидел бы сейчас старик Григорий Григорьевич, если бы годы его продлились? Что советская власть, лишившись своего названия, ни на иоту не изменилась в сущностных чертах и по-прежнему зиждется на всемерном подавлении личности и ее прав. Что в экономике по-прежнему господствуют принуждение и страх, но они уже не действуют, а других стимулов нет, поэтому дела идут все хуже и хуже. Что общества не существует, а есть только два полюса: аморфная масса населения и не ограниченная ничем власть. Что по-прежнему жизнь устроена не по извечным прописям земным (жить и работать для себя и своих детей), а все по той же схеме отчуждения человека от его собственного интереса, и у этой схемы есть только одно рациональное объяснение: тот, кто приватизировал государство, тот бесконтрольно распоряжается богатствами этой земли, этого народа. В Беларуси удалось повернуть время вспять, возведя дамбу между прошлым и будущим. И чтобы оно, время, не прорвало эту дамбу, с одной стороны, стараются фальсифицировать нашу историю (одна лишь история с Куропатами чего стоит и полемика на страницах госгазет о целесообразности сталинских репрессий), а с другой — усиливают психологическое давление на умы молодежи и людей среднего поколения, на тех, кто, возможно, не слышал, не читал, не помнит. Призыв «не ворошить прошлое» не так уж безобиден. Однако уже выросло поколение, которое просто не хочет принимать эту игру. Пассивное неприятие — это и есть его выбор. Но последствия оно имеет не менее серьезные, чем самое активное сопротивление.

Ibi patria

Снова весна, снова обступили дачные заботы. Например, где достать пленку для теплиц? Несколько лет подряд мы покупали ее у одного и того же предпринимателя: она была потолще обычной, прочная и по цене подходящая. Это был его бизнес. Прошлой весной, доставив мне на дом свой товар, он разоткровенничался: «Все, не могу больше. Видимо, придется закрываться. Как только весна наступает — уже идут: налоговик, санстанция, пожарники,

участковый, финансовые расследователи… И все — одно и то же: дай пленки, дай пленки, дай! Бесплатно, конечно. Попробуй, откажи: дороже обойдется. Ну, я могу, конечно, от отчетности утаить процентов пятнадцать: у меня выход продукции из гранул выше, чем по госнормам. Но ведь они уже до половины объема дошли! Пытался жаловаться — все только плечами пожимают и посмеиваются».

Этой весной знакомый предприниматель уже не работал. В магазинах пленки почти не бывает, на рынках — очереди. Кое-как достали, конечно, но… за державу обидно.

Типичный случай? Еще какой! Бывают «наезды» на предпринимателей и покруче, с прямой уголовщиной, поборами и вымогательствами. Тысячи подобных фактов приводятся на страницах газет. Естественно, негосударственных. Любопытно, владеет ли наше министерство предпринимательства и инвестиций (?) сведениями о том, сколько инициативных, деятельных людей прекратили свой бизнес здесь, перенесли его за пределы своей неуютной родины в Польшу, Чехию, Словакию, Россию? Самые патриотичные из них, не желающие окончательно отрываться от родных корней, регистрируют предприятия в Смоленской области и развивают свое дело, наблюдая, как в родной Беларуси перерегистрация косит коллег почище любой чумы. Кто защитит этих людей? Милиция, суд? Не будем наивными. Органы власти по-прежнему сориентированы только на подавление, на запрет, на тотальный бесплодный контроль. Непостижимо, почему государство предпочитает иметь дело не с лояльными к нему людьми, создающими рабочие места и исправно отдающими налоги, а с озлобленными, потерпевшими крушение гражданами, пополняющими армию безработных? Не будем сейчас говорить о западных демократиях и правовых государствах. Это высокие материи, и не о них сейчас речь. Вопрос гораздо проще и прямее: неужели там, наверху, облеченные властью и немалыми возможностями, не понимают, что материальное благополучие сотен и сотен тысяч простых граждан (которое они сами себе и создадут — только не ме-шай!) и есть основа стабильности в государстве? Даже опыт бывших советских республик убедительно до-

казывает, что набором достаточно простых и надежных мер можно устранить источник постоянной социальной напряженности — беспросветное существование самой активной, трудоспособной части населения.

Но нет, в Беларуси так и не удалось остановить железный маховик большевистской «целесообразности», запущенный в 1917-м, с его императивами обязательного подавления инициативы снизу во имя суперабстрактной идеи государства — отца-благодетеля. Эта идея продолжает довлеть над умами тех, кто стоит сейчас у руля. Она сквозит в каждой строке любого президентского указа или декрета, правительственного постановления или решения.

В ответ — тихая, застарелая ненависть ко всему, что связано с деятельностью органов власти, и абсолютное недоверие к государству как социальному партнеру. А это уже действительно неблагонадежность — в том смысле, что все большее число людей не хочет считать эту страну своим домом. Особенно среди молодежи. У нее ведь нет комплексов «советского патриотизма», и девиз космополитизма «ibi bene, ibi patria» (где хорошо, там и родина) она воспринимает как вполне резонный. Между прочим, само слово «космополит» означает с древнегреческого «гражданин мира». А ругательным это слово стало с подачи таварища Сталина, радевшего за советскую Родину, где он был хозяином.

Один мой знакомый долго смеялся, прочитав газетную заметку. Там говорилось, как обитательница улицы «красных фонарей» в Гамбурге заявила россиянину, желавшему познакомиться с ней «за просто так»: «Вы, русские, придумали любовь, чтобы денег не платить». А смеялся мой знакомый оттого, что перенес смысл этого заявления на всю нашу социальную практику: вместо создания условий жизни, достойных человека, нам хотят заплатить нашей же абстрактной любовью к Родине.

Цинично? Конечно. Но не более чем превращать любовь к Родине в разменную монету на политическом поприще, более того, в топливо для разжигания ненависти к тем, кто любит свою землю не так, как прикажут сверху.

Они и мы

Обычно, даже в не столь отдаленные времена, правитель, видя, что дела в государстве плохи, стремился затеять пусть маленькую, но победоносную войну с соседями. Это отвлекало народ от собственных проблем, выявляло врагов отечества, возбуждало патриотизм, уменьшало число голодных и недовольных. Война все списывала.

Конечно, сейчас такие прямые аналогии неуместны: все-таки на дворе XXI век. Но можно развязать другую войну, например, пропагандистскую. Вместо того чтобы завоевывать доверие граждан мудростью экономической и социальной политики, власть открыла фронт психологической войны против собственного народа. Методы ее таковы, что можно с уверенностью сказать: основной целью таких «боевых действий» является резкое повышение градуса общественного противостояния, доведение его до крайней точки. Это с наибольшей убедительностью доказывает, что результатом здесь должно стать решение собственных проблем власти, возникших вследствие пусть молчаливого, но все же резко негативного общественного мнения о ней. Следовательно, нужно вовремя отвлечь внимание, назвать врагов, виновных во всех бедах, и сконцентрировать на них внимание. При этом неважно, кто будет назван (оппозиция, США, ОБСЕ, российские реформаторы, враги славянской идеи и т. д.), не имеет значения логика и аргументация. Вали все подряд. Авось сработает.

Но не срабатывает.

Законы психологии начинают действовать против самих заклинателей-«психотронщиков». Чем сильнее распаляется, размахивает руками и кричит на меня с телеэкрана бывший «правозащитник» Новиков, тем упорнее, сам не понимая почему, я ему сопротивляюсь. Поскольку ни за что более-менее логическое в его выкриках зацепиться не могу, я столь же инстинктивно стараюсь, блуждая взглядом по экрану, найти, чем бы его «уесть». И начинаю мысленно задавать ему, многословному и сумбурному, простые, но увесистые, как кирпичи, вопросы. Например, такие:

— Почему у этого «публициста национального эфира», разражающегося гневными филиппиками в адрес американских информационных технологий, стоит на столе ноутбук (простите за иностранщину, но русского аналога этому термину просто не имеется), воплотивший в себе последние достижения этих самых технологий? Что за низкопоклонство перед идеологическим противником? Пусть бы поставил ЭВМ производства Минского завода им. Орджоникидзе, это было бы очень патриотично.

— Не из Интернета ли американского или прессы он взял те самые факты, с помощью которых обличает «их нравы»? И как он объяснит такое противоречие?

— Кого он считает самым опасным агентом западного влияния в нашей синеокой Беларуси? Пусть назовет когонибудь из той «пятой колонны», о которой он так много и яростно распространяется.

Впрочем, тут я ему помогу. Серьезнейшим агентом «вражеского» влияния я считаю, например… автомобиль «Фольксваген-Пассат», даже б/у десятилетнего возраста, но неприхотливый и надежный, как все немецкое. Заметьте, я уже хвалю все немецкое. А, например, наши, славянские «Лада» и «Волга», даже новенькие, с завода, — это выброшенные деньги. А еще ударными агентами буржуазного влияния я считаю телевизор «Сони», видеомагнитофон «Панасоник», пылесос «Филипс», электробритву «Браун» и даже памперсы, которые у нас, кажется, вообще не выпускают. И они, эти агенты, движутся на нас ротами, батальонами, полками. Несть им числа. «Вещественные знаки невещественных отношений», все они демонстрируют преимущества «того» образа жизни, «той» экономики, «того» общества, которое лозунг «все для блага человека» предоставило воплощать самому этому человеку, дало ему на это право.

И еще у меня возникают вопросы к «публицисту эфира». Кого записать во вражеские агенты, которые довели до того, что в реанимации 3-й клинической больницы, где умирал от инфаркта мой отец, инвалид войны, — не оказалось глюкозы, чтобы поставить капельницу? И кто виноват,

например, в том, что человек, жену которого убил находившийся за рулем пьяный подонок с большими деньгами, не может добиться правды и наказания виновного? А кого записать в подрывные элементы, лишившие законных трудовых сбережений несколько поколений советских людей? Ведь такая широкомасштабная акция ни одному ЦРУ не под силу, не так ли? Примеры можно продолжить. Но, наверное, достаточно. Думаю, и так все понятно. Может быть, именно те, кто сейчас наверху, защищенные мундирами, должностями, званиями, недосягаемые для правосудия и даже для непредвзятого общественного мнения, и есть та самая «пятая колонна», которая подрывает доверие населения к своему собственному государству получше, чем дивизия вражеских лазутчиков?

Но такие вопросы не волнуют «публицистов эфира». Им важно указать врагов народа в нужном направлении, заданном. Что-то знакомое во всем этом проступает. И тени маячат, знакомые по нашей истории. Уж не неистового ли прокурора Вышинского?

Прошлое и ворошить не нужно — оно никуда не уходило. Сомневаться не приходится.

Белорусский выбор

Ощущение предела, какого-то рубежа, к которому мы все подошли, является доминантой общественных настроений. При этом кто-то надеется, что предстоящие выборы приведут к переменам. Пессимисты не верят в альтернативный исход выборов, но все же твердо убеждены, что именно это обстоятельство повлечет за собой неконтролируемое развитие событий. Есть и те, кто считает, что даже кардинальные перемены во властных структурах (а какими они могли бы быть?) уже ни к чему не приведут: управляемость экономическими и социальными процессами неуклонно падает, и события уже входят в пике непредсказуемости.

Но, очевидно, не стоит демонизировать ситуацию. Все гораздо проще, понятнее и… печальнее. Может быть, кому-то

и видится опасность резкой дестабилизации обстановки в стране. Однако развитие общественно-политической ситуации по этому сценарию маловероятно. По двум причинам. Во-первых, знаменитая толерантность белорусов, как выясняется, поистине беспредельна. Десятилетия (да где там, столетия!) истории нашего народа, по земле которого прокатились, пожалуй, все европейские войны, выковали поистине удивительный тип национального характера, который выживет под любым шквальным ветром, под любым прессом. Но для этого он должен пригнуться, как кустарник-стланник, который цветет и плодоносит, плотно вжавшись в землю, не отрываясь от нее.

Это спокойный, интеллигентный народ. Ну не хочет он выходить с камнями на улицу, даже если его к этому вынуждают. Белорусы — это ведь не южнокорейцы, филиппинцы или даже японцы. Если белорус и сопротивляется, то пассивно: он стремится уехать, раствориться в окружающем мире. Вопрос о том, что опаснее для национальной государственности — открытое возмущение граждан, требующих перемен, или их, граждан, постепенное исчезновение, — никто сейчас не задает. Не до того. Так что с этой точки зрения стабильность обеспечена.

Во-вторых, контроль над ситуацией ни на минуту не выскользнет из рук властей. В этом также можно не сомневаться.

Во все периоды советской истории единственной возможностью достижения успеха в жизни была принадлежность к власти, к начальству. Это означало все: материальный достаток, социальную защиту, даже личное и семейное счастье. Именно поэтому лучшие — самые образованные, энергичные, талантливые — попадали в избранный круг номенклатуры, рекрутировались на службу власти. Исключения только подтверждали это правило. Ничего не изменилось и сейчас: у руля в стране — все та же советская партгосноменклатура, чиновники. Опытные управленцы, они по-прежнему крепко держат ситуацию под контролем. Альтернативы «снизу» просто нет, и любой оппозиции опереться просто не на что.

Но своеобразие момента заключается в том, что впервые сама элита, представители «вертикали» готовы встать в оппозицию к самому «верху». Этот парадокс требует объяснения. За несколько лет «демократии», предшествовавшей выборам первого президента, номенклатура успела почувствовать вкус к собственной «экономической» деятельности. Финансирование предприятий оставалось бюджетным, а вот в сфере реализации и распределения начали действовать рыночные механизмы, слабо регулируемые тогдашним сомнительным законодательством. Эльдорадо… С приходом новой администрации все это было взято под жесткий тотальный контроль. Под «колпаком» оказались все, и залогом личной безопасности могла быть только личная беззаветная преданность. Однако с течением времени контроль становился все жестче, он приобретал самодовлеющее значение, и это было уже непонятно. Они, вертикальщики, может быть, и были бы готовы послужить еще, обменивая, как и раньше, лояльность подчиненных им территорий, предприятий и ведомств на вполне определенные экономические возможности. Но все дело как раз в том, что эти возможности, по сути, исчерпаны. Безрассудность действий власти в сфере экономики сейчас настолько очевидна, что целостность всего здания государственного управления внушает опасения даже тем, кто его осуществляет. Умные и проницательные, они видят дальше своего Патрона. Знающие цену политическому чутью, они убеждены, что придется делать выбор, и в самом скором времени. Им нужен ясный, недвусмысленный сигнал, поданный из инстанции, административный ресурс которой будет большим, чем имеющийся у нынешней власти здесь, в Белáруси. Нравится это кому-то или не нравится, но исход президентских выборов (в том числе и в пользу альтернативных кандидатов) будет решать все та же номенклатура. Благо, опыт «тихой» сдачи босса в 1994 г. еще не забылся. Но это означает также и то, что все ограничится внешними, косметическими изменениями, перестановкой старой мебели. И вокруг нового Первого лица опять вскоре за-

мелькают те же знакомые лица. При отсутствии массовых демократических движений в Беларуси, каких-либо зачатков гражданского общества по-другому, очевидно, и быть не может.

Для того чтобы провести широкие, поистине радикальные реформы экономических и социальных отношений, пользующиеся поддержкой абсолютного большинства населения, на политической сцене должен появиться лидер неизвестного нам доселе типа. Прежде всего, это должен быть человек, способный начать серьезный и продуктивный диалог власти с обществом, привлечь на свою сторону людей, пользующихся несомненным моральным авторитетом и незапятнанных сотрудничеством с режимом личной власти, создать условия, исключающие саму возможность административного произвола над экономической деятельностью и духовной жизнью людей.

Увидим ли мы такого лидера? Хотелось бы верить. И остаться оптимистом несмотря на свои прожитые пятьдесят лет…

Абажур, 2001, № 3–4

Куда идем?

Наивные заметки о перспективах общественного телевидения в Беларуси

Мало кто знает, что Белорусское телевидение долгое время было, да и сейчас остается… самым оперативным в мире. В самом деле, передвижная телевизионная станция (ПТС), к примеру, американской телекомпании ABC способна оказаться на месте события через пять минут после его свершения. Съемочная группа компании CBS вылетает на вертолете через три минуты после события. А ПТС Белорусского телевидения — огромный автобус Ликинского автозавода, начиненный громоздкой телевизионной техникой ленинградского и новгородского производства, выезжал к месту события… за шесть часов до него. Ровно столько времени требовалось по правилам технической эксплуатации для того, чтобы советская телевизионная техника смогла выдать стандарт «картинки» цветного телевизионного вещания, пригодный для трансляции в эфир.

Конечно, сейчас на БТ есть и импортная «передвижка», и портативные журналистские комплекты. Но суть не меняется: в большинстве случаев БТ «освещает» события, на которые ему заранее укажут. Или которые оно само же и организует. По указке сверху.

Телеклон

Материалы о серьезных кризисных явлениях на Макаенка, 9, все чаще появляющиеся в негосударственной прессе, находят подтверждение в тех официальных оценках, которые звучат с самого «верха». Поручение министру информации приступить к созданию второго телевизионного канала, очевидно, тоже — от осознания того факта, что на БТ-1 не все ладно. Или что его одного явно недостаточно для такой страны, как Беларусь.

Вопрос в том, какие выводы делаются из этих бесспорных фактов. Депутат Пашкевич, иронизирующий, что «кое-кто завалит и это дело», на мой взгляд, и сам не понимает, поче-

му он прав. Дело уже не в людях. Кризис давно стал системным. И если БТ-2 будут клонировать в ранге государственного канала, тиражирование тех же пороков неизбежно.

Будучи вполне дееспособной структурой в координатах традиционной советской идеологии и журналистики, БТ никак не вписывается в новые реальности, потому что осталось типичным советским предприятием. В смысле содержательном это полное подчинение диктату сверху, в социологическом — полное игнорирование интересов тех, на кого работает, т. е. аудитории, экономическом — ужасающая затратность производства и отсутствие стимулирования в зависимости от конечных результатов труда.

Проработав на БТ почти тридцать лет, я могу детально изложить всю историю медленной, но верной деградации и саморазрушения государственного телевизионного вещания, которое сейчас приходит к своему закономерному финалу.

Что понимается под деградацией и закономерным финалом? Назовем бесспорное: ничтожный рейтинг БТ и внутреннюю его неспособность завоевать прочный общественный и творческий авторитет. А это означает, что, сколько ни увеличивай госбюджетные инъекции, результата все равно не будет.

Косвенным образом действия власти по реформированию телевидения означают также, что оно не имело решающего влияния на общественное мнение в период острой политической ситуации летом минувшего года (**президентские выборы 2001 года — прим. автора**). А это уже просто опасно. Ускользающее от контроля общественное сознание может преподнести любые сюрпризы. Следовательно, необходимо по-настоящему «влиятельное» телевидение. Но здесь те, кто хотел бы приобрести многое, не меняя по сути ничего, сталкиваются с объективными законами функционирования телевидения как самого массового и эффективного СМИ.

ТВ потому и распространилось в мире феноменально быстро, что оказалось наилучшим средством наглядно, документально рассказать обществу (в том числе и власти), что в действительности происходит в стране, как на самом

деле живут и что думают люди. ТВ менее всего способно лгать, хуже всех СМИ переносит несвободу. Когда оно врет, это видно в тех деталях, которые ни один цензор не отловит. Никакими спецэффектами, блестками и компьютерными ухищрениями не скрыть убогость внутренней несвободы авторов программ…

А как у людей?

Общественное ТВ — вещь достаточно хрупкая. Его существование — продукт социального партнерства, надежных правовых гарантий свободы слова, механизмов сбалансированного учета интересов различных слоев и групп населения, политических партий, общественных организаций, власти, бизнеса. Если этого нет, то само стремление создать общественное ТВ нередко может служить прикрытием для преобразования госсобственности в нечто совершенно иное. Ближайший пример — Россия. ОРТ является чем угодно, но только не общественным телевидением. Многие его программы — не более чем прокладки на каждый день между огромными блоками оголтелой, агрессивной рекламы и низкопробной, попсовой эстрады. Торгово-закупочная деятельность в таких масштабах вполне была бы уместна на частных телеканалах, а зритель сам выбирал бы, что ему больше по душе. Но зрителя никто не спрашивает. Союз журналистов РФ констатирует отсутствие четырех основополагающих условий существования общественного ТВ в России, а именно: особой правовой базы, порядка управления, механизма финансирования и особых принципов формирования концепции вещания и программной политики. В большинстве же цивилизованных государств телевидению придан такой статус, при котором оно получает возможность наилучшим образом служить обществу. Не власти, не какой-либо партии или политическому движению (пусть даже и самому раздемократическому), а именно обществу — всему населению. На практике это означает создание и законодательное обеспечение деятельности общественных и коммерческих ТВ-каналов, сталкивающихся в жесткой конкурентной борьбе за зрителя.

У нас часто любят вспоминать о «шведском социализме» с его высокими налогами. Кстати, и в Швеции, и в Беларуси массовое телевизионное вещание началось в 1956 году. Но на этом все параллели кончаются: с самого начала в Швеции было создано два общенациональных канала общественного ТВ, намного позже — два канала телевидения коммерческого. Плата за телевизионный приемник не включается автоматически в подоходный налог (и потом кушайте, что дают), а взимается в виде абонентской платы. При этом рычаги влияния простого зрителя на содержание программ весьма эффективны — от прямого обращения гражданина в суд до системной деятельности могущественных общественных структур, стоящих на защите прав телезрителя и полностью независимых от власти. В этом смысле Швеция — типичная страна европейского континента, где телевидение стало в послевоенный период одним из самых существенных факторов формирования гражданского общества.

Объединенная Европа, несмотря на различия и особенности национальных законодательств, практики общественного телевещания, выработала общие принципы финансирования общественного ТВ, его организации, правовой защиты. Эти принципы содержатся в Рекомендациях сессий Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Комитета министров государств СЕ, Европарламента, в документах Европейского вещательного союза как структуры Евросоюза. Среди этих документов есть и проект Типового закона об общественном телевидении, который допускает значительную свободу в выборе вариантов законодательного поведения. Так что опереться есть на что. Было бы желание интегрироваться в цивилизованное телевизионное пространство.

Не последним вопросом будет при этом определение роли и места коммерческого массового телевещания. По своим исходным принципам оно прямо противоположно альтруистическим принципам телевидения общественного. Оно более деятельно, энергично, изобретательно. Это, кстати, демонстрируют в полной мере и те немногие коммерческие студии, которые у нас еще сохранились. Но в условиях тотального бюджетного финансирования успешной коммер-

цией может быть чаще всего успешное перераспределение бюджетных потоков в сфере закупок телевизионной техники, оказания платных услуг видеопроизводства, заказа программ «сторонним организациям». Об этом сейчас много говорят, характеризуя положение на Белорусском телевидении и вокруг него.

Следовательно, нужна грамотная лицензионная политика. Ни в коем случае не запретительная, а основанная на открытом творческом соревновании за право на коммерческих основах создавать массовое общенациональное телевещание. И, конечно, за свои собственные деньги. Коммерческое телевидение пусть живет за счет рекламы, спонсоров, выпуска акций — чего угодно. Многое из перечисленного в большинстве стран Европы не позволяют телевидению общественному, но ему предоставляются преференции, отражающие важнейшие задачи и приоритеты общества.

О подобных и других тонкостях создания общественного телевидения можно говорить много. Главная же проблема — в наличии доброй воли радикально реформировать эту сферу общественной жизни. Путь этот не просто сложен, но и весьма болезнен, однако по нему уже идут многие восточноевропейские страны. Например, ожесточенные дебаты о роли и механизмах деятельности общественного телевидения ведутся в соседней Литве. Значительно продвинулись вперед Чехия и Венгрия. Но для всех стран, которые прошли путь в этом направлении, первейшим условием было то, о чем прямо заявлено сейчас в важнейших документах Европейского вещательного союза: «Лицам, находящимся у власти, требуется мужество, чтобы создать у себя в стране действительно независимое общественное вещание и затем жить с ним. Однако лица, избранные гражданами, должны помнить, что они были избраны с единственной целью — служить как можно лучше интересам этих граждан».

В применении к белорусской ситуации эти слова звучат, по меньшей мере, наивно. Но, может быть, борьба за общественное телевидение и покажет, есть ли в нашей стране общество?

Белорусская деловая газета, 2002, 9 января

Эпидемия секретности

В непроглядной тьме пустого зрительного зала голос вопрошавшего звучал гулко и грозно:

— С какого летательного аппарата сделаны эти съемки?

Мы с режиссером Юрием Хащеватским недоуменно переглянулись: с какого, с какого — с вертолета, вестимо. Поднялись на высоту в километр и прошли по строго определенному маршруту, согласованному «в инстанциях». Когда пролетали над Полесьем, оператор применил широкоугольный объектив, искривляющий пространство, так называемый «рыбий глаз», и бескрайняя изумрудная пойма с извивающимися по ней ярко-голубыми змейками рек, блюдцами озер превратилась в полушарие, в некую зеленую и уютную, радостную планету. Таков был замысел режиссера: это был образ Земли — нашего общего дома, потому что обзорный фильм о Беларуси так и назывался: «Взгляни на свой дом».

Но полковник, который принимал у нас отснятый материал (был такой обязательный этап в череде бесконечных сдач и просмотров), оставался неумолим:

— На космические съемки нужно специальное разрешение.

Мы, как могли, пытались доказать профессиональному военному цензору, что не могло это быть снятым из космоса, что если бы мы с Хащеватским вышли на орбиту, то это стало бы мировой сенсацией, и полковник об этом, конечно бы, знал из сообщений мировых агентств. Нам было и смешно, и горько, потому что самые первые кадры фильма, являющиеся его эмоциональным камертоном, были изъяты из монтажа, арестованы, и понадобились долгая переписка и хождение по инстанциям, чтобы нам их вернули. Просматривая сейчас старую видеокассету с фильмом «Взгляни на свой дом», я вспоминаю ту давнюю историю.

Это было далеко не первое столкновение с цензурой. И уже тогда нам, простым «труженикам эфира» — сцена-

ристам, редакторам, режиссерам, операторам — от очень серьезных людей было известно, что охрана государственной тайны — это дело государственной же важности.

Дело государственной важности

Русский — это человек двухстороннего действия:
он может жить и так, и обратно
и в обоих случаях остается цел.

Андрей Платонов. «Чевенгур»

К тому времени я отработал на Белорусском телевидении почти пятнадцать лет и, как все, твердо знал правила, благодаря выполнению которых никогда не будет неприятностей с цензором. Например, нельзя снимать с точки, расположенной выше третьего этажа, и чтобы при этом ни в коем случае не была видна линия горизонта. (Когда я сейчас вижу панораму Минска, снятую с высоты птичьего полета, с распахнутым во все стороны горизонтом, я по привычке спрашиваю себя: а имеют ли эти ребята специальное разрешение на такие съемки?)

Нельзя было снимать железные мачты на улице Радистов, хотя торчали они в центре Минска и всем было известно, что это и есть те самые «глушилки», из-за круглосуточного воя которых не услышишь ни «Голос Америки», ни «Немецкую волну», ни другие «вражеские» голоса, а нашему телевидению невозможно было вести прямые трансляции из Дворца искусств по передвижной телевизионной станции: все время шла «наводка», искажающая сигнал, передаваемый в эфир. (Когда я сейчас вижу всего одну из уцелевших мачт, да и то со снятыми рогами и гроздьями каких-то конструкций, я понимаю, что теперь это — просто старое железо.)

Нельзя было показывать штаб КБВО (Краснознаменного Белорусского военного округа). Операторам нравилось это красивое здание над крутой излучиной Свислочи, и они пытались отстаивать свои права, заявляя: «Ну кто ж не знает, что это штаб КБВО?» Но всякий раз их строго предупреждали о недопустимости… Правда, был краткий миг торжества, когда наш «Пентагон» (кстати, именно так его прозвали) во

всей красе показали в программе «Время», на весь Союз. Но вопрос «проработали», и больше таких накладок не было.

На Гостелерадио работали два цензора, числившихся в штате Главлита (Главного управления по охране государственной тайны в печати, на телевидении и радио), без разрешающего именного штампа которых ни одна микрофонная папка с текстом теле- или радиопередачи не могла быть сдана для производства записи или к прямому эфиру.

Правда, случались курьезы, и весьма серьезные по меркам того времени. Тексты цензоры читали, но они не могли чисто физически просмотреть все то, что шло в эфир. Если они чувствовали по текстам, что в видеоматериале могут быть «объекты» их внимания, то они специально приходили на просмотры. Но это было редко. И вот однажды в безобиднейшей передаче о делах и заботах партийных организаций на селе (весенний сев, вопросы укрепления партийной дисциплины и т. д.) в кадрах, снятых на районной партийной конференции, — о, ужас, уже в эфире! — была усмотрена утечка важной секретной информации. Редактору этой передачи тогда мало не показалось. И потаскали по разным кабинетам, и наказали примерно.

А все дело было в том, что, снимая зал, оператор сделал неспешную панораму, и в кадре оказались все делегаты конференции. Ну и что? — недоумевали мы, в сотый раз прокручивая злополучную пленку и по-прежнему ничего не понимая, — где же тут крамола? Сидят сумрачными, серыми рядами люди и обсуждают что-то скучное: где и чего тут «утечка»? А все дело было в том, что там-сям среди однородной массы штатских попадались военные мундиры. Ну и что? — по-прежнему недоумевали мы. Нам терпеливо объясняли: зал снят таким образом, что вражеское око успело бы подсчитать количество военнослужащих — делегатов партконференции. Зная квоту представительства делегатов на районных партконференциях (ведь это была уставная норма КПСС), можно было вычислить количество военнослужащих, стоящих на партучете. А зная квоту приема в партию в наших Вооруженных Силах (негласная, но тоже норма партийной жизни), можно было составить

представление об общей численности воинского контингента, дислоцированного в том районе.

Как это тонко, — думали мы, — никогда не додумаешься. Покачивая головами, мы, как небезызвестные «пикейные жилеты», говорили: да, цензор — это голова!

Вы должны понимать, внушали нам, что около 80% секретной информации извлекается из открытых источников, из прессы то есть. «Там, где надо» читают о нас все, вплоть до районных газет. Ну и что «они» выловят в районной газете, — посмеивались мы, — что колхоз перевыполнил план по корнеплодам, а доярка добилась высоких надоев? Ведь о другом в райгазетах и не пишут. Вот именно, — объясняли нам, — например, райпищеторг за месяц перевыполнил план в два-три раза. И газета это печатает, захлебываясь от восторга. А это может означать только то, что в район прибыла воинская часть, численность которой сопоставима с населением района, которая известна. Мы были сражены. Против этого трудно было что-либо возразить. Нам убедительно доказывали, что охрана государственной тайны (а тогда все было государственное) — это сложная и многоступенчатая система. Она должна быть стройной, строгой и действенной. Мы не могли с этим не согласиться. Я бы с этим согласился и сейчас.

А потом началось что-то странное. С высоких трибун прозвучали слова «перестройка», «гласность». И пошло-поехало! Лавина новой, ошеломляющей информации обрушилась на головы миллионов и миллионов людей, пребывавших если и не в полной эйфории от завоеваний «развитого социализма» (все чувствовали, что в нашей жизни все очень неладно), то хотя бы в состоянии душевной стабильности. А тут...

— Ленин — немецкий шпион (публикуются документы). А вся эта Октябрьская революция...

— В сталинских лагерях погибло людей не меньше, чем на фронтах Великой Отечественной...

— С экономикой дело — полный швах, и скоро будет натуральный голод...

— На оборону и на помощь «братским» партиям уходит столько, что хватило бы построить каждому по квартире, и т. д., и т. п.

А тут еще «Архипелаг ГУЛаг» вышел из печати. И рассказы Шаламова. И много другой, запрещенной ранее литературы. А газетно-журнальная публицистика… Газеты выходили фантастическими тиражами. Люди, никогда не державшие в руках толстых журналов, записывались за ними в очередь, чтобы за ночь проглотить новые публикации в разделе… публицистики. Лекторы, приезжавшие «из центра» по линии общества «Знание» и всяким другим линиям, несли такое, за что еще пару лет назад можно было схлопотать долгий срок. Все это смешалось, создавая порой фантасмагорические ситуации.

Популярный анекдот тех лет. Муж звонит жене на работу:

— Ты сегодня газеты читала?

— Нет, а что?

— Это не телефонный разговор, дома расскажу.

Что мог узнать тогда рядовой советский человек, начитавшись советских газет? Что по урожайности зерновых СССР прочно занимал место в девятом десятке, находясь в одной группе с такими странами, как Кения, Замбия, Мадагаскар, Непал. Что по автомобилизации населения (69 машин на 1000 жителей) мы уступали Штатам в десять раз и находились между Бразилией и Ираном. По количеству телевизоров уступали Ливану, радиоприемников — Аргентине. Что по коэффициенту интеллектуализации молодежи (в классификации ЮНЕСКО) Союз переместился с третьего места в 1953 году на сорок второе к концу восьмидесятых. Что по уровню младенческой смертности (24 смерти на 1000 новорожденных) мы находились на уровне Барбадоса, Панамы, Шри Ланки и уступали Коста-Рике, Кувейту и Чили. Много чего еще можно было прочитать тогда в советских газетах. Именно тогда в «Аргументах и фактах» промелькнула заметка о том, что наша Беларусь, оказывается, — великая ядерная держава! При этом назывались все белорусские города и поселки, где дислоцировались ракетные базы, и скромно добавлялось, что эти сведения всем давно известны, потому что фигурируют при проведении советско-американских переговоров. Бедные наши цензоры, не разрешавшие нам

снимать выше третьего этажа! Что они обо всем этом думали, как себя чувствовали? И как это расценивали миллионы советских людей?

Обыденное сознание было смято, раздавлено, опрокинуто. Оно пыталось схватиться за что-то более-менее прочное, стабильное, надежное — и не находило этого в окружающей действительности. Хаос в мозгах порождал хаос в делах: в экономике, политике, общественной жизни, даже в быту. На фоне вмиг опустевших прилавков магазинов и резко взлетевших цен это производило в умах взрывной эффект.

Уже позднее, после Вискулей и создания СНГ, в газетах часто цитировались слова Рональда Рейгана, сказанные им в пору его президентства, о том, что если русские узнают, в каком действительно мире они живут, то «империя зла» немедленно рухнет.

Потоки «гласности» вышли на полную мощность примерно к 1987 году (70-летие Октября создавало массу поводов для переоценки всех прежних ценностей), а в конце 1991 года Советский Союз почил в бозе.

Гласность и распад (развал — кому как удобнее) казавшейся непоколебимой державы — связь между этими явлениями несомненна. Жесткая закрытая система не выдержала испытания на гибкость и треснула.

Меньше знаешь — лучше спишь

Государство подобно человеческому телу.
Не все его отправления благородны.
Некоторые из них приходится скрывать:
я имею в виду самые необходимые.

Анатоль Франс

Могло ли быть иначе? Риторический вопрос о вариантности того, что уже произошло. Если произошло, значит по-другому и быть не могло. Разве что в деталях, личностях, отдельных событиях. Даже идеалист (но диалектик!) Гегель, обосновавший неотвратимость исполнения воли Провидения в чеканной формуле «все действительное — разумно, все разумное — действительно», это понимал. Следуя Геге-

лю, спросим себя: если нечто перестало быть действительным, значит, оно было… неразумным? …В нашем фильме «Взгляни на свой дом», в эфир по Интервидению вышедшем в феврале 1986-го, все же мелькали кадры, в той или иной мере связанные с космосом. Но они не вызвали ни малейших возражений со стороны строгих цензоров. Например, белорусский космонавт Владимир Коваленок, направив в иллюминатор самолета объектив какого-то прибора, изучал земную поверхность. Прибор этот назывался «СКИФ» и был создан в Институте физики Академии наук БССР. Учеными была снаряжена экспедиция для испытаний «СКИФа» на аэрокосмическом полигоне под Курском. Исследования эти велись по теме кандидатской диссертации Владимира Коваленка. Вместе с учеными и космонавтами увязались в эту экспедицию и мы — съемочная группа белорусского «Телефильма». Площадка с громким названием «аэрокосмический полигон» представляла собой несколько гектаров плодородной курской земли, где стояли домики-лаборатории, утопавшие в пышных овсах, ячменях, пшенице и прочих сельскохозяйственных культурах. А суть эксперимента заключалась в том, чтобы дистанционно замерить прогнозируемую урожайность с разных уровней — с высоты 2–3, затем с 10–12 километров, затем с орбиты — и сличить эти данные с реальной урожайностью. Таким образом проверялась точность и надежность прибора «СКИФ».

Для чего это было нужно, я понял позже, когда прочитал заметку в «Известиях» о том, что уже 11 мая (!) 1990 года Министерство сельского хозяйства США не только с большой точностью предсказало прогнозируемый урожай зерновых в СССР, но и рассчитало объемы дефицита, соответственно — предполагаемых закупок зерна, которые Союз произведет в Америке, соответственно — цены. Против нас работали развитые информационные технологии, и мы старались ликвидировать свое хроническое отставание. Но оно, это отставание, все больше усугублялось, и решение проблем нужно было искать не в небесах, а на грешной земле. Советское общество оставалось невосприимчивым к новациям, и информационные потоки обтекали одну шестую часть земной

суши, не привнося никаких изменений, а, напротив, провоцируя все большую и большую закрытость этого общества. В том же 1990 году, выступая в программе «Время», космонавт Алексей Леонов с горечью говорил о том, что наблюдения с орбитальных станций дают полную и точную информацию о наших земных делах, которая вступает в вопиющие противоречия с официальной статистикой.

В том-то все и дело. Прорываясь вперед в отдельных, узких областях знания (преимущественно связанных с развитием военной и космической техники), советская экономика и наука оставляли далеко позади все остальное общество, которое попросту тихо умирало. Но для того чтобы это не бросалось в глаза всему остальному миру (иначе о каких завоеваниях социализма могла идти речь?), существовали официальная советская статистика и пропаганда «советского образа жизни». Однако постоянно выскакивали какие-то несуразности, которые приходилось «гасить».

Например, официозные «органы печати» победно сообщали о значительном перевыполнении плана железнодорожных грузоперевозок, а через некоторое время другие газеты ехидно, устами какого-то специалиста, разъясняли, что по рельсам перевезено грузов в два раза больше, чем составляет весь советский ВВП за этот год. Становилось очевидным, что железная дорога перемещала грузы навстречу друг другу, стремясь перевыполнить пресловутые социалистические обязательства. Или возила что-то такое, что не входит в официальный советский ВВП. И что прикажете делать с такой информацией? Где ее перекрывать? Пресса сообщала советскому читателю, что мы выпускаем комбайнов и тракторов в пять раз больше, чем США, а в других газетах (а иногда и в тех же, но чуть позже) он читал, что наш трактор и комбайн служит в пять-шесть раз меньше, чем американский. Становилось ясно, что американцам и не нужно столько машин, а мы просто в трубу выпускаем уголь, металл, другие ресурсы. Бесплодно развиваем тяжеловесную группу «А», оставляя советский народ без группы «Б» — качественной обуви, одежды, питания и другого «ширпотреба».

Внимательный читатель советских газет, сопоставляя и анализируя, мог извлечь из них объективную информацию. И старая, традиционная цензура ничего с этим уже поделать не могла. Поэтому приходилось «гасить» целыми площадями, изымать из открытого оборота все большие массивы информации, важной не только читателю, но и специалистам, которые готовили руководящим товарищам проекты ответственных решений. Доходило до того, что наши ученые стремились получить доступ к зарубежным источникам, в которых сведения о советской экономике и всем прочем были более обширными, достоверными и надежными, и там их никто не скрывал. Но доступ этот был сильно ограничен, практически перекрыт. В результате министерства и ведомства, государственные учреждения, становясь жертвой закрытости собственного общества, принимали решения, основываясь на заведомо недостоверной информации. Следовательно, эти решения изначально не могли быть выполнены или усилия по их выполнению приводили к обратным результатам.

В итоге никто уже не понимал, что происходит и откуда все проистекает. И так оно катилось до 1991 года, когда внутренние проблемы советского общества впервые прорвались в сферу открытой высокой политики. В итоге произошло то, что в той или иной форме просто не могло не произойти. А если у кого-то остаются сомнения, то можно привести всего один, но достаточно красноречивый факт. О нем рассказал, вспоминая начало 90-х годов, известный экономист и публицист Отто Лацис. Опираясь на серьезные и, как водится, закрытые документы, он сообщает, что к ноябрю 1991 года запасов зерна в стране имелось до февраля 1992 года, зерновая зависимость СССР составляла 35–40 миллионов тонн, но в кредит нам уже не давали, а собственных денег не было, потому что золотовалютный запас был почти на исходе.

Когда имеешь достоверную информацию, все становится понятнее…

Абажур, 2002, №№ 16–18

Эпидемия секретности-2

Стремление цензурировать прессу — заболевание опасное и рецидивное. Об этом свидетельствуют наблюдения над некоторыми специфическими явлениями в информационном пространстве Беларуси.

Scientia potentia est? (Знание — сила?)

Противоречие есть критерий истины,
отсутствие противоречия — критерий заблуждения.

Фридрих Гегель

Информация для того и существует, чтобы рассеивать тьму, уменьшать хаос, или, по-научному, энтропию. Это не я придумал. Это — один из постулатов теории информации, с которой спорить так же бессмысленно, как с законом всемирного тяготения. Доказательством тому вечный критерий истины — практика, которая убедительно показывает: наиболее процветающие страны — это страны с развитыми информационными технологиями, в том числе и массовыми коммуникациями. А еще эта наука много любопытного говорит о природе самой информации, что она такое как явление природы. Вообще, информация, по одному из ключевых определений (дефиниций), — это отраженное нашим сознанием разнообразие окружающего мира. Причем количество и качество информации зависит как от самого объекта изучения, так и от характера его отражения в сознании. Чем больше разнообразия (а тем более противоречий) видит в объекте тот или иной наблюдатель, тем больше информации он извлекает. В этом отличие умного человека от… Он всегда видит больше различий, противоречий, неправильностей. Именно поэтому «гений — парадоксов друг». В этом суть аналитики: осмысливая истоки, причины, характер проявления тех или иных возникших противоречий, извлекать из общеизвестного новую информацию, на ее основе прогнозировать предстоящие события.

Вынужден принести извинения за некоторую академичность тона, но природа массовой политической и социаль-

ной информации всецело подчинена этим общим законам информационной деятельности.

Но есть одна загвоздка.

И в природе, и в обществе различия, а уж тем более противоречия всегда имеют своих конкретных носителей. В обществе это — партии, органы власти, финансово-промышленные группировки, отдельные личности — кто угодно. Следовательно, вынося на суд общества какую-либо информацию (а она, как известно, отражает реальные противоречия жизни этого общества, в том числе и непримиримые), редакция газеты немедленно вторгается в чьи-либо интересы. Кто-кто, а журналисты это хорошо знают.

Опубликуешь ну совсем безобидную заметку, скажем, о нехватке веников в городской бане — тут же получаешь разгневанное письмо какого-то чиновника из жилкомхоза о том, что «в вашей газете была напечатана тенденциозная, недостоверная информация».

Иначе и быть не может. Настоящая информация всегда интересна — в том смысле, что почти всегда или удовлетворяет, или затрагивает чьи-то интересы. Показательно, что русский язык демонстративно подчеркивает эту взаимосвязь: мы всегда с любопытством выискиваем и читаем интересную информацию, и это говорит о наших интересах тоже, хотя мы не всегда это осознаем. И напротив, если нам попадается на глаза что-то сухое, безликое — это вернейший признак, что от нас что-то хотят скрыть, тщательно подбирают слова, которые позволяют замаскировать проблему, не привлекать к ней излишнего внимания. Или здесь вообще нет никакой проблемы, и нас просто отвлекают, занимают газетную площадь, выполняют акт формальной, никому не нужной коммуникации. Этим на протяжении десятилетий занималась советская пресса.

Таким образом, что бы ни было напечатано в газете, оно неизбежно вызовет или одобрение, или негодование. Разница только в степени остроты реакции. С одобрением легче. Но как быть с негодованием? Чем сенсационнее информация, тем опаснее она для ее носителя. А тем более

распространителя. Настоящая, принципиальная, хорошо информированная газета неизбежно наживает могущественных врагов, чаще всего находящихся при власти, при немалых возможностях.

Но иначе никак нельзя. Всему обществу в целом независимая пресса необходима как воздух: даже если промолчат все «прикормленные» газеты (причем неважно кем — властью ли или какими-то иными группировками), всегда должен найтись кто-то, кто вынесет тайное на свет божий и тем самым предостережет общество от еще больших опасностей. Тотальный контроль над прессой, над информационной структурой общества чреват еще большими угрозами, чем все ее ошибки, неудобства, причиняемые объектам ее критики. Постоянно сдерживаемая информация напоминает поток, который неизбежно просочится через любые преграды, но тогда, неуправляемый и непредсказуемый, он способен снести устои, на которых покоится общественное здание. Наше, еще недавнее, советское прошлое доказывает это со всей очевидностью.

Но советская власть наступила на грабли, которые давно обошли все цивилизованные общества. О тонких механизмах регуляции деятельности прессы много и хорошо писал ранний Карл Маркс — учитель всех советских бюрократов. Плохо они прорабатывали Маркса. Садитесь — неуд! И во времена Маркса, и после него во всех развитых странах создавались законодательства о прессе, методом проб и ошибок шлифовался механизм взаимоотношений общества с самым «неудобным», но, может быть, самым необходимым своим институтом — прессой. Ведь она не потому власть, что «четвертая», а потому, что она есть отражение первой и самой главной — общественного мнения. Но это в тех государствах, где общественное мнение было, есть и будет единственным источником власти, где оно всегда будет контролировать структуры государственного управления с помощью своего недремлющего Цербера — прессы.

Те же, кто «за цивилизованным миром не пойдет», обречены вновь и вновь наступать на те же грабли.

Сила сильнее знания

Насилию нечем прикрыться, кроме лжи,
а лжи нечем держаться, кроме как насилием.
Всякий, кто провозгласил насилие своим методом,
неумолимо должен избрать ложь своим принципом.

Из Нобелевской лекции Александра Солженицына

Ложь и правда. Правда и кривда... Это — большие, принципиальные, базовые понятия. Они — как полюса, между ними бесконечный спектр полутонов, в которых легко затеряться. Тем более что современные информационные технологии при умелом их использовании позволяют не подставляться под такую резко поляризованную оценку. И не правда, и не ложь, а так — полуправда. Можно добиваться своих целей просто... не говоря всего. Умалчивая обо всей полноте проблемы, остром противоречии общественной жизни, а недосказанное интерпретируя и перевирая по-своему. Как это делается, можно увидеть, сличив страницы газет государственных и негосударственных, «честных» и «нечестных». Выходя в один и тот же день, рассказывая об одном и том же, они порой диаметрально противоположным образом оценивают события. Потому что основываются на информации разного характера — полной или усеченной, достоверной или сознательно искаженной в угоду амбициям автора публикации или ангажированности всего издания в целом.

Но если у общества нет возможности вытащить на свет божий всю правду о самом себе, оно — в болезненно-опасном состоянии. Прецеденты, повторимся, уже были.

Как-то, уже много лет назад, довелось мне работать в архиве. Назывался он ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. Многие исследователи — историки, литераторы, архивисты — помнят это старинное здание, расположенное в верхнем городе, рядом с Кафедральным собором. Казалось, среди этих стен прошлое приближается к тебе вплотную. И вот, роясь в каких-то довоенных документах и подходя все ближе и ближе к сороковым годам,

я неожиданно для себя стал обнаруживать экземпляры газет, выходивших в Минске во время немецкой оккупации. Занятное, надо сказать, чтение. Поучительное.

По страницам этих газет никак нельзя было сказать, что где-то идет большая, страшная война, а белорусскую землю топчет сапог оккупанта. Нет, напротив, от первой до последней строчки эти газеты были заполнены «позитивной», «конструктивной» информацией. Например, много рассказывалось о порядочных гражданах, которые, не поддаваясь на агитацию «бандитствующих» элементов, стремятся наладить хозяйство, обустроить жизнь. Сотрудничают с новыми властями, которые проявляют о них повседневную заботу. Давалось много полезных советов о том, как грамотно провести сев или уборку, сохранить урожай, вовремя сдать его куда требуется. Иногда, мелким шрифтом, мелькали объявления о том, что всем владельцам гужевого транспорта необходимо явиться к зданию магистратуры для участия в общественно полезных работах. Оставалось только догадываться, для чего понадобилось столько конных повозок: то ли для доставки к вокзалу молодежи, угоняемой на работы в Германию, то ли для перевозки трупов после очередной «акции» гестапо.

Ничего о реальной жизни белоруса в период оккупации из этих газет узнать было невозможно. Не для того они печатались. Их предназначение было другое: создать у этого самого белоруса иллюзию законности и стабильности власти, пришедшей на смену большевизму. Трудно сказать, насколько их воздействие было эффективным. Однако после окончания войны советская пропагандистская машина (вкупе с ГУЛАГом) немало потрудилась для того, чтобы освободить сознание советских людей от вреда, «нанесенного немецко-фашистской идеологией», как указывалось в соответствующих постановлениях ЦК.

Осознав гибельность тотального господства преступных режимов над умами своих сограждан, в послевоенный период мировое сообщество активно действовало в целях правового закрепления невозможности повторения подобного впредь. В Декларацию прав человека, принятую и про-

возглашенную Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, был внесен специальный пункт № 19, гласивший: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Почти без изменений этот пункт был включен в Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, которая вступила в силу в сентябре 1953 года, а также, под тем же номером 19, — в Международный пакт о гражданских и политических правах от 23 марта 1976 года. Пакт ратифицирован полутора сотнями стран, включая Беларусь, которая в 1993 году перератифицировала его. Европейская же Конвенция Беларусью не подписана.

В послевоенном мире постулат о праве каждой личности получать и распространять информацию вошел в законодательства о СМИ всех цивилизованных стран. Создана и пользуется огромным авторитетом международная организация «Артикул 19», выполняющая задачи контроля и мониторинга исполнения принципа свободы слова в различных странах. В большинстве из них созданы надежные средства — через систему законодательной и судебной властей — защиты права прессы на получение всеобъемлющей информации о деятельности государственных органов, различных структур общества. Кроме того, отработаны действенные механизмы устранения язв и пороков, на которые указывает пресса. Но все это было там, в ином мире. За «железным занавесом». Советская же пропаганда продолжала настойчиво убеждать советского человека, что он живет в лучшем из миров. Столь настойчиво, будто не была уверена, что он с ней согласен.

Когда силы не хватает

Что запрещено, того и хочется. Все мы Евины дети.

Александр Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»

Однажды главный редактор газеты «Известия» и зять Хрущева Алексей Аджубей был вызван к секретарю ЦК КПСС по

идеологии Михаилу Суслову «на ковер». Это стало возможным потому, что происходило после Октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК, на котором «тестя» турнули со всех постов, и он тихо выращивал помидоры на подмосковной даче. Суслов был разгневан. Дело в том, что с газетой творилось что-то непонятное. Она все чаще позволяла себе довольно смелые для того времени выступления без предварительного согласования «в верхах». Это было прегрешение, и весьма серьезное. Редактор не стал отмалчиваться, а вступил в полемику, в пылу которой всемогущий «серый кардинал» советской идеологии в сердцах произнес фразу, которую надо бы высечь в камне:

— Вы что, хотите, чтобы я открывал газету, не зная, что в ней написано?

Отвечать, что именно для этого газеты и печатаются, не имело смысла. После короткой «оттепели» вновь наступали глухие времена.

При авторитарных режимах «верхи» никогда не считают прессу источником серьезной, заслуживающей внимания информации, необходимой для принятия ответственных решений. В их представлении печать, а тем более телевидение и радио — лишь специфические средства государственного управления, с помощью которых удобно держать под контролем самое неуловимое — мысли и представления больших масс людей. В сущности, властям пресса и не нужна вовсе: они и так знают обо всем из «своих» источников. Однако и оставлять массовое сознание без присмотра нельзя: мало ли куда оно может качнуться? Опять же, в каждом государстве должна существовать приличествующая ему пресса. Поэтому нужно развивать государственную систему информирования масс. Составляются соответствующие концепции, намечаются планы и контролируется их исполнение. Больше всего недоумения в таких документах вызывает слово «информирование». Большевики были в этом смысле честнее: они прямо говорили, что ими выстроена «действенная система агитации и пропаганды». А «информирование» предполагает, очевидно, более грамотный, осовремененный подход

к делу. На практике же это означает широкое использование своеобразных «фильтров», позволяющих тщательно отсеивать все неудобные факты, способные зародить сомнение в обоснованности тех или иных решений, принимаемых наверху, не допускать на страницы правительственных официозов живого, реального общественного мнения. Но титанические усилия по удержанию массового сознания в узде единой идеологии весьма неэффективны. Поскольку противоречат естественному ходу вещей. Многотысячные тиражи государственных белорусских газет никого обмануть не могут: все знают, каковы размеры дотирования этих изданий и масштабы принудительной подписки. Неуловимое так и остается неуловимым: интуитивно чувствуя, что ими пытаются манипулировать, люди обращаются к альтернативным источникам. Слова Радищева, вынесенные в эпиграф, сказаны именно о цензуре. В негосударственном секторе белорусской прессы ситуация зеркально противоположная: без дотаций, без разнарядок по подписке, под жестоким прессингом (постоянные финансовые проверки и необоснованные штрафы, непредставление информации о деятельности государственных органов, грабительские, дискриминационные тарифы на доставку, иногда чисто уголовные методы вроде систематического похищения техники из редакций) эта пресса способна развиваться на здоровой коммерческой основе. Менеджеры, главные редакторы столичных и региональных изданий, действуя активно и грамотно, создают действительно интересные газеты. Насыщенные актуальной, необходимой аудитории информацией, эти газеты добиваются увеличения тиражей не административными методами (они просто невозможны), а исключительно тем, что их издания пользуются повышенным спросом. Таковы, например, брестский и витебский «Курьеры», «Новая газета Сморгони», «Газета Слонимская», «Интекс-пресс» в Барановичах, «Региональная газета» в Молодечно и ряд других. Нередко тиражи независимых газет превышают масштабы распространения изданий, представляющих властные структуры. Предсказуемость государственной прессы, ее изначальная выстроенность в совершенно определенном на-

правлении не стимулирует живого читательского интереса: заранее ясно, что там можно прочитать.

Здесь товарищ Суслов был бы доволен.

И, напротив, в «БДГ» ли, в «Народной воле», в «Свободных новостях», в газете «День» почти ежедневно появляется нечто такое, без знания чего ты уже не совсем ориентируешься в общественно-политической ситуации. Чтобы не отстать от жизни, эти газеты надо читать, и регулярно. Совсем не парадоксально то, что независимые газеты пользуются повышенным спросом у тех, кому по долгу службы, вроде бы, надобно читать прессу исключительно государственную — у чиновничества. Именно государственные учреждения нередко являются крупными коллективными подписчиками «нечестных» изданий. Здесь та же ситуация, что и при распределении всех прочих житейских благ: всячески препятствуя распространению независимой прессы среди «простого народа», сами они хотят потреблять товар качественный, то есть информацию достоверную и действительно актуальную. Объективные социологические исследования с завидным постоянством констатируют одно и то же красноречивое обстоятельство: в отличие от изданий государственных, распределяемых по «разнарядке» и не всегда при этом читаемых в действительности, каждый экземпляр независимого издания читает не менее 3–4 человек. При номинальном различии совокупных тиражей государственной и негосударственной прессы почти в десять раз фактическая разница не так уж и велика. Может быть, именно это обстоятельство беспокоит тех, кто трудится на государственной службе по «ведомству правды»? Да, не все ладно на «идеологическом фронте». А то, что этот фронт открыт, ни у кого не вызывает сомнения. Устав от длительной обороны, государственная пропагандистская машина перешла в наступление. На своей собственной территории государство ведет информационную войну против собственного народа, той значительной части общества, которая «хочет знать». На войне все средства хороши, и особенно наглядно это показало «идеологическое обеспечение» недавно прошедшей избирательной кампании. Чего мы только ни услышали от г. г. Новикова, Зимовского, Козиятки и иже с ними

рангом пониже! Перлы вроде того, что в Литве люди голодают, утверждения о том, что христиане веры евангельской практикуют человеческие жертвы, или о том, что в Германии видели живого Захаренко, навсегда останутся в памяти народной как свидетельство беспощадности огромной государственной машины массового оболванивания людей. Но то была поистине «фронтовая» ситуация. «Элегантная победа» на выборах списала все. Однако истинные их результаты не могут не вызывать сильнейшую тревогу у тех, кто сейчас пользуется ее плодами. Время ведь бежит, и в какую именно сторону эволюционизирует общественное сознание, ни у кого нет сомнений. Следовательно, работать надо «тщательнЕй». Нужны иные методы — более тонкие, изощренные. Удалены с экранов и из теплых служебных кресел и на Макаенка, 9, и на Красной, 4 наиболее одиозные персонажи, пришли другие люди. Перед ними поставлены более сложные задачи. Но они не могут быть выполнены, пока существует ситуация свободного выбора источника информации любым человеком «с улицы». В телерадиоэфире ситуация «схвачена» крепко, а вот с независимой прессой, торчащей как кость в горле, что-то делать надо. И не наспех, а системно. Исчерпывающим образом.

Сила не нуждается в знании

Находясь в одинаковых обстоятельствах,
люди все же живут в разных мирах.

Артур Шопенгауэр

Предвыборное обещание «разобраться с прессой», похоже, исполняется всерьез. Для этого применяется известный набор мер: фискальные преследования, судебные иски, просто запугивание редакторов, иногда вульгарные ограбления редакций. Но это очень хлопотное дело: с каждой газетой приходится «разбираться» отдельно, по каждому инциденту поднимается большой шум, нарушающий целостность толстого слоя грима на лице власти. Нельзя ли обойтись без такого «утомительного замачивания», лишь создающего независимой прессе бесплатную рекламу, PR?

Важно ведь добиться такого положения, при котором редактор сам бы себя цензурировал. Чтобы он боялся наихудших последствий, которые должны наступать неминуемо, если он возомнит себя «лучом света в темном царстве». Что для этого нужно? Конечно, законы, действующие с исправностью хорошо смазанной гильотины. Старые законы, как и Конституция, уже давно не устраивают, потому что оставляют много лазеек для ушлых «демократов».

И вот на подходе новая редакция Закона «О печати и других средствах массовой информации». На мой взгляд, к его проекту отнеслись слишком серьезно. Журналистская общественность, юристы долго и бурно обсуждали каждое его положение для того, чтобы прийти к заранее предсказуемому выводу: он открывает массу возможностей для расширения произвола в отношении прессы. Но, позвольте, ведь именно для того он и планируется! Разве многочисленные факты попрания любых законов не убедили нас в том, что деятельность прессы не регулируется ими? Разве не знакома юристам старая латинская премудрость: «Бессмысленно писать законы там, где нет нравов» (Гораций)? Все гораздо проще и прозаичнее: закон просто приводят в соответствие со сложившейся практикой. И тогда сила права угасает, а право силы получает законодательное освящение.

Но для того чтобы вообще отбить охоту у кого бы то ни было к поиску и распространению информации, изобретается еще и Закон «Об информационной безопасности». Исключение из первой редакции проекта (и то под нажимом общественности) таких определений, как «злоумышленное вмешательство», «зарубежные агенты», «местные объекты влияния», почерпнутых из весьма специфических документов, не имеющих отношения к праву, никого не может обмануть. В сущности, это закон воинствующего обскурантизма, острейшее оружие в руках всевластного чиновничества. Независимую от государства журналистскую деятельность вводят в контекст, в котором ее вполне можно расценить как систематическое разглашение государственной тайны (а что у нас не тайна?) или вообще как угрозу национальной безопасности. Показательно, что и

сама процедура разработки этого закона осуществлялась под плотным покровом секретности. Только из российских (!) источников экспертам БАЖа удалось узнать, что в недрах белорусского парламента зреет законопроект, способный надолго и прочно закрыть информационное пространство Беларуси, нанести сокрушительный удар по конституционным правам населения на свободу получения и распространения информации.

Упоминание о России неслучайно. И не потому, что Беларусь всецело находится в сфере российского информационного влияния (а это действительно так). Дело в том, что внутренняя российская ситуация во многом схожа с нашей. Там ведь тоже создана «Доктрина информационной безопасности». И даже были серьезные инциденты («дела» Никитина, Пасько и др.), когда за публикацию открытой информации люди поплатились личной свободой. Ревнители полной закрытости общества пошли еще дальше. Как говорится в резолюции Всероссийского чрезвычайного съезда в защиту прав человека, состоявшегося в 2001-м году в Москве, «власть придумала новый состав преступления — аналитический шпионаж». Это когда исследователь, работая с несекретными материалами, может сам «создать» секрет, то есть новое знание об известном, разглашать которое уже нельзя. Решать, что можно, а что нельзя, будут, конечно, другие люди. Вам эта ситуация ничего не напоминает? Горьким дымком потянуло… Против Джордано Бруно и Галилео Галилея тоже применяли нечто подобное: ведь на основании общеизвестного они пришли к новым выводам о движении небесных светил и Земли.

Но это весьма опасная ирония. Потому что, например, сотрудника Института США и Канады Игоря Сутягина, в числе прочего, обвинили и в том, что он составил для одной легальной британской компании дайджест из статей военного характера, опубликованных в российской прессе. Сидит, между прочим… Такие случаи в братской России не единичны.

Но, в отличие от нас, в России, кажется, есть силы, способные противостоять этой эпидемии секретности. Все-таки там

сохранилось сильное правозащитное движение, и оно даже поддерживает диалог с властями, иногда демонстрирующими склонность к компромиссам. Но, как это не раз бывало, мы берем у нашего партнера по «союзному государству» не опыт демократизации общественной жизни, либерализации экономики, а нечто прямо противоположное, чего там, к сожалению, тоже хватает. Бурно обсуждаемая в России «Доктрина» — еще не закон, который надо проводить через Госдуму. А там ведь как еще карта ляжет. У нас же сразу подавай закон — свеженький, тепленький. И его проект уже в парламенте, простите, в палате представителей, где всегда, как известно, — практически полный «одобрямс». Именно поэтому белорусская ситуация куда опаснее.

Если же действительно говорить об информационной безопасности, то серьезные специалисты в этой сфере наибольшей угрозой считают нечто совершенно противоположное, а именно: наличие в стране больших масс неинформированных, дезориентированных людей. Такие люди, как правило, антисоциальны. Их поведение слабо предсказуемо, и это рождает в обществе обстановку нестабильности.

Но, похоже, тем, кто привык все проблемы решать силовыми методами, так не кажется.

А те, кому кажется, — пусть перекрестятся…

Абажур, 2002, № 19–21

Третье измерение

Заметки на полях программы
1-го Белорусского фестиваля регионального телевидения
«Фокус-2002»

Много лет назад довелось мне путешествовать по малым рекам Беларуси. Главное впечатление, сохранившееся до сих пор: попадаешь в иной мир. Знакомые, казалось бы, города, поселки, ландшафты раскрываются с новой, незнакомой стороны — не с фасадной, парадной, но и не с изнанки, а с некоей третьей, невидимой, но интересной и привлекательной. Где жизнь предстает перед тобой без прикрас, но и без уничижений. Такой, какая она есть на самом деле.

Реки были первыми и главными коммуникациями человечества. Сейчас их роль выполняют… каналы. Только телевизионные. И они тоже различаются. Есть мощные информационные разливы международного, спутникового вещания; есть каналы общегосударственные, национальные. А есть местные, предназначенные для отдельного города, района, небольшого региона.

И подобно тому, как трудно представить себе всю сеть рек и речушек на карте Беларуси, так же для многих в новинку, что у нас за последние годы сложилось и развивается региональное белорусское телевидение. В самом деле, живя в своем городе, районе каждый из нас имеет свой, местный набор программ. Все, конечно, смотрят ОРТ, РТР, НТВ, может, даже БТ. Но, кроме того, минчане принимают «8-й канал» и СТВ, в Витебске, Полоцке, Орше, Борисове зрители имеют возможность смотреть передачи телекомпании «СКИФ», в Барановичах — студии «Интекс», в Бресте — «Буг-ТВ», в Светлогорске — «Ранак», в Пинске — «Варяг», в Солигорске — «СТК», в Могилеве — «2-й канал», в Речице — «Телевид» и т. д. Большинство из названных и некоторые другие компании входят в Телевизионную вещательную сеть (ТВС). Существует Белорусская телевизионная ассоциация — БЕТА, объединяющая кабельных операторов, многие из которых осуществляют собственное оригинальное вещание. Есть еще независимые (точнее, негосударственные)

видеопроизводящие организации. Белорусская ассоциация негосударственного телевидения (БАНТ) объединяет более ста физических лиц — руководителей телестанций и студий, работающих в столичном и региональном эфире.

Как видим, в телевизионном пространстве Беларуси де-факто сложился «третий сектор» массового телевизионного вещания. По самым грубым подсчетам, аудитория регионального телевидения в Беларуси насчитывает не менее 5 миллионов человек.

Редкая (пока еще) возможность увидеть лучшие работы местных вещательных станций представилась во время конкурсных просмотров 1-го Белорусского фестиваля регионального телевидения «Фокус-2002». Фестиваль организован сетью ТВС, представительством Международного совета по обменам и исследованиям (IREX) и фондом Томсона при поддержке правительства Великобритании. «БДГ» уже сообщала об этом фестивале, назвала имена победителей. Но, думается, итоги прошедшего форума региональных телевизионщиков имеют более широкое значение, поскольку речь идет о том, что касается очень многих людей.

Мир печатных изданий нашей страны титаническими усилиями властей давно и прочно поделен на прессу государственную и негосударственную, журналисты — на «чэсных» и «нячэсных». Одним — дотации и субсидии, другим — драконовы тарифы и штрафы, одним — режим наибольшего благоприятствования, другим — отказы в аккредитации, иски, те же штрафы, а то и уголовное преследование. В общем, свет и тени.

В мире телевизионной журналистики такого, слава Богу, еще не произошло. **(Как выяснилось впоследствии, это была лишь временная «недоработка» властей. Сначала местным телестанциям «по-хорошему» предложили взять в соучредители местные органы власти. Затем, путем неоднократных перерегистраций и усложненных процедур выдачи лицензий показали, «кто в доме хозяин». В итоге региональные телевизионщики стали таким же управляемым сектором телевещания, как и сугубо государственные, общенациональные каналы. В результате такой**

«мелиорации» малых телевизионных рек региональные станции потеряли свое лицо, превратились в рупоры местных администраций и своеобразные пункты бытового обслуживания населения (мелкая реклама, объявления, исполнение музыкальных заявок и пр.). Один из устроителей фестиваля, IREX, был принудительно закрыт и выдворен из страны, хотя в суде не смогли предъявить этой авторитетной организации ни одного факта нарушения белорусского законодательства. А первый фестиваль регионального телевидения так и остался единственным — прим. автора).

Если государственный канал — Белорусское телевидение — демонстрирует крайнюю степень нетерпимости к любому инакомыслию и склонность к ведению затяжных боевых действий на «идеологическом фронте», то негосударственное телевидение, региональные станции предпочитают в эту войну не ввязываться ни на одной из сторон. Следуя своему призванию, они стремятся отражать события в своих регионах без излишней заостренности, но и без ретуши, затушевки проблем. Об этом свидетельствуют информационные программы местных студий, которые в большом количестве были представлены участникам фестиваля. Репортеры и продюсеры региональных станций убедительно доказывают, что в нашем поляризованном мире возможно и третье измерение. Подчеркнуто неполитизированные новостные сюжеты и репортажи готовятся в объективистской манере. Вы можете быть этим удовлетворены или нет, но это уже ваше дело.

Жюри, конечно же, назвало победителя фестиваля в номинации «Лучшая информационная программа». Таковы правила игры: кто-то должен быть первым. По гамбургскому же счету все информационные программы одинаково интересны, разнообразны и свидетельствуют как о твердой приверженности принципам документализма, так и об умении учитывать реальные условия, в которых приходится работать их авторам.

Самый представительный раздел конкурсного просмотра составили публицистические телепрограммы. Если это пропорционально их доли в объемах ежедневного ве-

щания региональных телекомпаний, то это — добрый знак. Телепублицистика на «больших» каналах давно и прочно политизирована или, в большинстве случаев, тематически ограничивается сюжетами скандально-криминальными. Достоинством же регионального телевидения всегда была близость к своему зрителю, хорошее знание его духовных интересов и запросов. Любую социальную, общественно значимую проблему журналисты местных студий стремятся раскрыть через призму нравственного содержания происходящих событий. Рамки газетной статьи не позволяют отрецензировать даже наиболее приметные программы, показанные на фестивале. Ограничимся лишь обозначением их тематики.

Героиня очерка «Гнездо для птенцов кукушки» (МПКЭТ, Кобрин) — молодая женщина, воспитывающая шестерых детей, родители которых были лишены такого права. Эта работа заняла первое место на конкурсе. Предельную степень самораскрытия, доверия к своим собеседникам-журналистам проявила героиня очерка «Коридор» («Ранак», Светлогорск). Женщина заразилась ВИЧ-инфекцией от собственного мужа и, не зная этого, родила второго ребенка. Вместе с нами, у нас на глазах она ищет пути из сложного нравственного тупика, мучительно размышляет о том, как ей строить сейчас отношения с этим миром, где искать силы для дальнейшей жизни. «Я ел монашкин хлеб» (2-й канал, Могилев) — строки из письма, присланного в Могилев. Сотни таких писем приходили в свое время в защиту Прасковьи Дерибо. Эта женщина в годы оккупации, переодевшись монашкой, собирала продовольствие и подкармливала военнопленных в лагерях на Могилевщине. Буквально тысячи людей обязаны ей своими жизнями. После войны поступок этой женщины не вписался в официальную трактовку «советского патриотизма», и свой век Прасковья Дерибо закончила в крайней нищете, затравленная и озлобленная. «Колесо истории, или Возвращение к Храму» («Телевид», Речица) — хроника борьбы жителей города за восстановление храма, разрушенного большевиками 70 лет назад.

Пристально вглядываясь в своих героев, авторы этих и других работ умеют увидеть главное: нравственную суть той или иной житейской коллизии, умение неброских с виду, совсем обычных людей проявлять недюжинную стойкость, способность противостоять всему, что несовместимо с их пониманием добра и зла. И может быть, это не третье, а самое главное, первое измерение нашей совсем не простой жизни. В общем, являясь, по определению, региональным, телевидение регионов вовсе не является провинциальным. Это обстоятельство особо подчеркнул, подводя итоги фестиваля, председатель жюри Геннадий Буравкин.

Конечно, знакомясь с работами региональных тележурналистов, невозможно не учитывать условия их работы (предельную скудость технического обеспечения, недостаток кадров, экономические трудности). Но в то же время нельзя и забывать, что экран по-своему жесток и требователен. Одним нажатием кнопки пульта дистанционного управления зритель способен перенестись из Речицы в Нью-Йорк. А потом умчаться в Москву или на Галапагосские острова. У регионального телевидения есть против этого могучее средство: оно рядом со своим зрителем, и одно это обеспечивает особое зрительское внимание. Но ведь это только аванс, этим не удержишь надолго. Фестиваль рельефно выявил и необходимость совершенствования профессионального мастерства региональных тележурналистов. Выгодно отличаясь в разработке актуальных, общественно значимых тем, их работы зачастую грешат нечеткостью авторского замысла, недостаточной сценарной разработкой материала, композиционной рыхлостью, слабой режиссурой (а то и ее отсутствием), невысоким уровнем операторской работы.

Сейчас уже нельзя сказать, что это проблемы роста. На телевидении, как и в любом творческом процессе, весьма важен фактор состязательности, создания конкурентной среды. К сожалению, фестиваль проявил и некоторые проблемы, дающие себя знать все более явно. По сути, он оказался ведомственным мероприятием сети ТВС. Участие в нем двух минских компаний и одной Кричевской можно считать случайностью. Отдавая должное значению той

поддержки, которую оказали участникам фестиваля его организаторы, нельзя не отметить, что за его бортом оказались вещатели, входящие в ассоциацию БЕТА, а также независимые видеопроизводящие организации. Не была должным образом представлена продукция БАНТа.

Щадящий режим никогда не шел на пользу творчеству и, убедившись в том, что региональные журналисты — совсем не «братья меньшие», можно не бояться ставить их работы рядом с работами столичных коллег. Кстати, есть примеры того, что продукция региональных вещателей шла в эфире ОНТ и НТВ. К сожалению, мы не увидели этих работ на фестивале. Слов нет, можно и нужно помогать региональным вещателям, но не нужно помещать некоторых из них в инкубатор.

Если фестиваль будет иметь продолжение (а в это хочется верить), очевидно, необходимы тщательная разработка положения о его проведении, четкие условия творческих конкурсов, порядок предоставления и регистрации работ, надежная система оповещения обо всех мероприятиях. Правила творческого соревнования должны быть заранее известны всем субъектам деятельности на этом рынке. Такова общепринятая практика. И только в этом случае фестивали будут не только праздниками, но и серьезной творческой учебой. Полезной всем.

Белорусская деловая газета, 2002, 20 сентября

Мед без аромата

О природе телевизионного творчества, о пределах трансформации реальных обстоятельств в документальном кино, о том, какую роль играет в нашей жизни телевидение беседуют два известных в Беларуси человека — режиссер Юрий Хащеватский и сценарист, ведущий телепрограмм Эдуард Мельников.

Э. М. — Есть три буддистских способа смотреть телевизор. О них рассказывает один из героев Виктора Пелевина в романе «Generation П». Причем это не просто три способа, а три ступени очищения человека от скверны. Первый — отключить звук и не поддаваться искушению включить его, когда что-то привлечет внимание. Чтобы подняться на вторую ступень, надо отключить и изображение. А третья, высшая ступень — это подвесить «ящик» вверх ногами или просто выбросить в окно. И чтоб непременно со звоном и грохотом. Потому что само присутствие его в доме загрязняет карму, делает тебя низменным человеком.

Остроумно, конечно. Но и тревожно. Потому что это явный симптом: общество уже близко к каким-то крайним оценкам того, что творится в эфире. Пелевин, культовый писатель, уловил это и выразил в свойственной ему форме — парадоксальной, заостренной. Хотелось бы мне, чтобы он написал роман о телевидении…

Ю. Х. — Я догадываюсь, о чем ты говоришь, но хотелось бы, чтобы ты пояснил свою мысль.

Э. М. — Хорошо. Мы с тобой отдали телевидению по тридцать лет жизни. Начинали ведь когда-то на Белорусском телевидении. Всегда, с самой телевизионной юности, свято верили, что ТВ не может быть ничем иным, как средством раскрытия неисчерпаемости духовного мира человека, роскошным подарком технического прогресса, служащим гуманитарным ценностям. Например, укреплению взаимопонимания между людьми, которого так мало в этом мире. Вспомним, что массовым ТВ начало становиться всего через несколько лет после второй мировой войны…

Ю. Х. — В общем, средством коммуникации.

Э. М. — Сухо, но пусть будет так. А что сейчас?

Ю. Х. — Что?

Э. М. — Все наоборот. Средство разобщения, средство оглупления, средство искажения действительности. Даже средство ведения психологической войны.

Ю. Х. — Если ты о Белорусском телевидении, то в последнем своем утверждении ты особенно прав. На мой взгляд, в Белоруссии телевидения вообще не существует. Рейтинги его передач просто ничтожны. Люди его не смотрят. А смотрят, главным образом, российские каналы.

Э. М. — Здесь, конечно, картина иная. Все гораздо тоньше. Очень профессионально, ярко, зрелищно, динамично. Даже агрессивно — оторваться нельзя. Но не возникает ли у тебя ощущения, что эта телевизионная «действительность» носит все более явные признаки режиссуры? Что это «окно в мир» (так раньше называли ТВ в газетных статьях) действительно широко распахнуто, но за окном — хорошо сделанная декорация, виртуальная действительность, созданная грамотными постановщиками и продюсерами?

Ю. Х. — В этом явлении есть два аспекта: социальный, политический и эстетический, художественный, профессиональный. И они связаны, конечно. Профессионалы выполняют социальный заказ, и делают это хорошо. Плохо то, что у нас невелика возможность выбора, чтобы самим определить, где нам показывают правду, а где нет. Нужно, чтобы каналов было больше, и разных. Нужно, чтобы в обществе было больше групп, претендующих на свою трактовку событий. В чем драма в ситуации с НТВ, а потом и с ТВ-6? Она — не в том, что их разогнали, закрыли и т. д., а в том, что их, таких относительно независимых каналов, — ничтожно мало. Когда два крупных собственника имеют возможность влиять на миллионы людей, это действительно опасно. Не только для власти, но в первую очередь для общества. А если бы таких каналов было двадцать, тридцать — тогда все было бы нормально. Но при этом должно быть телевидение общественное. А не государственное. Государственное телевидение — это нонсенс. Это чиновники на деньги, изъятые у населения в виде налогов, рассказывают тому же населе-

нию, какие они хорошие и мудрые. Мы сами должны иметь возможность разобраться в этом. Общество от информационного произвола может защититься только общественным телевидением. Потому что вокруг него создаются мощные механизмы влияния аудитории на вещателя. В цивилизованных странах, разумеется. А коммерческое телевидение везде одинаково: зрелищно и агрессивно, как ты говоришь.

Э. М. — Плохо то, что нам под видом общественного или государственного всучивают обычное коммерческое телевидение. И если таких каналов станет в десятки раз больше — от этого нам станет легче? Там кусочек ухватил, здесь углядел... От этого может развиться лишь мозаичная психопатия. Диагноз есть такой.

Ю. Х. — В любом случае должно существовать право людей отбирать для себя то, что им нравится. Этим правом они могут пользоваться по своему усмотрению. Информационный вакуум, заполняемый государственными иллюзиями — это гораздо опаснее. А когда много каналов — тогда все в порядке. А что выбирать... Видимо, у общества есть какая-то тайна. Люди инстинктивно, но безошибочно выбирают то, что больше всего похоже на правду или этой самой правдой является. Что-то такое, заложенное самой природой, что не позволяет нас обманывать. Во всяком случае, долго. Вот таким-то образом люди потянулись в свое время к НТВ. Потом, когда его закрыли, рейтинги ТВ-6 стали расти.

Информационные программы строятся на репортажах, где соврать труднее. Если ты приезжаешь, например, в лагерь беженцев, то никак не можешь сказать, что им здесь живется хорошо. «Картинка» ведь говорит сама за себя, даже если ты тщательно отбираешь объекты съемки.

Э. М. — Да. Но можно не ехать в лагерь беженцев. А показать что-нибудь благополучное из столицы.

Ю. Х. — А тогда, что называется, «по умолчанию» все поймут, чего ты, то есть твой канал, в упор не хочет видеть. Это мы почувствовали прошлым летом во время президентских выборов в Белоруссии. Очень хорошо было видно, какой российский канал какую позицию занимал. Так что здесь, по крайней мере, все ясно.

Сложнее обстоит дело с документальными программами и с документальными фильмами. Здесь создать виртуальную реальность можно, профессионалы такого рода уже появились. И психологическая защита зрителя срабатывает уже не всегда.

Э. М. — Чем это опасно?

Ю. Х. — Тем, что появляется возможность заниматься мифотворчеством. Создавать ложные, но стойкие стереотипы, которые подменяют действительность. А потом человек понять не может, что в его жизни происходит на самом деле. За подтверждением можно обратиться к нашей истории. Истории кинематографа, например.

Здесь нам интересны две фигуры — Эйзенштейн и Дзига Вертов. Эйзенштейн. Совсем молодой человек покорил весь мир своим «Броненосцем «Потемкиным». Всем был интересен тот новый киноязык, который формировался в молодой стране. Это был какой-то прорыв. Этот новый киноязык покорил самого Эйзенштейна. Он понял, что в кино можно все. И он снял фильм «Октябрь».

Э. М. — Знаменитый эпизод — ворота в арке Главного штаба, которых никогда в природе не было. Но какой образ! Матросы, красногвардейцы усеивают своими телами эти ворота, идут на штурм самодержавия.

Ю. Х. — Да, и Ленин, который вел их туда, эти огромные массы людей, которые пришли в движение. Эта динамика. Эта экспрессия! Эйзенштейн экспериментировал. Он применял разные виды монтажа, он снимал не актеров, а простых людей, которых заставлял быть актерами. Он стремился сделать все максимально выразительным. Он решал вопросы свои, профессиональные, сугубо эстетические.

Но вместе с тем он сотворил миф. После этого много десятилетий подряд весь советский народ, почти весь верил, что так оно и было. Потому что это подавалось уже как документалистика. Как давняя, но все же реальность.

Э. М. — Но отцом «кинолжи» Эйзенштейна назвать трудно, потому что он снимал художественное кино. Не его вина, что идеологическая система приспособила эстетические открытия в своих сугубо прагматических целях.

Ю. Х. — Да, гениальный молодой человек создавал новый язык кино, а в это же самое время очень многие поняли, какие возможности открываются. Я думаю, что когда он создавал «Стачку», многие ответственные советские товарищи отдавали себе отчет, насколько эффективно это запрограммированное создание мифов, выдаваемых за документальный репортаж из прошлого.

Дзига Вертов — явление совсем иного рода. Он снимал фильмы о новой, советской действительности. Вот, например, крестины. Мать торжественно передает новорожденного пионеру, тот — комсомольцу, комсомолец — коммунисту. То есть, он создавал документальный миф о том, как это якобы уже происходит. На самом деле ничего подобного не было.

Две фигуры. Работали в одно и то же время. Оба снимали, в сущности, одно и то же кино. Если разобраться, Эйзенштейн брал обычных людей. Работал с ними, добиваясь перевоплощения, необходимого для создания кинообраза. Вертов делал то же самое. Он заставлял обычных людей играть в предлагаемых обстоятельствах. Потом точно так же монтировал, делал фильм. Но у него получалось хуже, чем у Эйзенштейна. И чтобы оправдать это, он называл свое кино документальным. Тут-то, наверное, и появился этот термин — «киноправда». Не правда, а «киноправда». Таким образом, разница между ними заключается в том, что Эйзенштейн художественно осмысливал всемирно-исторические события и в новой киноэстетике преподносил это зрителю. А Дзига Вертов, препарируя документальный материал, создавал киномифы.

Э. М. — Но искусство, как известно, всегда мифологизирует действительность. В той или иной мере.

Ю. Х. — Согласен. Можно снять один и тот же объект в разных ракурсах, в разном освещении, поставить в различный контекст на монтаже (вспомним хотя бы знаменитый эффект Кулешова) — вот вам и новая действительность. Документалистика в этом смысле создает ничуть не меньше возможностей, чем художественное кино. Но у нас появилось много охотников сознательно усиливать этот мифологический эф-

фект в сугубо прагматических целях. Если уж мы неизбежно вынуждены создавать кинематографическую действительность, то пусть хотя бы это точно будет не «киноложь».

Э. М. — И как бы ты определил грань между двумя этими понятиями? Для обычного, непрофессионального глаза она ведь, как правило, ускользает.

Ю. Х. — Действительно, эта грань очень тонкая. Киноправда способна в любой момент превратиться в кинофальшивку.

Э. М. — Даже помимо воли создателя фильма?

Ю. Х. — Ну уж это нет. Профессионал всегда отлично осознает, что он делает. А панацея от фальши — это искренность авторов фильма, их стремление найти зерно истины и не насиловать действительность. В документалистике часто приходится работать в жанре простого репортажа, то есть снимать то, что есть на самом деле. И ты должен быть готов к тому, что все будет происходить не так, как, тебе казалось, могло или должно происходить. Концептуальный подход к тому или иному материалу, той или иной проблеме на уровне заранее сформулированных идей — он чрезвычайно опасен. Потому что ты с самого начала хочешь изменить реальность. Подтянуть ее к своей концепции. И я знаю очень многих режиссеров, которые именно так и делают.

Э. М. — Но начинать работу над фильмом, не имея своего отношения к материалу, — тоже ведь нельзя? Еще Андрей Платонов писал: «эту жизнь не понять, если к ней чего-то не прибавить». И второе, совсем практическое соображение. Любой поиск и обработка информации предполагает наличие версии (версий) происходящего. Тогда ты работаешь не вслепую.

Ю. Х. — Совершенно верно. Но ты всегда должен помнить, что это всего лишь версия. Одна из многих. И ты всегда должен быть готов любую версию изменить, потому что она может оказаться ложной. Более того, я заметил: когда твоя версия начинает рушиться — вот тогда и начинается самое интересное.

У меня так было на «Русском счастье», когда я снимал мужика, фермера, который хотел жениться. Мы ему нашли

невесту (он нас сам попросил об этом). Все у них было поначалу хорошо, мы их снимали, и у меня была версия. Я представлял себе, что в финале мы сыграем свадьбу. Но ничего не получилось, и я жутко злился. Я был готов растерзать этого мужика, который мне просто не давал сделать фильм, который я задумал.

Э. М. — Тоже мне Господь Бог. Браки ведь совершаются на небесах.

Ю. Х. — А самое главное: когда я потом начал просматривать материал, я понял, как я должен быть благодарен моему герою за то, что он уберег меня от этой глупости. Потому что он сделал мне кино настоящим. Его жизнь, его судьба, его представления о счастье оказались несоизмеримо богаче моих глупых, «концептуальных» представлений.

С тех пор я зарекся и сказал себе, что для меня главное в начале работы простой человеческий интерес к той или иной теме. Мне долго предлагали снять фильм про Чернобыль. А я отказывался. Я не мог понять, для чего мне это надо. Про Чернобыль тогда кто только ни снимал. Я знаю режиссера одного белорусского, который приехал однажды в Чернобыльскую зону. Ему очень хотелось снять что-нибудь очень эмоциональное. И что он сделал? Он поджег дом. А пожар в зоне — это целое бедствие. Уровень радиации подскакивает в десятки, может, в сотни раз. И радиоактивный пепел летит, рассеивается. И куда он попадет, кто знает… Словом, не видел я в Чернобыльской теме ничего интересного для себя. Пока не узнал про беженцев из разных дальних краев, которые занимают в зоне пустующие дома и селятся там.

Э. М. — Так называемые самоселы, самовольные поселенцы. Там их все больше сейчас, в зоне.

Ю. Х. — Да. Так вот, когда я узнал об этом, меня пронзила мысль: как должен был внешний мир этих людей напугать, чтобы они стремились в одно из самых опасных на Земле мест? Чтобы найти там счастье и успокоение! Как только это понимание пришло, я сразу нашел название фильма — «Оазис». Не зона, а оазис. И я начал снимать этот фильм. Потому что возник интерес и внутренняя боль, обусловленная темой.

Но часто можно увидеть совершенно другое. Режиссер может, например, в целях усиления эмоционального эффекта снимать одного человека, например, пожилую женщину. Как она квартиру запирает, по улице идет. А под эти кадры звучит письмо погибшего человека — реального.

Э. М. — А женщина имеет к погибшему какое-либо отношение?

Ю. Х. — В том-то и дело, что никакого. Если уж хочешь быть свободным в своих эстетических поисках — иди в игровое кино. Пиши сценарий, приглашай актеров.

Э. М. — Создавай вторую реальность.

Ю. Х. — Да, и ты свободен любыми средствами проповедовать свои политические, эстетические идеалы, воззрения. Как, например, Невзоров в «Чистилище». Здесь жанр выдержан.

Э. М. — Хорошо. Но я тебе кое-что напомню. Разве ты сам не рассказывал мне, лет десять уже назад, что часто относишься к свои героям как к документальным актерам. Более того, в работе с ними применяешь элементы системы Станиславского?

Ю. Х. — Я и сейчас не откажусь от своих слов. Да, я отношусь к герою как к документальному актеру, «играющему» самого себя. Начнем с простого. Если я знаю, что этот человек (именно этот) каждый день ходит на работу по этой улице, мимо этих домов, памятников, то я почестному попрошу его пройти тем же путем в сопровождении камеры. Здесь не будет натяжки, мне не нужно его «кинонаблюдать» и т. п.

Э. М. — Как в известном армейском анекдоте: вовсе нет необходимости копать три ямы, чтобы сфотографироваться по пояс в трех экземплярах, да?

Ю. Х. — Конечно. Здесь я понимаю, что не нарушу законов документального жанра. И если я попрошу моего героя сделать что-то еще обыденное, часто повторяющееся и нужное мне для монтажа, для перебивки — здесь нет большой беды. Ничего не поделаешь — технология съемок. Можно привести пример и из классики советской кинодокументалистики. Всемирно известные кадры

Вейнеровича: солдаты сбрасывают фашистскую свастику с Дома правительства в Минске. Танк, «тридцатьчетверка» с пехотой стремительно мчится на фоне того же Дома правительства. Эти кадры стали символом освобождения Беларуси. Я понимаю, что там могли быть и дубли. Но все равно это документ. Это 44-й год, это Минск и это именно те солдаты, которые пошли дальше, на Запад.

Э. М. — Исключительно ради исторической правды должен сказать: вряд ли танк на фоне Дома правительства снимался с дублями. Знаешь, почему?

Ю. Х. — Почему?

Э. М. — Я как-то монтировал фильм, где использовались эти кадры. Крутил их в замедленном темпе и знаешь, что обнаружил на переднем плане? Солдата, справляющего малую нужду. Как всегда в жизни: великое и малое рядом. Этого солдата никогда не заметишь, если крутишь пленку на обычной скорости.

Ю. Х. — Ну, значит, тем более это правда. Но опять же ради исторической правды надо сказать, что многие хроникальные кадры боев партизан с оккупантами снимались на... специальных базах под Москвой. Был и такой режиссер, который возил с собой немецкие трупы для организации впечатляющих кадров. В конце концов, каждый художник волен выставлять себе этические границы, которые никогда не нарушает. Но при этом важно знать, что существуют абсолютные этические пределы, за которыми кончается профессия и начинается подтасовка, фальшь, обман зрителя. А ведь он, усаживаясь у телеэкрана, изначально тебе доверяет.

Э. М. — Но вернемся к вопросу о методах раскрытия характера героя в документальном кино. Я сейчас вспоминаю твой второй фильм — «Здесь был Крылов», за который ты получил второй же, после «Тихой жизни в Глубоком», главный приз на всесоюзном кинофестивале в Киеве. Это был фильм о советской школе, о том, что в ней происходило в конце советской эпохи. О том, как изламывалось сознание молодых в мире «социалистических ценностей», о фактическом крушении советской педагогики. Меня лично поразило, что исключительной достоверностью того, что

происходило в кадре, ты сумел сказать намного больше, чем тогда позволялось. В обычном классе средней школы горел киношный свет, возвышались ДИГи, стояли огромные, 35-миллиметровые камеры…

Ю. Х. — «Дружба», они весили полтонны.

Э. М. — И вот при всем этом ты фиксировал такие моменты, как, например, парень под партой лезет девочке под юбку. Не говоря уже о том, как они списывали, как кривлялись за спиной ненавистной учительницы и вообще вели себя разнообразно. Они совсем забыли, что их снимают.

Ю. Х. — Да, и вот здесь как раз начинается ответ на твой вопрос по поводу системы Станиславского. Насколько я понимаю, эта система просто учитывает особенности психической деятельности человека.

Э. М. — Зрителя?

Ю. Х. — Нет, актера прежде всего. Например, актер по системе Станиславского использует в своей работе с залом, с партнерами такое понятие, как «круги внимания». Профессиональный актер это делает автоматически, он об этом никогда не думает. А молодых актеров этому учат и начинают с того, что показывают, как «кругами внимания» пользоваться. Это когда ты должен видеть только свою сигарету в руках. А в следующий момент — еще и партнера, а потом переключиться на весь зал. Или когда тебе нужен огромный всплеск. И ты обращаешься ко всему миру…

Э. М. — Как Нина в «Чайке»: «Люди, птицы, звери…»

Ю. М. — Да, да. И вот если отнестись к документальному герою как к актеру, то эту работу я, режиссер, должен сделать за него. Не говорить ему про «круги внимания» и прочие для него глупости. Ему надо создать такую ситуацию, в которой его «круги внимания» будут именно такими, какие тебе нужны. Например, если тебе нужно, чтобы герой выглядел … неубедительно, чтобы он не понравился (ты что-то знаешь про него такое), чтобы у него глаза бегали — посади съемочную группу веером. Перед ним будет шесть-семь человек во время интервью. Он так или иначе будет стараться установить контакт со всеми, и глаза у него будут бегать, и психической энергии он на это будет тратить много, отвле-

каться, что иногда тоже тебе нужно. А если ты хочешь глубокого интима, ты должен всех посадить за собой, за визави своего героя. На одной линии. И тогда герою будет легче сосредоточиться. Перед ним будут только глаза собеседника. Ты ему практически уменьшаешь круг внимания. Ты сосредотачиваешь, концентрируешь его психическую энергию.

Э. М. — Когда ты снимал в школе, ты оставлял всю аппаратуру в классе, целыми днями она стояла, и они, в конце концов, к ней привыкли, перестали замечать.

Ю. Х. — Да, сначала они торчали вокруг аппаратуры, лезли во все. Потом им это надоело, и их внимание снова вернулось к самим себе, любимым. И они стали естественными, как животные в зоопарке. Вот тогда мы и стали снимать. С «кругами внимания» у меня только один раз «облом» был. Я не учел профессию героя. Был он военный летчик. А у летчика внимание тренированное, профессиональное. И вот он со мной беседовал, а сам все подмечал, что вокруг происходило: и когда камера тихо включалась, и когда она выключалась. В общем, перехитрил он меня, не раскрылся.

А возьмем такую сугубо профессиональную вещь, как мизансценирование или темпоритм самовыражения героя. В документальном кино оно тоже вполне применимо. Ты все это можешь задать изначально. Если ты хочешь, чтобы люди в кадре разговаривали тихо, доверительно — посади их рядом, близко, да еще у камина. А если хочешь, чтобы «градус» общения повысился, — рассади их, отодвинь друг от друга на несколько метров. И они сразу повысят голос. Общение их сразу приобретет оттенок агрессивности. Может, даже недоброжелательности. Если тебе это нужно, конечно.

Э. М. — И еще, у нас с тобой были случаи, когда то, о чем беседуешь с героем непосредственно перед съемкой — ну, болтаешь вроде ни о чем — таинственным образом проникает в его подсознание и перед камерой подсказывает ему какие-то параллели, сравнения, ассоциации. Явно навеянные недавним разговором. Чертовщина какая-то. Прямо нейролингвистическое программирование какое-то.

Я это сейчас неслучайно вспомнил. Мне хочется задать тебе неудобный вопрос. Все то, о чем ты говоришь и что при-

меняешь на практике — не есть ли это все та же кинонеправда, только более изощренная? Ведь, так или иначе, ты все равно вторгся в сознание человека, в чем-то исказил его?

Ю. Х. — Понимаешь, как под гипнозом ни один человек не сделает того, чего он не сделает в реальной жизни никогда, так и здесь: человек останется самим собой, только будет раскрыт в сущностных чертах своей личности.

Э. М. — Слетает шелуха обыденности, приземленности. Проявляется главное, и человек сам создает свой собственный документальный образ?

Ю. Х. — Да, конечно. Только я не очень люблю термин «документальное кино». Кино едино: оно или настоящее, или нет. Граница между жанрами кинематографа пролегает в другом месте.

Э. М. — Еще Юрий Тынянов заметил: «документы врут, как люди». Разве мы не знаем случаев, когда художественные фильмы были более достоверными свидетельствами, чем документальные? Ты об этом?

Ю. Х. — И об этом тоже. Игровое кино и неигровое кино — это одно и то же кино. Живущее по одним и тем же законам, имеющее одни и те же эстетические критерии и категории. Например, достоверности и недостоверности. Правды и неправды.

Разница в другом. В игровом кино у тебя всегда есть история, сюжет. Созданный сценаристами, жизненный опыт которых лег в основу этого сюжета. Но нет героев, которые действуют реально. Их создают усилиями, талантом актеров, костюмеров, гримеров, операторов, режиссера, наконец. В неигровом кино — совершенно обратная ситуация. У тебя есть герой, документальный актер, причем гениальный. Никто другой его не заменит.

Э. М. — Например, мать Егора Прокудина в «Калине красной». Документальная ведь старушка.

Ю. Х. — Пример очень кстати. Но Шукшин снял документальную старушку в эпизоде. А я делаю целый фильм о человеке или о людях, об их делах, их проблемах, горе и радости. У меня есть все, кроме одного. Истории, в которой мои герои были бы интересны. И вот, придя к ним, ты на-

чинаешь искать в них, вокруг них эту историю. Эту историю невозможно придумать и нельзя придумывать. Эта история обязательно есть у каждого человека. Ее надо просто увидеть, извлечь, высечь и в соответствии с ней снимать этого человека. Для этого и применяются все те и многие другие методы, о которых мы говорили чуть раньше.

Так вот, то, с чего в художественном кино начинают, в неигровом кино венчает процесс съемок. Я имею в виду... сценарий. Результат работы в документальном кино — это сценарий, который ты напишешь после того как смонтируешь ленту. Поэтому и монтаж в неигровом кино значительно сложнее, чем в игровом.

Э. М. — А если этого же человека будет снимать другой режиссер?

Ю. Х. — У него может получиться совсем другой фильм. Он может увидеть в том же герое совсем другую историю. Такие примеры были. Но главное — этот сюжет надо находить, а не придумывать. А выдуманной реальности у нас, действительно, все больше в эфире. Сейчас в нашей, режиссерской профессии считается вполне приемлемым простонапросто изменить реальность, подтасовать ее. Во многих телепрограммах я вижу, что люди отвечают на прямо противоположный вопрос, им меняют контекст ответов. Или актеры, которые приходят в программу «Большая стирка», например. Они разыгрывают ситуацию перед зрителями, а нам ведь не сообщают, что это актеры. Они делают вид, что они — документальные герои. Все это придумано, все неправда. Или эти постоянные маски в программе «Моя семья». И не только маски. Там половина из тех, кто сидит в оформлении за столиками — это актеры, которые за деньги работают.

Э. М. — Хорошо, хорошо, пусть это будут актеры. Но ведь делается это для того, чтобы миллионы других — настоящих, документальных людей, сидящих и в студии, и перед экранами, увидели, почувствовали проблему. Они негодуют, восхищаются, плачут, рассказывают свои истории, уже не придуманные.

Ю. Х. — Я как зритель не уверен, что нуждаюсь в таком

искусственно созданном эмоциональном сопереживании. Что мне нужна эта тележвачка, эта попса.

Э. М. — А вечное: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»?

Ю. Х. — Может быть, может быть, но это приобрело слишком широкий размах. Вот насколько интересное ток-шоу у Швыдкого — «Культурная революция»! Блистательно! А почему? Каждый участник является самим собой и никем иным. И какие люди собираются! Каждый отвечает за свои слова. Никаких подстав и «возвышающего обмана». Боишься пропустить хоть полслова.

Э. М. — Да, этим примером ты меня убил. Но если бы не было примера, мы бы еще поспорили.

Ю. Х. — Да я не против в принципе против «вживления» актера в документальную ситуацию. Такой прием тоже должен быть в арсенале документалиста. Но чувство меры и такта… Я ведь вижу: под видом документальных персонажей нам несут какую-то ахинею актеры.

Э. М. — Я понял, с чем это можно сравнить, Юра. Пчеловоды, когда хотят иметь больше меда и побыстрее продать его на рынке, ставят возле улья лотки с сахарным сиропом. Пчелам далеко лететь не надо, нектар собирать. Они быстро натаскивают полный улей — забирай продукцию! Но мед бледный, бесцветный, без аромата и полезных веществ. И пчелы быстро изнашиваются, помирают…

Ю. Х. — Ты дал совершенно замечательный пример.

Э. М. — Но это сравнение можно продолжить. Пчеловод этот, конечно, недобросовестный. Но ему «Мою семью» кормить надо. А семейка большая — голодные глаза миллионов телезрителей, которые каждый день ждут «Большую стирку», etc. Ну где ты найдешь всего столько настоящего? Какими титаническими усилиями ты будешь до глубины души раскрывать реального человека в режиме ежедневного конвейера телевизионного производства? Хорошо тебе в кино. Месяц-два снимаешь, полтора монтируешь. А я на вещании отработал, и в дирекции программ. Огромные комбинаты, в которые превратилось сейчас телевидение, очевидно, сейчас иначе и не могут.

Ю. Х. — Знаешь, мы с тобой так далеко зайдем.

Э. М. — Мы говорим с тобой о настоящих произведениях искусства и о массовой культуре. А это, как говорят у вас в Одессе, — две большие разницы.

Ю. Х. — Если ты из словосочетания «массовая культура» уберешь слово «культура», я с тобой соглашусь. Но в том-то и дело, что множество людей, население начинают воспринимать это как культуру. Это страшное засилье попсы. И в документалистике, и в эстраде, и в рекламе.

Сегодня умный, хороший, культурный продюсер, придя на российский канал, будет в ужасе. Потому что если он вместо Баскова или Бори Моисеева попытается продемонстрировать настоящего певца, его общество уже не поймет. Потому что оно воспитано на другом.

А от рекламы уже просто тошнит. Примерно около трети эфирного времени ею занято. Это нарушение всех мыслимых норм и правил.

Э. М. — А где же тогда взять деньги? В блоках рекламы уже появились ненавязчивые, остроумные сюжеты о том, что без рекламы никак не прожить. «Мигель, когда же состоится наша свадьба, дорогой?»

Ю. Х. — Так из налогов и возьмите! В виде абонентской платы, которую я внесу за те каналы, которые хочу смотреть.

Э. М. — То, о чем ты говоришь — это элементы общественного телевидения, которое есть в любой цивилизованной стране. Но его нет ни в России, ни в Белоруссии.

Ю. Х. — Белоруссия — полностью в сфере влияния российских каналов. Поэтому мы с тобой и позволили себе вмешаться во внутренние телевизионные дела России.

У нас в старом КВНе была шутка, у одесской команды: «Врачи! Люди в белых халатах! Или уберите руки, или снимите халаты». В переводе это может означать: «Господа, поскольку вы на нас воздействуете таким образом, а мы этого не хотим, то вы можете сделать две вещи: или отрубите Белоруссию из своего телевизионного пространства, или считайтесь с нашим мнением тоже».

И это уже не шутка.

Журнал «Телефорум» (Москва), 2002, № 4

Посторонние в нашем доме

«Люди, которые входят без стука». Так называлась старая книжка о популярных дикторах и ведущих советского телевидения. В самом деле, нажав клавишу телеприемника, мы впускаем к себе в дом множество людей. Однако повседневная практика предельно государственных электронных СМИ Беларуси убедительно доказывает, что гостями могут оказаться люди с неясными, а на самом деле враждебными намерениями. Враждебность эта заключается в том, что аудиторию телезрителей вещательные организации по-прежнему, как и в советские времена, воспринимают исключительно как объект целенаправленного воздействия.

В нашей стране телевидение используется как боевое отравляющее вещество, вроде нервнопаралитического газа, которым окуривают население с целью подавления его воли и интеллекта, а по отношению к политическим противникам власти телерадиовещание служит просто орудием морального уничтожения.

Выравнивание ландшафта

Прежде всего, для удобства ведения боевых действий максимально выровнен ландшафт, на котором они ведутся. За последние годы, даже месяцы значительно сузились тематические направления, присутствующие в ежедневной телевизионной программе. Целям выравнивания ландшафта служит и отключение некоторых (по какому-то «совпадению» — наиболее ярких, интеллектуальных) российских каналов. Еще бы: то, что происходит сейчас в России (при всей противоречивости тамошней ситуации) вполне способно зародить у нашего населения острую тоску по вольному слову и высокой культуре общения. Белорусский телевизор все больше напоминает специально сконструированный «народный радиоприемник» в Германии 30-х годов, принимавший только радиостанции Третьего Рейха.

Придя домой, наш зритель погружается в мерно текущие волны белорусского эфира, где идут до боли знакомые, милые сердцу старые советские фильмы, где слова

«товарищ» и «комсомол» рождают ностальгию у стариков и призваны создать прочное ощущение незыблемости существующего миропорядка у непоседливой молодежи. То, что эта стабильность все больше напоминает неподвижность могильной плиты, — никого не волнует.

Телевидение, призванное быть открытым каналом общенационального общения, превратилось в закрытую организацию, орден меченосцев. Эти меченосцы действуют на главном направлении — информационном вещании. Основной результат всех радикальных переломов на государственном телевидении и радио в последние годы сводится к многократному техническому, кадровому и финансовому усилению информационных служб в ущерб всему остальному вещанию. Это, конечно, неслучайно.

Человек поддается управляющему воздействию, если оно «въезжает» на волне новой информации. Твердо усвоив эту аксиому, нынешние телевизионные программисты сделали информационное вещание стержнем всего эфирного дня. Информационным выпускам отдается самое «смотрибельное» вечернее время. Само по себе это грамотно, профессионально, если не брать в расчет содержание информационных выпусков.

Переключаясь с одного государственного канала на другой, можно весь вечер провести в иллюзорном мире телевизионных событий, насколько реальных, настолько же и фантастических.

Скелет в шкафу

Сейчас основной поток ангажированной информации, ежедневно вливаемой в сознание миллионов незащищенных людей, строится на «серых» схемах. Они представляют собой комбинации из тщательно отобранных истин, расхожих представлений и заведомой лжи. Все эти схемы хорошо знакомы со времен борьбы с «тлетворным влиянием» Запада. Пикантность ситуации в том, что само наличие этих приемов преподносилось советской пропагандой как неопровержимое свидетельство бесчеловеч-

ности «буржуазных» технологий манипулирования общественным сознанием.

Какими же методами осуществляется психологическая обработка населения в нужном для властей духе? При систематическом изучении материалов информационных программ БТ, ОНТ и СТВ среди нарядных одежд современного теледизайна проступают, как скелет в шкафу, железная логика и последовательность. Обнаруживается комплекс приемов и средств, при помощи которых коммуникаторы стараются манипулировать общественным сознанием.

Конечно, самый распространенный прием — это умолчание. Его и приемом-то трудно назвать, всегда есть объяснение: «в стране и мире происходит столько событий, что за всеми не угонишься». Однако «за кадром» почему-то остается самая актуальная и самая неудобная для властей информация. «Пропагандисты» твердо усвоили: о чем не знаешь, того и не существует. И их ожидания, как правило, оправдываются.

В последние недели почти ежедневно в основном информационном выпуске Белорусского телевидения «Панорама», регулярно в «Наших новостях» на ОНТ мы видим репортажи о задержании на границе больших партий грузов, которые якобы с нарушением таможенного законодательства Республики Беларусь пытались провезти неустановленные злоумышленники. Грузы арестовываются, конфискуются и передаются в доход государства. Интенсивность появления подобных сюжетов в эфире заставляет думать о какой-то их особой роли в пропагандистской деятельности властей. Это срабатывает, это заставляет большинство зрителей радоваться успехам доблестных белорусских пограничников и таможенников. И лишь немногие из тех, кто насмотрелся подобных сюжетов, способны оценить смысл обстоятельной публикации на ту же тему в «Белорусской деловой газете» о том, что на самом деле происходит. Оказывается, в нарушение международного таможенного законодательства белорусские таможенники конфискуют большие партии грузов, стремясь выполнить «план по валу» и пополнить скудный бюджет страны. Планы все время растут, а грузов через Бе-

ларусь идет все меньше. Вот они и свирепствуют, не обременяя себя даже надлежащим оформлением фактов контрабанды и установлением самих нарушителей. Такие права им дает «маленькая» поправочка к Кодексу административных правонарушений, которая была принята нашими «законодателями». В результате, как пишет «БДГ», Беларусь приобрела устойчивый статус «черной дыры» в центре Европы, в которой бесследно исчезают сотни тысяч тонн грузов. Поэтому неудивительно, что, по оценкам независимых специалистов, грузовой поток через нашу страну по сравнению с 1997 годом уменьшился приблизительно на 70%.

В годовщину Октябрьской революции все три государственных канала широко осветили пуск газопровода на Полесье. Это было подано как проявление неустанной заботы президента о своем народе. Транслировались выдержки из его выступлений. Однако за кадром остались те из них, где говорилось о неизбежном повышении цен на газ. Естественно, никто и не задался вопросом: «Почему?» Ведь чуть ранее из тех же уст мы слышали, что в ответ на повышение цен на российские энергоносители Беларусь поднимет тарифы за их транзит по ее территории. Откуда в таком случае увеличение стоимости газа для населения?

Там же, на Полесье, президент, оказывается, отвечая на вопрос местного жителя (заготовка пиарщиков, «пробный шар»?) сказал: «Давайте исполнять Конституцию. Если нормальная ситуация, и я буду видеть, что народ терпит Лукашенко, то спрошу вас: «Вы не против того, чтобы Лукашенко участвовал в выборах наравне с другими, допустим, пятью-шестью кандидатами?» О том, что действующий уже более двух сроков подряд президент обставляет свой неизбежный, законодательно предопределенный уход какими-то условиями, ничтожная часть населения Беларуси вынуждена узнавать из материалов российского агентства «Интерфакс», но никак не из программ основного телевизионного канала страны.

Разве не важно знать об этом каждому? Но тот, кто редактирует сейчас даже выступления президента, посчитал, что это преждевременно.

Никого не удивил и перемонтаж передачи «Свобода слова», вышедшей в эфир НТВ, который принимает в Беларуси малая часть телеаудитории. Через день эта программа в неузнаваемом виде была показана по государственным белорусским каналам, которые смотрят все. Неудобные для официальной пропаганды фрагменты были изъяты, а в образовавшиеся провалы вставлены видеосюжеты, разъясняющие народу смысл сказанного президентом, и только президентом.

Подобные примеры можно приводить ежедневно. Так создается особая экранная реальность, имеющая полное внешнее сходство с настоящей, но существенно отличающаяся от нее смыслом происходящего.

Недооценивать эффективность такого метода нельзя: вкупе с перекрытием внешних каналов он дает желаемый эффект.

В 2001 году, накануне президентских выборов, независимые социологические службы выяснили, что около 40% населения и не подозревают об исчезновениях известных политиков, журналиста, бизнесмена. Даже если опрашиваемые и боялись отвечать откровенно, то это тоже говорит о разрушении способности людей противостоять натиску пропагандистской машины. Ей все-таки удалось навязать нужный стереотип: «Этого не может быть, потому что мы этого не знаем».

«Нам нужна не правда, а эффективность»

Так говорил человек, который применял этот тезис на практике. Звали его Йозеф Геббельс. Эти слова процитировал молодой и бессмысленно бойкий комментатор в «Постскриптуме», вышедшем в эфир в конце октября. Слова эти были им отнесены на счет российских СМИ, однако неслучайно это знакомство штатного пропагандиста с учением своего предшественника. Этот предшественник считал: самое слабое место у человека — голова.

О наличии психологических стереотипов как регулятора поведения человека известно давно. В массовой комму-

никационной деятельности это знание использовалось и раньше, но теоретически осознанно и системно применяется, пожалуй, с 20-х годов прошлого столетия, когда была опубликована книжка Уолтера Липпмана «Общественное мнение». В самом наличии стереотипов нет ничего предосудительного. Вопрос в том, каковы они, насколько полно и верно отражают объективную реальность, «данную нам в ощущениях». Однако механизм формирования и проявления стереотипов имеет вполне самодостаточное значение. При знании этого механизма можно более-менее успешно формировать устойчивые представления о чем-либо почти независимо от их истинности или ложности. Это и называется манипулированием массовым сознанием. Все зависит от нравственной позиции вещателя, его готовности поступиться принципами честной журналистики.

Созданию ложных стереотипов способствует массовое производство псевдособытий, так называемых «фактоидов», по определению американского писателя Норманна Мейлера. Это сообщения о событиях, которые совсем не имеют такого значения, какое им придается. В наших условиях фактоидами являются многочисленные и подробные отчеты о выступлениях главы государства, заседаниях правительства, а также необъяснимо выскакивающие «темы дня», тиражируемые всеми каналами. В один день, например, все шумят о качестве белорусского пивного ячменя, в другой день — о вытрезвителях и ЛТП, в третий — о посещении высокими лицами какой-то птицефабрики. Такие сюжеты, неизменно открывающие «Панораму», иногда занимают в ней до трети всего выпуска. Это означает, что мы многого не увидели, действительно для нас важного. Вместо объективной и достоверной информации нам усердно навязывают имидж «отца нации», от внимательного глаза и твердой руки которого не ускользнет ничто. А все недостатки и прегрешения происходят из-за того, что до сих пор это не было ему известно.

О мощном управляющем воздействии сверху говорит и то, что одними и теми же фактоидами заполнены от трети до половины информационных выпусков на всех трех каналах.

Стереотип представления об обществе как о малом ребенке, который натворит бед без надлежащего присмотра, воздействует на тех, кто устал от неразберихи, от тягот собственного существования и хочет поскорее утвердиться в чем-то бесспорном и незыблемом. Таких — большинство.

Навязыванию аудитории нужных представлений эффективно служат формат и стилистика информационных программ, подчеркнутая «случайность» появления тех или иных сюжетов. Используя естественную ассоциативность человеческого восприятия и мышления, создатели информационных программ успешно продуцируют нужные им стереотипы. Метод называется «Запланированные ассоциации» и известен давно. Вот как это выглядит в «Панораме» и «Наших новостях». Благополучные сюжеты о положении дел в Беларуси (среди которых много фактоидов) встык или через короткую подводку ведущего монтируются с сюжетами об авариях, катастрофах, волнениях, терактах, стихийных бедствиях, политических конфликтах в других странах. Только что мы видели спокойные, ярко освещенные улицы Минска или идиллические сельские пейзажи, и вот уже воют сирены, кричат люди, несут раненых. Потом опять мы переносимся в родную Беларусь: спокойствие и благодать, простыми и понятными словами с нами разговаривает наш президент.

Каждый сюжет посвящен своей теме и, казалось бы, не связан с предыдущим. Однако связь есть, и об этом знают умелые монтажеры. Она — в перенесении смысла одного сюжета на другой, и это процесс подсознательный. Только изредка замысел прорывается наружу. 6 ноября 2003 года ведущая «Панорамы» открыла выпуск словами: «Россия готовится к теракту, Грузия — к беспорядкам. Беларусь — к празднику». Без единого лишнего слова выстраивается прочный стереотип представления о родной стране как оплоте спокойствия и благополучия в мятущемся и непредсказуемом мире. Думается, после этого рядовой человек будет по-иному воспринимать свое беспросветное, полунищенское существование. В его сознании возникает иерархия ценностей, в которой все меньше места находится

самостоятельному выбору: «Пусть будет как будет, лишь бы не было войны!»

Такая информационно-пропагандистская индукция служит свою службу и в широко применяемом методе: «От частных правд — к общей неправде». Метод хорошо известен уже около сорока лет и надежен, как трактор «Беларусь» на колхозном поле, весь урожай с которого сгнил на корню. Суть в том, чтобы подобрать незначительные, с точки зрения высокой политики, факты и тем самым подкупить зрителя, сделать его единомышленником. Тем, кто поражается «смелости» БТ и ОНТ, показывающих текущие крыши, пожары на льнозаводах, забытого инвалида и даже плачущую женщину, следует обратить внимание, что, как правило, следом появляется представитель власти и наводит порядок, защищает обиженных, наказывает нерадивых нижестоящих начальников. То, что это не меняет ни на иоту ничего, остается за кадром и никого не волнует: цель достигнута. После возникшего психологического напряжения, дискомфорта немедленно пришла необходимая разрядка. Мы испытали облегчение, сами не заметив того. Мысль о пагубности, бесперспективности авторитарных методов «управления» обществом нас никогда не посетит.

В использовании метода «От частных правд — к общей неправде» есть и свои творческие вершины. Верхом пропагандистской эквилибристики можно считать сюжет из Новолукомля, прошедший в эфир ОНТ 18 ноября 2003 года. Тамошние власти проявили смекалку: тех, кто неспособен оплатить коммунальные услуги, выводят на общественно-полезные работы: уборку улиц, разборку свалок и т. п. 70% заработанных человеком денег идет на оплату жилья, остальные остаются ему — с гордостью говорят местные начальники. Женщина с хорошим, добрым лицом (не пьяница!) рассказывает, что в семье несколько безработных: она, муж, сын. И уже не первый год: в Новолукомле работу найти невозможно.

Чистая ведь правда! Но мы ни слова не услышали о причинах массовой безработицы, о том, почему люди, живущие в нищете, не могут оплатить свое жилье. Не услышали ничего и о законности такого метода обеспечения трудовой занятости.

«Единожды солгав...»

Можно назвать и другие, не менее эффективные методы манипулирования общественным сознанием.

Метод опережающей информации был использован в сюжетах об уголовном деле против золотоперерабатывающего предприятия БГУ и увольнении его ректора Александра Козулина. Представители прокуратуры, в нарушение Уголовно-процессуального кодекса, обнародовали материалы предварительного следствия задолго до его окончания. Важно было навязать однозначно выстроенную точку зрения, и это было сделано в один и тот же день всеми общенациональными государственными каналами. Позднее выяснилось, что дело «рассыпалось», но об этом уже никто не сообщал.

Метод монтажной мистификации был в свое время продуктивно использован небезызвестным автором фильма «Дети лжи», а также его многочисленными последователями.

Метод ложной документации — безымянными авторами телепасквиля «Паутина». Камера водила нас по каким-то затемненным закоулкам, каким-то листкам бумаги в тревожном свете. Но ни одного документа, ни одного свидетельства предъявлено не было, что подтвердило последующее судебное разбирательство, связанное с закрытием представительства IREX в Беларуси. Ложной документацией являются и синхронные (со звуком) записи мнений людей на улицах, комментарии людей, пользующихся уважением — ученых, артистов, общественных деятелей (даже иногда оппозиционных!). Они высказывают какую-то мысль, но из всего записанного вырываются только те фрагменты, которые нужны авторам программы, соответствуют их замыслам. Бывает, что затем человек высказывает нечто такое, что меняет смысл сказанного прежде. Однако мы этого уже не видим.

Перед нами разворачивается насквозь ложная, искажающая реальность схема государственных пиарщиков, но на экране мы видим живых людей и эмоционально не можем им не верить. В этом и состоит феноменальность телевидения. В этом его «термоядерность», по выражению человека,

который всегда предстает в программах БТ в нужном контексте и высказывается исчерпывающе.

Широко используется метод семантического кодирования, когда нейтральным словам придается не свойственный им некий демонический смысл, с которым потом манипулируют. Чего стоит только интонация, с которой ведущие телеканалов неизменно произносят слово «оппозиция»!

Эффективен метод «копченая селедка» (сбивание со следа). В «Постскриптуме» 12 ноября 2003 года комментатор озаботился проявлениями антисемитизма в Германии. Со ссылками на немецкие газеты (показанные для убедительности в кадре) он с тревогой говорил об этом ужасном явлении и подчеркивал: ничто подобное в Беларуси просто невозможно. Он так хлопотал лицом, что невольно закрадывалось подозрение: а не вызван ли этот комментарий острой реакцией общественности (в т. ч. международной) на разорение еврейского кладбища в Мозыре? Там выкопанные экскаватором черепа и кости лежали под открытым небом при полном попустительстве властей.

Нет, об этом — ни слова. Как и о том, почему немецкие газеты пишут об антисемитизме, а белорусские государственные — ни слова. Не есть ли это проявление антисемитизма на государственном уровне? Вопрос остается без ответа.

Алло, вы на проводе!

Любопытную новацию с точки зрения психотронных технологий представляют собой интерактивные опросы телезрителей, широко применяемые сейчас на Белорусском телевидении.

«Информационно-аналитическая» программа «В центре внимания» каждое воскресенье приглашает нас высказаться по актуальным проблемам.

Ставится на голосование вопрос, действительно вызывающий неподдельный интерес. Например: «Что может вызвать уважение к Беларуси со стороны других стран?» Но тут же предлагаются варианты ответов, четко огораживающих поле, в котором будет проходить игра. Бес-

проигрышная для устроителей, как «наперсток». Важно втянуться и принять условия, остальное — дело техники. Вот, например, какие варианты предлагались для ответов на этот вопрос:

— «большие экономические, культурные, научные и спортивные достижения»;

— «активная популяризация имеющихся достижений за рубежом»;

— «самоуважение граждан и ответственное отношение к своей стране».

Все недовольные, конечно же, имеют свое мнение о причинах низкого авторитета Беларуси в мировом сообществе, однако, скованные рамками предлагаемых ответов, вынуждены играть по этим правилам и выбрать первый вариант ответа. Во втором ответе, заметим, скрыт тезис об имеющихся достижениях. Третий же вопрос, подкупающий граждан возможностью самоуважения, тут же вытягивает их к осознанию ответственности. Именно этот вариант ответа и набрал наибольшее количество голосов.

Через неделю играли в другую игру: «Что поможет белорусскому селу стать сильнее?» (то, что оно и без того сильное, само собой разумеется).

Варианты ответов:

— «наведение порядка на земле, изменение отношения к работе»;

— «развитие фермерских хозяйств»;

— «активное внедрение высоких технологий».

Тут уж вы отгадаете с первого раза: конечно, первый вариант вызвал наибольший восторг граждан.

Не будем сбрасывать со счетов и технические возможности Белорусского телевидения: кто проверял, сколько было звонков на студию и что на самом деле говорили люди? Однако мы должны верить эксперту Жанне Гринюк, которая в ходе передачи констатировала: «Я выскажу восхищение честностью итогов голосования. Это единственный интерактив на всем Белорусском телевидении, который не накручивает голоса («В центре внимания», 9 ноября 2003 года). Правда, с тех пор Жанну Гринюк мы почему-то не видели…

Думается, все эти интерактивы — неплохая репетиция перед общенациональными мероприятиями, например, референдумами. Допустим, предложат вам сыграть в игру: «Считаете ли вы необходимым изменение Конституции Республики Беларусь?» Варианты ответов — на любой вкус:

— для создания прочной законодательной основы преемственности власти и защиты прав граждан;

— для создания лучших условий продвижения Беларуси к правовому государству;

— для формирования гражданского общества.

Два последних ответа — для недовольных, интеллигенции и мировой общественности, которую игнорировать тоже ведь нельзя…

Важно прийти на участок, не правда ли? Что бы Вы ни подчеркнули, Вы ответили утвердительно. Это и требуется. Что на самом деле написали президентские юристы в новом варианте Конституции, Белорусское телевидение Вам расскажет как-нибудь потом.

И однажды, в конце 2006 года, Вы проснетесь в совсем другой стране…

Народная воля, 2003, 5 декабря

Ни-з-з-зя!

Как часто, пытаясь раздобыть надежную, эксклюзивную информацию, репортеры слышат сакраментальную фразу: «Зачем вам это нужно, что вы тут снимаете? И грозное требование: «Покажите удостоверение!»

Напрашиваются встречные вопросы: почему так происходит? Что это, если не самая жесткая форма цензуры, которая якобы отменена в нашем государстве?

Эти вопросы мы задаем Эдуарду Мельникову, заместителю председателя общественного объединения «Белорусская ассоциация журналистов».

Его наблюдения позволяют сделать вывод: наше прошлое стало настоящим и рискует стать будущим. Надолго ли?

— **Есть ли разница в том, как цензурировалась журналистика в советские времена и сейчас?**

— Как ни странно, в старые советские времена у нас, журналистов, было… больше свободы. Относительной, конечно. Прямая цензура касалась преимущественно военной тайны, еще каких-то технических секретов. Например, мне однажды запретили выдавать в эфир такую цифру: Бобруйский шинный комбинат выпустил миллионную шину.

Хотя «глушилки», из-за воя которых нельзя было слушать ни «Голос Америки», ни радио «Свобода», ни «Немецкую волну» — это чистая идеология, конечно. Но никто никогда не спрашивал разрешения, можно ли идти к министру, брать у него интервью, критиковать. У меня были передачи-расследования, которые приводили к увольнению с работы директора завода, заместителя министра, самого министра. Такие передачи вызывали резкую реакцию, жалобы в ЦК КПБ **(кто не помнит — Центральный комитет Коммунистической партии Белоруссии (в орфографии тех лет) — прим. авт.)**

— **Это заканчивалось благополучно?**

— Далеко не всегда. Это была «советская» демократия, демократия сверху. Ты критикуй, да знай меру. Можно было задевать довольно высокий уровень власти, но ни в

коем случае не обобщать. Представлять проблемы как «отдельные» недостатки, но ни в коем случае не подводить к выводу, что это пороки всей системы «социалистического» хозяйствования, например. За это можно было угодить в диссиденты со всеми вытекающими последствиями. Но в пределах этого вольера журналисты чувствовали себя вполне свободно.

Но один яркий случай победы журналиста могу вспомнить. Это связано с Иосифом Середичем, редактором «Народной воли». Тогда он был корреспондентом республиканской «Сельской газеты», органа ЦК. И вот он, «простой» журналист, посмел изобличить в некомпетентности самого… секретаря ЦК КПБ В. Шевелуху, незадолго перед этим присланного в Беларусь из Москвы. Ох, и шум же был! Но статьи И. Середича печатались в газете, становились предметом рассмотрения на самом «верху». В конце концов, до кого-то дошло, что прав корреспондент, а не высокая партийная шишка. Секретаря ЦК «убрали» обратно, в Москву. Поразительно, но не так давно я увидел того же самого Шевелуху по телевизору среди депутатов Российской Госдумы. Политические долгожители, однако…

Может быть, для журналиста все обошлось именно потому, что острие критики было направлено против одиозной личности, а не всей системы. Что сам Петр Машеров понял: при выдвижении Шевелухи он ошибся.

— **Простой человек мог куда-то пожаловаться, получить защиту?**

— Существовал жесткий порядок рассмотрения писем трудящихся. Жалобы шли на телевидение просто мешками. Специальный штат редакторов обрабатывал их и отправлял на реагирование. Попробовал бы какой-то чиновник не ответить на запрос газеты или Белорусского телевидения в 30-дневный срок! Если не было ответа об исправлении недостатков, ему приходилось туго: в эфир шел или фельетон, или расследование, или сообщение о снятии такого чиновника с работы.

Конечно, проблемы решались не глобальные: где-то леса на строительство дома не выделили, где-то с пособием или

пенсией волынят, кому-то газ не провели… Мелочи, казалось бы. Но из таких мелочей жизнь человека и состоит. Однако в советские времена никому бы не пришло в голову замалчивать реальные проблемы, которыми полна повседневная жизнь. Опасность не в том, что проблемы возникают, а в том, что их загоняют вовнутрь. Как, например, теперь.

— **Вы считаете, что цензура как таковая не нужна?**

— Нужна не цензура, а охрана тайны — государственной, военной, служебной, коммерческой, тайны переписки и личной жизни гражданина. Потому что неграмотная информационная деятельность может нанести существенный вред государству в целом и человеку в отдельности. Но на страже этих тайн должен стоять закон, простой и ясный, понятный каждому. Контроль за исполнением закона осуществляется через суд, как во всем мире. У нас же охрана тайны поручена тем самым ведомствам, которые заинтересованы в том, чтобы общество знало как можно меньше. Никак иначе нельзя истолковать Указ президента № 300, который дает право 56-ти государственным органам и организациям относить сведения о собственной деятельности к государственным секретам. Юристы Центра правовой защиты СМИ при ОО «Белорусская ассоциация журналистов» однозначно заявляют: этот указ нарушает Конституцию Республики Беларусь и действующее законодательство. Нарушение заключается в том, что он необоснованно расширяет круг субъектов, которые по своему усмотрению могут засекречивать информацию. Среди этих субъектов — даже министерства образования, культуры, спорта и туризма, Комитет по делам религий, не говоря уж о более важных ведомствах — экономических, силовых. Вопреки конституционным гарантиям, власти лишают общество информации о своей деятельности, вводят тотальную цензуру. Это закрывает для телезрителей, радиослушателей, читателей практически все. Даже, извините, количество испеченных хлебозаводом коржиков или книжек в районной библиотеке станет закрытой информацией. Этот указ — серьезная дубинка для любопытных журналистов. Такого подарка столичные и местные чиновники ждали давно.

— **Если бы гласность объявили в современной Беларуси, то к чему бы это привело?**

Что было бы сейчас? После нескольких месяцев полной гласности рухнула бы система государственного управления, которая сейчас существует как жесткая система подавления инициативы снизу. У нас информационную безопасность понимают как полную информационную закрытость общества. Но закрытые общества не выносят свободы слова никогда и нигде.

— **Может, белорусы просто боятся узнать о себе все?**

— Я не думаю так плохо о белорусах. Скорее всего, мы стали жертвами информационной политики властей, заключающейся в том, что нам постоянно дают неполную или фальсифицированную информацию. Знакомство с большинством материалов государственной прессы и передачами государственного телевидения-радио показывает, что верить им нельзя: настолько все однобоко, тенденциозно, переврано, извращено. Если пользоваться только официальной информацией, то понять, что происходит на самом деле, просто невозможно. Наверное, это и является целью штатных агитаторов и пропагандистов, формирующих на этой базе некую новую государственную идеологию.

Кроме того, применяются весьма рискованные методы манипулирования общественным мнением. Что у нас обычно служит подтекстом всех информационно-аналитических программ? Примерно такое: «Не надо стремиться к переменам. Пусть даже полуголодное существование, зато нет войны, взрывов, крови». Это все охранительная тенденция: отсидеться, а то «как бы чего не вышло». Но, извините, в центре Европы в XXI веке отсидеться невозможно. Чем дольше мы сидим в своих глухих окопах, тем более суровыми могут быть последствия. В мире давно идет информационная революция, суть которой — максимальная открытость обществ, создание благоприятных возможностей каждому гражданину проявить себя, состояться как личности.

Серьезные специалисты в сфере информационной безопасности наибольшей угрозой считают наличие в стране

больших масс неинформированных, дезориентированных людей. Такие люди, как правило, антисоциальны. Их поведение непредсказуемо, что рождает в обществе обстановку нестабильности.

Нам, конечно же, придется пройти период неустойчивости и неопределенности. Потому что жесткие, авторитарные методы управления обществом исчерпали себя.

Это показало наше собственное прошлое: кончина Советского Союза.

Народная воля, 2004, 20 ноября

Телебормотуха

«Не-не-не», — сказал Кавабата, — мы в Японии производим лучшие телевизоры в мире, но это не мешает нам осознавать, что телевизор — это просто маленькое прозрачное окошко в трубе духовного мусоропровода».

Уж не знаю, каково оно, японское телевидение (не доводилось видеть), но в том, что Виктор Пелевин, автор романа «Чапаев и Пустота», откуда взяты эти строки, имел в виду наше телевидение, можно не сомневаться.

Действительно, сегодня ТВ стало самым мощным («термоядерным», по выражению одного правителя) средством влияния на умы. О том, как под видом «объективной» информации в головы людей вбиваются ложные стереотипы восприятия действительности, мы уже говорили на страницах «Народной воли». Сегодня речь пойдет о другой составляющей этого оболванивания — о так называемой «развлекательности» нашего телевидения. При этом я имею в виду все то, что смотрит белорусский зритель — и белорусские, и российские каналы.

А сейчас присядем на минутку у телевизора и отстраненно, как бы сбоку, проследим, что нам приходится потреблять в течение телевизионного вечера. Нажимаем клавишу и... «Ты, сука!» (простите, но сам слышал) или: «Ты, ублюдок, недоносок, мразь (этот ряд вы можете продолжить сами)! Я тебя сейчас размажу, уничтожу...» Трах-тарарах по морде. Еще раз, под эти самые... Еще раз, трубой по голове. Все. Лежит в луже собственной крови, глаза тускнеют. И тут же, без предупреждения: «Ля-ля-ля! Пей Клико, живи легко!»

Уже давно подсчитано, сколько убийств с особой жестокостью, сколько моральных и физических извращений может увидеть средний зритель за один телевизионный вечер. Низкопробные сериалы российского производства, снятые за минимальные бюджеты, без надлежащей сценарной разработки, без профессионального съемочного производства, постановочных средств, грамотного монтажа и т. д., сделанные на живую нитку, идут и идут в эфире нескончаемым потоком. Наше сознание, сознание наших детей давно и

упорно превращают в улицу разбитых фонарей, где идеалом мужчины стал красавец-бандит на роскошной «тачке», а привлекательным образцом для подражания девушкам — сексуальная «телка», которой с улицы удалось перебраться в постели авторитетов уголовного мира.

Какие-то нереальные менты, какие-то спецагенты, какие-то сверхчеловеки, способные одним ударом решить все проблемы... Не меньшее «умиление» вызывает неизбывная пошлость «Аншлагов», густопопсовых концертов и шоу, основное содержание которых не поднимается выше пояса.

Миллионам и миллионам людей, живущих ниже черты бедности или возле нее, приходится созерцать собачек, стрижка которых по стоимости равна годовой зарплате россиянина (а тем более белоруса), полуобкуренных, полупьяных поп-звезд, «творчество» которых сваливается на наши головы «как паранойя», и прочее.

На следующее утро мощные социологические службы кладут на столы топ-менеджеров телекомпаний рейтинги вчерашней программы, где с удовлетворением констатируется, что аудитория была максимальной. Никто не задумывается о том, что рейтинг отражает только присутствие человека у телевизора, а не его мнение о передаче. Огромная и мощная машина превращения миллионов людей в злобных и агрессивных идиотов работает бесперебойно. Поистине, самой человечной передачей остается только «В мире животных».

В структуре вещания трех основных российских телевизионных каналов кинопоказ занимает не менее 40% и около четверти объемов вещания — развлекательные программы. Всей этой продукции уготована роль прокладок между непомерно раздутыми блоками (международный стандарт превышен в несколько раз!) такой же агрессивной и низкопробной рекламы, доходы от которой являются главной целью вещателей. С телеэкрана исчезли качественные передачи для детей и юношества (они занимают не более 5% вещания). Уже забылся позорный факт изгнания с канала ОРТ передачи «Спокойной ночи, малыши!». Но по-другому на этом Общественном (?) канале и быть не могло: самое до-

рогое рекламное время, куда уж разным Хрюшам соваться! Устойчивый термин «желтая журналистика» сейчас можно применить к большинству телепрограмм, идущих в прайм-тайм (исключение составляют только информационно-аналитические программы и качественные общественно-политические российские ток-шоу (Познер, Сорокина, Шустер).

За всеми этими явлениями маячит циничная позиция нынешних хозяев «государственного» эфира, выраженная бессмертной фразой полузабытого уже Богдана Титомира: «Пипл схавает все!»

Это не так безобидно, как кажется. Действительно драгоценное эфирное время заполняется яркой пустотой вместо того, чтобы снабжать людей актуальной, нужной им информацией, формировать их активную социальную позицию, тем самым — основные ценности будущего гражданского общества. Об опасности такого положения вещей предупреждают многие. Виктор Шендерович обрисовал проблему в свойственной ему саркастической манере: «Рейтинги эти — вещь обоюдоострая… Среди маленьких детей можно констатировать высокий рейтинг «чупа-чупса» и низкий рейтинг каши с молоком. Но родители, если они не дебилы, «чупа-чупс» как раз не дают, а пытаются впихнуть ту самую кашу с низким рейтингом. Потому что сначала будет высокий рейтинг, а потом сразу диабет».

Казалось бы, совсем не наши проблемы, не белорусские. Но к нашему зрителю они имеют самое прямое отношение. По сути дела, российские телевещатели навязали населению модель телевидения, чуждую менталитету не только белорусского, но и российских народов.

Абсолютное большинство телезрителей, которых не устраивает такая вакханалия, ничего не могут с этим поделать. К их мнению никто не прислушивается.

Таким образом, государственные каналы, финансируемые из бюджета (из кармана налогоплательщика), кормят этого же налогоплательщика неудобоваримой пищей, от которой всех тошнит. Миф о том, что современное телевидение не может жить без рекламы, распространяют сами же рекламисты и телевизионщики. Разговор о структуре

рекламных доходов и о том, как они распределяются — совершенно особый, требующий цифр и конкретных фактов. Но именно они тщательнее всего и скрываются.

К сожалению, нынешнее белорусское телевидение без оглядки приняло эту модель. Нет необходимости серьезно говорить об ОНТ, поскольку, за исключением «информационных» программ и отдельных передач, оно полностью паразитирует на программном продукте Первого российского канала и является основным проводником всего того, о чем мы говорили выше. В значительной степени тем же занимается и СТВ. Однако здесь собственной продукции (хоть и весьма низкого качества) побольше, а во-вторых, REN-TV (на частоте которого включается СТВ) тяготеет к формированию собственного имиджа как канала качественного телевидения.

БТ, Первый национальный канал, выстроен по той же модели, что и российские. Подавляющую часть эфирного времени ежедневной телевизионной программы занимает кинопоказ, а также лишенные мало-мальской актуальности тематические передачи, повторяемые почему-то в течение дня по два и даже по три раза. Авторское право некоторых из них принадлежит коммерческим организациям. Видимо, собственный творческий потенциал БТ ослаб настолько, что даже такие программы оно уже производить не может. Телевизионная документалистика как таковая с белорусского телеэкрана исчезла. Впрочем, удивляться этому после кадрового разгрома, учиненного в последние годы, не приходится. Канал «Лад», призванный заполнить пустоту, образовавшуюся после перекрытия качественного российского канала «Культура», показывает архивные материалы и фильмы нередко высокого художественного уровня. Но здесь явно отсутствует программная концепция. Как в сельском клубе, одна за другой идут киноленты, перемежаемые пустопорожней респектабельностью «Обычного необычного дня» и тому подобных доморощенных телепроизведений.

То, что и белорусские вещатели относятся к белорусскому телезрителю как к аморфному «пиплу», не вызывает никакого сомнения.

Недавно были опубликованы итоги общенационального опроса общественного мнения, проведенного НИСЭПИ. Конечно, телевидение остается основным поставщиком информации для большинства населения. Вместе с тем, предпочтения аудитории повторяют, как в капле воды, уже существующую, сложившуюся структуру вещания — как российского, так и белорусского. 69,2% телеаудитории привлекают в первую очередь новости, информация о последних событиях, 65,2% — развлекательные программы. В меньшей степени, отмечают авторы исследования, интерес вызывают вопросы внутренней и внешней политики, экономики, познавательные программы и передачи по профессиональным интересам.

Что ж, телевидению удалось вылепить зрительскую аудиторию по своему подобию. Однако далеко не все хотят с этим мириться. Можно вспомнить, какое возмущение вызвало перекрытие канала «Культура» для массового белорускского зрителя. В большинстве писем, поступивших в администрацию президента и редакции газет, выражалось негодование по поводу недоступности таких «элитарных», казалось бы, передач, как «Культурная революция», «Школа злословия» и других. Мгновенно начался «тарелочный» бум: люди решили бороться за свое право на качественную телевизионную информацию. Однако пока что цифры не утешают: всего лишь 9% белорусов имеют возможность смотреть такие каналы, как BBC, Discovery. Весь остальной народ вынужден пробавляться отечественной телевизионной бормотухой.

Народная воля, 2004, 4 июня

Цена свободы

Сабля как аргумент в споре

В Национальном музее американской истории в Вашингтоне я увидел саблю. Обычную армейскую саблю времен Гражданской войны Севера и Юга 1861–1865 годов. Необычным был ее вид. Да, это оружие побывало в «деле». Глубокие зазубрины были столь часты, что местами стальное лезвие напоминало пилу. Неизвестно, что стало с владельцем сабли. Схватка была не на жизнь, а на смерть, это уж точно.

В той схватке, в той войне погибли с обеих сторон более 600 тысяч американцев. Агентом южан был застрелен президент Авраам Линкольн.

Как известно, причиной войны была борьба северных штатов за отмену рабства, которое столь же рьяно защищали южане. Это был глубочайший раскол молодой американской нации, после которого она еще долго не могла оправиться.

Первых солдат, погибших в боях, северяне стали хоронить в Арлингтоне, на берегу реки Потомак. Земля здесь принадлежала семье главнокомандующего армией южан генералу Роберту Эдварду Ли. Таким образом северяне хотели досадить своему противнику.

Я приехал на Арлингтонское кладбище в погожий день середины марта **(статья написана в 2005 году — прим. автора)**. В Вашингтоне в такое время начинается настоящая весна. Здесь, в атмосфере Национального мемориала, возрождение природы имеет особое, метафорическое значение. Открылась перспектива реки Потомак, за ней — характерные силуэты столицы США: мемориал президента Линкольна, высокая стела монумента президента Вашингтона, Белый Дом, белоснежный купол Конгресса США. Уже возникла особая, весенняя гулкость каждого звука, набухли и приготовились раскрыться огромные почки не виданных мной прежде американских магнолий.

В окружении тысяч одинаковых белых надгробных камней не можешь не задумываться о том, какой высокой может быть цена взаимопонимания между людьми.

Я смотрел на все это с самой высокой точки Арлингтонского кладбища, от домика генерала Ли. Сложенный из местного желтого камня, он возвышается надо всей местностью. Сейчас здесь дом-музей, посвященный памяти генерала. Я ходил по комнатам, рассматривал интерьеры XIX века и не мог отделаться от навязчивого вопроса: как же это возможно, что командующий армией, которая потерпела поражение в Гражданской войне, не только остался жив, но и прожил после войны еще пять лет, умер своей смертью? В Ричмонде, столице штата Вирджиния, на территории которого находится Арлингтон, стоит памятник генералу Роберту Ли, в 1975 году он был посмертно восстановлен в гражданстве США.

Все это непонятно нам, людям старшего возраста, воспитанным на школьных уроках советской истории, вузовских курсах истории КПСС (как известно, «организатора всех наших побед»). По советским меркам, это означало бы создание музея и установку памятника, например, адмиралу Колчаку, генералам Корнилову, Деникину и другим.

После окончания войны власти Соединенных Штатов Америки предприняли титанические усилия для того, чтобы семена вражды и ненависти, посеянные в ходе Гражданской войны, не давали новых всходов, чтобы нация окрепла в своем единстве, в общем стремлении к свободе и справедливости.

Способны ли мы проявить такое же великодушие? Способны ли сделать выводы из всего того, что с нами происходило и происходит?

Эти вопросы имеют далеко не только историческое значение. И у нас, и в Америке. Далекую страну за океаном не нужно идеализировать: там тоже существуют острые социальные противоречия. Однако они разрешаются цивилизованным образом. Извечная борьба за справедливость там давно переместилась в правовое поле.

У нас же по-прежнему машут зазубренными шашками.

Люди всегда были и будут разными, по-разному видящими и понимающими жизнь. Либералы и консерваторы, демократы и диктаторы, пацифисты и милитаристы, алч-

ные и бессребреники, мстительные и всепрощающие, деятели и созерцатели, «верхи» и «низы» — все они живут на одной Земле, в одних и тех же странах. Но лишь в некоторых из них право каждого на свой образ жизни и мысли гарантируются правовыми государствами. По какому-то «чудесному» совпадению, это те самые страны, где достигнут наиболее высокий уровень жизни.

Соединенные Штаты Америки — одно из таких государств.

Я постараюсь коротко рассказать, как извечная противоречивость человеческой природы находит свое разрешение в механизмах демократического саморегулирования жизни американского общества.

Почему не «садят» Черчилля

Во время моего пребывания в Медисоне, столице штата Висконсин, в город приехал скандально известный Ворд Черчилль, профессор из Колорадо. Он явился, чтобы выступить в местном университете, одном из самых крупных в стране. Скандальную известность профессор приобрел тем, что во всеуслышание заявляет примерно следующее: «Атака на небоскребы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в сентябре 2001 года — это глубоко закономерное явление. Америка, уже которое десятилетие пьющая кровь из всего мира, наживающаяся на эксплуатации целых народов… получила свое. Всемирный торговый центр — это средоточие мирового капитала, вот он и стал объектом возмездия».

Заявлять такое в Соединенных Штатах!

Но дело в том, что профессор Черчилль не нарушает никаких законов. Наоборот, он реализует важнейшее конституционное право любого американского гражданина — право на высказывание своего мнения, свободу слова. Оно гарантируется Первой поправкой к Конституции Соединенных Штатов.

После того как профессору стали угрожать, его взяла под охрану полиция. Выступления Черчилля всегда сопровождаются волнениями, но он продолжает свое дело и имеет

такую возможность. Вечером того же дня сюжеты о выступлениях профессора Черчилля в Медисоне шли в выпусках новостей общенациональных телевизионных каналов.

Первая поправка защищает права всех граждан США на свободу слова, прессы, собраний, вероисповедания и петиций. Для журналистов она является законодательной базой их профессиональной деятельности.

Почему полицейский репортер критикует «профильное» ведомство

Одним из фундаментов социальной стабильности в США является огромная роль общественных организаций. В основе государственного устройства заложен принцип, сформулированный в свое время Томасом Джефферсоном, соавтором американской Конституции, третьим президентом США: *«Правительство, которое правит меньше всего, правит лучше всего».*

В Соединенных Штатах «общественность» — это совсем не абстрактное понятие. 76% женщин и 63% мужчин постоянно участвуют в общественных мероприятиях, которые проводятся в их районе или населенном пункте. Например, при мэрии Медисона действует почти… тысяча общественных советов, в которых обсуждаются все городские проблемы: архитектура и строительство, экология, содержание парков, использование велосипедов, осуществляется надзор за деятельностью правоохранительных органов. Муниципалитет принимает решения, опираясь на мнение горожан. Они же контролируют исполнение. Бедный мэр, попробовал бы он самовольно переименовать улицы…

Вот лишь один из примеров влияния общественности на положение дел.

На территории одной из средних школ Медисона произошел такой случай. Полицейский по «наводке» из участка преследовал подростка. Тот убегал, сопротивлялся, и полицейский применил электрошокер. Позже выяснилось, что подозрение было необоснованным, но парень серьезно пострадал. Это возмутило население города и штата. В рас-

следование инцидента вцепилась газета «Wisconsin State Journal», где я в то время проходил стажировку.

Конфликт разгорелся нешуточный. Полицейское начальство было вызвано на городское собрание, от решения которого зависела процедура принятия закона о применении электрошокеров в штате Висконсин. Население тревожило, что полиция будет слишком вольно пользоваться этим средством при задержании правонарушителей, а также применять его в недозволенных целях, например, при получении признательных показаний. На следующий день я встретил в редакции Лиссу Шутц, полицейского репортера газеты «Wisconsin State Journal». Она с возмущением рассказала мне, что полиция набила своими людьми в штатском весь зал, где проходило собрание. Их целью было создать «общественное мнение» по злободневному вопросу. «Но ведь копов всегда видно, даже если они и переодетые», — возмущалась Лисса, направляясь к своему компьютеру, чтобы засесть за статью по этому поводу. Исход дела неясен. Но одно можно сказать с уверенностью: общественность сама решит, нужны ли электрошокеры в этом штате.

Таких примеров влияния общественности на законы и органы власти можно привести множество. Например, главного судебного медицинского эксперта штата Висконсин и города Медисон здесь не назначают, как повсюду в Америке, а выбирают. Мне объяснили, что подобные «особенности» явно говорят: был какой-то инцидент (в данном случае, наверное, подтасовка результатов экспертизы). Это возмутило общественность, — и вот результат, закрепленный законодательно. В штате Кентукки, на родине знаменитого кукурузного виски «Бурбон», в некоторых округах введен… сухой закон. Хочешь выпить — дуй миль за тридцать-сорок в соседний округ, а то и штат. Видимо, пьяницы «достали» местное население, и оно «продавило» соответствующее решение. Конечно, полиция всегда на страже принятого закона, а то и ей попадет.

Нелишне будет заметить, что само слово «Police» происходит от древнегреческого «полис», то есть «город».

Полиция подчиняется городским властям, которые, в свою очередь, находятся под контролем общественности. Люди в форме нацелены на исполнение своих прямых полицейских обязанностей и не используются как средство политической борьбы. Я видел пикет против войны в Ираке прямо у Белого дома. Полицейские присутствовали, но делали вид, что не замечают происходящего: граждане реализовывали свое право на протест. Но когда в сентябре 2001 года центральная администрация потребовала поголовной проверки лиц «арабской национальности», полиция Медисона отказалась это делать. Отказалась и полиция университета (там свое подразделение). Полицейские хорошо знают не только свои обязанности, но и права. На все есть закон, а апостолом его выступает суд.

Суд — обыденное явление в Америке. Это обычный способ разрешения споров во всех сферах — в быту, в коммерции, в общественной жизни. Здесь нет только одного — политики. Суды здесь действительно независимы от исполнительной власти, а потому — беспристрастны.

Вот это право на протест в рамках закона поражает в Америке больше всего. Можно сказать, что здесь все время идет тихая и бескровная борьба, в которой граждане добиваются защиты своих прав.

Люди везде одинаковы. И в Америке находятся те, кто хотел бы откусить от общественного пирога: поживиться за счет другого или урвать себе побольше власти. Но всегда найдется тот, кто откроет рот, пожалуется в прессу, обратится в полицию, поднимет общественность (а ее и поднимать не надо — все готовы).

Почти месяц с телеэкранов не сходило миловидное лицо Марты Стюарт. Известная в прошлом ведущая «кулинарных» передач, она привлекла внимание прессы потому, что закончился… пятимесячный срок ее тюремного заключения, из которого она переместилась в свое поместье под домашний арест. Ее вина перед законом заключалась в том, что, воспользовавшись внутренней, «инсайдерской» информацией, она вовремя «толкнула» на бирже акции компании, соучредительницей которой была. На следую-

щий день курс акций резко пошел вниз, и тысячи людей, вложивших свои средства, остались ни с чем. Такие дела сразу попадают под юрисдикцию федеральных правоохранительных служб и судов: финансы — дело серьезное. От ответственности не спасает ничто: ни высокое положение, ни огромное личное состояние (у Марты Стюарт оно составляет сотни миллионов долларов).

Интересно, кто у нас ответил за «сгоревшие» вклады населения бывшего СССР?

«Бомба» для министра-автомобилиста

Подчинение закону всех и вся, снизу доверху является главным условием социальной стабильности. Как-то полиция Медисона задержала министра юстиции штата Висконсин за вождение автомобиля в нетрезвом виде. Ее (а это была женщина) лишили прав, оштрафовали. Конечно, для местной газеты это была «жареная» тема. А мне было непонятно: полицейский, он что, не видел, чью машину останавливает? А судья что, тоже ничего не соображал? Непонятно это нам, белорусам...

Демократические общества — это сложные общества. Сложно устроенные, потому что везде надо выстраивать баланс сдержек и противовесов. Чтобы никому, никому не дать явного преимущества на общественном поле.

Конечно, это здорово осложняет жизнь. Как только вы всерьез возьметесь встраивать в систему государственного управления права человека, все усложнится неимоверно. Потому что принципов и механизмов их исполнения возникнет чрезвычайное множество.

Наше общество устроено «попроще», по одному принципу: власть всегда права.

Власть и общество — всегда оппоненты. Америка в этом смысле — не исключение. Поразительно, что власть, пребывающая все время в упругом взаимодействии с гражданским обществом, сама же его и... взращивает. Точнее, она вынуждена с ним сосуществовать в рамках законов, единых для всех.

Все то, о чем мы слышим — факты коррупции, злоупотреблений, наступлений на гражданские права и свободы потому и известны, что являются отклонением от нормы, нарушением стандартов американского образа жизни. И общество воюет с этим: публикуются репортажи, начинаются парламентские расследования, подаются судебные иски. Это нормально. Гораздо страшнее вседозволенность «верхов» при невозможности обычного человека отстоять свои права.

Больше всего меня умиляет, когда «публицисты» с Белорусского телевидения «развенчивают» американскую демократию, пользуясь фактами, почерпнутыми из американской же прессы.

Кстати, именно «четвертая» власть и выступает в ряде случаев зачинщицей всех этих «скандалов». Журналисты что-то вынюхали, выискали, опубликовали. Сам факт публикации о чем-то, подпадающем под юрисдикцию закона, автоматически вызывает цепную реакцию в правоохранительных и судебных органах. Это тоже диктует закон.

Свобода слова как осознанная необходимость

Государственных СМИ в США просто быть не может (если не считать радиостанцию «Голос Америки», которая не имеет права вещать на территорию собственной страны). Журналистика здесь — такой же бизнес, как и все остальное. Специфичен только товар, которым торгуют печатные издания, телекомпании, радиокорпорации. Этот товар — информация.

«Отче наш» американской (да и мировой) журналистики — отделение фактов от комментариев. Сообщений о том, что произошло, от мнений по этому поводу. Во всех редакциях, где удалось побывать — от «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» и до студенческой газеты в колледже города Медисона, этому правилу следуют неукоснительно. Новости и комментарии готовят совершенно разные отделы, и между ними нет никаких контактов. «Это, конечно, не значит, что мы не здороваемся в лифте, — гово-

рит Этан Броннер, заместитель редактора отдела международных новостей «Нью-Йорк таймс», — но по работе мы никак не контактируем». Наибольший объем на газетных страницах отводится именно новостям. Редакционные полосы и комментарии занимают совсем скромное место. В «Нью-Йорк таймс», например, добычей и подготовкой информационных сообщений занимаются 1100 журналистов, редакционные полосы (комментарии) готовят только 25 человек. Этому есть объяснение: читатель платит за информацию. Чем она качественнее (точнее, объективнее, надежнее), тем больше тиражи газет, что имеет ключевое значение для рекламодателя. Реклама — это живая кровь газетного бизнеса. Ежедневный тираж «Нью-Йорк таймс» — 1,1 миллиона экземпляров, по воскресеньям — до двух миллионов. Доходы от продажи тиража составляют половину бюджета газеты, остальное приносит реклама.

Интересы журналистики как бизнеса часто не совпадают с потребностями властей, и это обычное явление в США. Свобода частного предпринимательства и свобода слова, гарантированные Конституцией и законами, создают надежные возможности для исполнения журналистикой своего главного предназначения — информировать население, служить форумом для обсуждения актуальных проблем, волнующих нацию или жителей определенного региона.

Насколько свободен журналист в своих отношениях с хозяевами средств массовой информации, с представителями власти? Об этом шел наш разговор в редакции крупной коммерческой телекомпании ТВ-3, которая действует на территории штата Висконсин. Нейл Хейнен хорошо известен в Медисоне своими резкими комментариями по важнейшим внутриполитическим вопросам. Он не скрывает, что выражает мнение владельцев телекомпании, которое совпадает с его собственным (если бы не совпадало, он бы работал в другом месте). Он действительно не согласен со многим из того, что характеризует политическую жизнь региона и страны в целом.

Например, Нейл пристально следит за деятельностью правительства штата и подмечает промахи и просчеты, упрекает местных законодателей за то, что в повседневной деятельности их больше волнует предстоящее переизбрание, чем заботы избирателя. Эти темы он поднимает в своих комментариях, с которыми выходит к зрителям каждое утро. Можно сказать, что комментарии Нейла Хейнена — еще одно средство влияния общественного мнения на власть.

Общенациональные каналы столь же свободны в формировании своей программной политики. Главное для них — информационный повод, факты, представляющие интерес для большинства населения. Поэтому высшее чиновничество на экране увидишь нечасто. Ну, разве что в каких-то особых случаях. Большинство же сюжетов посвящено житейским драмам, важным сдвигам в экономике, социальным реформам.

Для того чтобы информировать читателя (зрителя, слушателя) наиболее полно, журналист пользуется правом на доступ к информации и правом хранить в тайне свои источники.

Однажды начальник полиции отказал газете «Wisconsin State Journal» в предоставлении необходимых документов. Немедленно был вчинен иск, и газете выплатили 30 тысяч долларов из бюджета города, так как полицейский консультировался с юристом муниципалитета. Как ни странно, начальник полиции выводов не сделал. Когда поступил повторный вопрос, он снова отказал. И пострадал на ту же сумму, на этот раз лично. После того у него выработался, наверное, условный рефлекс: с прессой связываться опасно. Эту историю рассказал мне Клиффорд Бенке, ответственный редактор «Wisconsin State Journal». Она запомнилась ему потому, что начальник полиции не понял с первого раза. Для нас же она удивительна тем, что пострадал полицейский чин, а не газета. И это при том, что в свободном доступе лежат ежедневные сводки полицейского управления, судебные иски, протоколы обысков, решения муниципалитета, в общем, любая информация, которая затрагивает интересы граждан. Ма-

териалы судебных дел предоставляются по первому требованию любому физическому лицу. Это предусмотрено законом, и всякая попытка нарушить его влечет за собой ответственность. Важно подчеркнуть, что закон защищает права не только и не столько журналистов, а сколько всех граждан. Журналисты используют это право в своих профессиональных интересах. Городской репортер газеты «Wisconsin State Journal» Дэн Мосимен рассказывал мне, что у него есть достаточно своих источников, чтобы знать, например: мэр отправил весьма интересный мейл одному из руководителей государственного предприятия. И Дэн имеет полное право потребовать, чтобы содержание этого послания было ему сообщено.

Права не бывают без ответственности. По американским законам, говорит Кевин Голдберг, сотрудник адвокатской конторы «Кон и Маркс» в Вашингтоне, вы можете говорить о любом человеке все, что думаете, и вас не могут привлечь за это к ответственности. Вы реализуете свое право на свободу слова. Но если вы (даже не в печати, а просто при свидетелях) излагали какие-то факты, способные нанести ущерб репутации других лиц или организаций, вам придется подтвердить достоверность этих сведений в суде. Победителем выходит тот, кто докажет факты. Основная обязанность журналиста — раскопать их и вынести на публичное обозрение. Для этого, как мы видели, общество предоставляет ему возможности. Но журналист должен проверять и перепроверять факты. Потому что, если будут иски обиженных и сведения не подтвердятся, он пострадает материально и лишится работы. К тому же закон охраняет личную жизнь граждан от бесцеремонного вторжения прессы. В ряде штатов существует уголовная ответственность за клевету, хотя инциденты подобно рода чрезвычайно редки. В 1964 году решением Верховного суда Соединенных Штатов предусмотрено применение Первой поправки ко всем делам, относящимся к печати, и это существенно облегчило деятельность прессы.

Для фигур, представляющих общественный интерес, сфера личной жизни резко сужается. Чем выше поло-

жение того, кто пострадал от действий журналиста, тем больше препон ему придется преодолеть, чтобы привлечь прессу к ответственности. Если высокопоставленное лицо выступает истцом, ему самому придется доказывать ложность опубликованной информации. Если иск на редакцию подает рядовой гражданин, газета должна подтвердить подлинность фактов, изложенных на ее страницах. В прецедентном американском праве такая практика основывается на представлении о значимости информации, которая может вызывать интерес у избирателей. Такая информация исключается из сферы частной жизни политиков и других публичных фигур. Например, это соотносится с требованием обязательного декларирования ими своих доходов. Поэтому политики, государственные чиновники более беззащитны перед прессой, чем рядовые граждане.

У журналистов также есть право не выдавать свои источники информации, как бы этого ни хотелось кому-нибудь. Ни полиции, ни следствию, ни прокуратуре, ни спецслужбам — никому. Наиболее острый случай подобного рода — «Дело о записках Пентагона». В 1971 году Верховный суд отстоял интересы газеты «Нью-Йорк таймс», опубликовавшей секретные материалы о действительных причинах и поводах, вызвавших войну во Вьетнаме.

Сейчас федеральные суды штатов руководствуются решением Верховного суда США, предусматривающим выдачу журналистами своих источников по требованию суда, где слушается дело. Но местные законодатели в ряде регионов не поддержали такую практику. И сейчас весь вопрос в том, где слушается дело: в федеральном суде или суде штата. В федеральном суде любого штата журналист обязан выдать свой источник, а в тридцати верховных судах штатов из пятидесяти он может этого не делать. Впрочем, сейчас лоббируется федеральный закон о защите источников. По этому проекту журналист, ссылаясь на свое обещание (даже устное, оно рассматривается как контракт), имеет право отказаться от выдачи источников в суде любой юрисдикции.

Истинный смысл всех этих и других «крючкотворных» технологий — защитить прессу, журналистов, а также их источники от любой, даже гипотетической, возможности мести, преследований. Ведь на этом стоит здание свободной прессы. Без таких гарантий она не сможет выполнять свою главную функцию: информировать о том, что было **на самом деле**.

А потребность в такой защите существует всегда. В последнее время пишущее сообщество обеспокоено усилением прессинга властей на права журналистов. Об этом мне говорили издатели и редакторы, репортеры и юристы, ведущие дела прессы в судах. Все труднее пробиться к серьезным источникам информации: чиновники выстраивают массу препятствий на этом пути, все чаще предпочитают не оформлять свои решения в письменном виде. За последние годы большое количество информации исчезло с правительственных сайтов. Учащаются иски должностных лиц против прессы, чего раньше не было.

В ответ на это редакции газет закупают страховки для сотрудников на случай исков против них. На журналистском сленге это называется «медицинская страховка прессы». Кроме того, журналистская общественность объединяется для защиты своих прав. В штате Висконсин, например, действует Совет по свободе информации, куда входят 28 изданий. Совет борется против «эрозии» законодательства в отношении прессы, лоббирует принятие новых законов как в штате, так и на федеральном уровне.

Недооценивать проблему, конечно, нельзя. Но в американском обществе достаточно противоядий от опасности уничтожения свободы слова и прессы. Эти свободы как осознанная необходимость встроены в государственную систему Соединенных Штатов. Тут самое время снова вспомнить Томаса Джефферсона. Его слова о значении прессы знает каждый американский журналист. Практика же законодательной защиты свободы прессы показывает, что и на государственном уровне, пусть и не в буквальном смысле (это понятно), следуют завещанию одного из отцов-основателей США.

Вот эти слова: «Если бы мне пришлось выбирать между государственными органами без прессы и прессой без государственных органов, я выбрал бы второе».

Медисон — Вашингтон — Минск

Абажур, 2005, № 1–2

ТВ глазами профессионала

Эдуард Мельников был заместителем председателя Госкомитета Республики Беларусь по телевидению и радиовещанию. Недавно вышла в свет его книга. Конечно же, о ТВ. Она так и называется — «Телепрограмма на завтра».

О телевидении и книге и шел наш разговор.

— Много ли своего личного времени отдает средний человек общению с телеэкраном?

— Среднемировой показатель времени, отводимого общению с телевизором, — около четырех-пяти часов в сутки. Это сопоставимо с удовлетворением таких жизненно важных функций для человека и его семьи, как работа, сон, воспитание детей.

— У нас такое же положение?

— Формально — да, однако более половины людей, включив телевизор, сразу его не смотрят, а занимаются домашними делами. Это называется «фоновым восприятием телепрограмм». После всех дел включают телеприемники около 17 процентов населения.

— Это нормально или нет?

— Конечно, нет. Это свидетельствует о том, что наш средний человек не уважает свое телевидение. Не верит ему, не хочет с ним общаться. Социологи констатируют: наблюдается устойчивая тенденция к снижению значимости телевидения как источника информации.

— Что такое заппинг?

— Даже находясь у телевизора, человек не остается пассивным потребителем, а активно действует пультом дистанционного управления. Делая это довольно часто, он формирует свою, индивидуальную программу. Явление приобрело уже и собственное название — «заппинг» (от английского «zup» — «бац-бац», или «застрелить, укокошить»). Заппингом занимается более половины телеаудитории. Заппинг свидетельствует о крайней степени неудовлетворенности содержанием программ и засильем некачественной рекламы.

— Что больше всего не устраивает людей в телевизионных программах?

— Недобросовестность вещателей в отборе новостей. Подавляющее число информационных теле- и радиопрограмм освещают события чрезвычайно однобоко, односторонне, а зачастую и недостоверно. Зрители и радиослушатели практически лишены возможности увидеть и услышать программы о реальной жизни белорусского общества.

Острое раздражение вызывает низкое качество оригинальных документальных и постановочных программ, а также частое прерывание фильмов рекламными вставками.

— **В чем причины создавшегося положения?**

— В Беларуси телевидение и радиовещание полностью узурпированы властью и служат только ее интересам. Обычной практикой стали замалчивание актуальных событий, диффамация отдельных лиц, нанесение ущерба деловой репутации организаций, разжигание религиозной розни. Значительно снизилась содержательность документальных передач, эстетическая и познавательная ценность художественного, музыкального, научно-популярного вещания, программ для детей и юношества. Экран заполнили пустопорожняя болтовня, низкопробная эстрада, зарубежные сериалы (в том числе и российские) чрезвычайно низкого качества.

— **Можно ли говорить о государственном монополизме в сфере телерадиовещания?**

— Безусловно. Национальная государственная телерадиокомпания Республики Беларусь имеет совершенно особый правовой статус. Президентским указом № 128 от 28 сентября 1994 года ей были приданы полномочия центрального органа государственного управления и одновременно средства массовой информации. Несмотря на то, что тогда же, в 1994 году, Конституционный суд признал этот указ нарушением статьи 13 Конституции Республики Беларусь (всем субъектам хозяйствования — равные условия деятельности), положение остается неизменным до настоящего времени. Напротив, указом № 174 от 23 апреля 2003 года Белтелерадиокомпании придан статус «государственного учреждения, которое подчиняется президенту и исполняет отдельные управленческие функции». Таким образом, БТРК

выведена из юрисдикции даже правительства и подчиняется в своей деятельности только одному лицу в государстве. Примечательно, что Законом о печати и других средствах массовой информации Белтелерадиокомпании предоставлено право вещания без получения лицензии, что является нарушением других статей того же закона.

В Республике Беларусь отсутствует практика открытого творческого соревнования за получение лицензий, дающих право осуществлять вещательную деятельность. «Негосударственный» статус таких телекомпаний, как ОНТ (Второй национальный канал), Столичного телевидения прикрывает их фактическую государственную принадлежность. Этим, формально коммерческим, вещательным организациям предоставляются за счет бюджета необоснованные льготы и преференции. В нарушение законодательства в эти компании назначаются администраторы, доказавшие свою преданность высшим должностным лицам, готовые выполнить любой идеологический заказ «сверху».

— **Чем опасно такое положение?**

— Тем, что население Беларуси лишено доступа к надежной, объективной информации. Это исключает возможность для каждого человека сформировать свою личную позицию.

— **Насколько реальна возможность радикального реформирования системы электронных СМИ в нашей стране?**

— В сложившейся ситуации идея реформирования национального телерадиовещания Беларуси выглядит, мягко говоря, утопично. Однако не более, чем идея проведения честных, справедливых, прозрачных парламентских и президентских выборов, создания правительства, пользующегося доверием нации.

Александр Томкович,

Свободные новости плюс, 2005, 20 апреля

Большое переодевание

Размышления у телеэкрана 8 апреля в 14.45

Это был чудесный день — солнечный такой, яркий. Я впервые увидел улицы Минска при дневном свете… абсолютно безлюдными. Как после атомной бомбардировки. Такими мне их показало Белорусское телевидение. Это было непривычное зрелище. Внезапно вымерший город в ожидании чего-то столь торжественного, что становилось жутковато. И почему-то вспомнилось, что именно тот, кто появится сейчас на всех экранах, назвал телевидение «термоядерным» по своей мощности средством.

Что правда, то правда. Оно, ТВ, способно даже убедить человека, что его личный опыт — ничто. А вся правда жизни — там, за стеклом телеэкрана.

Взять, к примеру, само волеизъявление, то есть процедуру голосования. Когда 19 марта я явился на свой избирательный участок, располагавшийся в здании гимназии № 2 г. Минска, на ул. Никифорова, в микрорайоне Уручье, то… не обнаружил свою фамилию в списках. На все мои недоуменные вопросы у председателя избирательной комиссии, немедленно оказавшегося рядом, были готовы ответы. Я, дескать, сам виноват! Почему я не пришел на избирательный участок в течение предшествующих двух-трех недель? Нужно было самому проверить наличие своей фамилии в списках. И что, спросил я, все избиратели должны были явиться, чтобы проверить свое собственное наличие? Ответ поразил меня своей иррациональностью: «Посмотрите Избирательный кодекс».

А почему меня все-таки нет в избирательных списках? Не знаем, был ответ, списки мы получаем из ЖЭСа. Отлично, но ведь именно ЖЭС уже пятнадцать лет бросает мне в почтовый ящик квитанции об оплате коммунальных услуг. В ЖЭСе у меня, как у всех, есть свой лицевой счет. Почему же в такой знаменательный день именно я выпал из жэсовских списков и кто за это ответит?

Ничего, дело поправимое, успокоили меня, доставая откуда-то снизу совершенно чистый, без подписей и печа-

тей, бланк. Моя одинокая фамилия, вписанная от руки, выглядела совсем сиротливо в белой пустыне бланка. Я пытался что-то доказывать и требовать, но за спиной председателя комиссии уже нависли фигуры милиционера в форме и человека в штатском. Они внимательно изучали мое лицо.

Получив бюллетень, я прошел в кабинку и проголосовал «за свое будущее», как я слышал по тому же телевизору. Угадайте с трех раз, где я поставил птичку и поставил ли ее вообще?

Придя домой и включив телевизор, увидел счастливые лица ветеранов и сознательной молодежи, которые (лица) горячо и убедительно говорили о том, какая сильная и процветающая Беларусь грезится им. И только негодяйский Интернет, детище иностранных спецслужб, сообщил мне, что таких, как я, исчезнувших из списков, насчитывается не одна сотня тысяч.

Потом были несколько дней, которые потрясли Беларусь и продемонстрировали всему миру, что общество освобождается от гнетущего страха и готово активно сражаться за свои гражданские и политические права. Но те, кто в эти дни не присутствовали на Октябрьской площади, а также на улице Окрестина и не видели всего собственными глазами, — они так и остались в неведении, что же на самом деле происходило в их стране. Их взору представала совсем иная «картинка», демонстрировавшаяся «термоядерным» средством оболванивания. Здесь было все: и шприцы, убеждающие сознательный электорат, что в палатках на площади отщепенцы-наркоманы-алкоголики, и якобы избитые омоновцы, и бомжи, готовые за сто грамм сказать в камеру что угодно, и деятели культуры и искусства, распространявшиеся о чистоте минских улиц. И не беда, что подброшенные шприцы были инсулиновые, а не «наркоманские» (знакомые врачи определили), что бутылки из-под водки разбрасывали сами телевизионщики, что слова известной российской театральной деятельницы о чистоте улиц, снятые за восемь месяцев до того, были вмонтированы в оперативные информационные программы предвыборной тематики. Ничего мы не узна-

ли и о том, сколько людей было жестоко избито и засажено за решетку в День Воли, 25 марта.

Несть числа подобным примерам. Но все это не имеет никакого значения по сравнению с главным результатом: создана виртуальная действительность, не имеющая ничего общего с реальной. При этом была перейдена важная грань, отличающая журналистов (даже искажающих факты — вольно или невольно) от действий, квалифицируемых как провокация. Телевизионщики становятся участниками вполне конкретных оперативных мероприятий спецслужб, и «термоядерное» оружие, пожалуй, впервые применено в таких масштабах. Эти, с позволения сказать, «труженики эфира» не учитывают только одного обстоятельства. Те, кто стоит за ними, остаются в тени. Они же предстают перед нами во всей наготе своего морального убожества.

Пока все эти невеселые воспоминания промелькнули перед умственным взором, экранное действо инаугурации развивалось по своему сценарию. Вот торжественный проход по 200-метровой ковровой дорожке, любовно вытканной витебскими ковровщиками. Вот процедура вручения президентского удостоверения. Вот клятва на Конституции, не единожды перекроенной тем, кто сейчас клянется защищать и оберегать ее.

Вот речь, вот парад. Все действительно красиво и торжественно. Все сделано для того, чтобы имидж события оказался на недосягаемой высоте. Чтобы ни у кого не закрадывалось сомнения в эпохальности и судьбоносности события. Имидж — это все, не правда ли?

Нынешние акулы государственной тележурналистики немало удивились бы, когда б узнали, что этот рекламный слоган — не что иное, как перефразировка постулата, высказанного пятьсот лет назад. Печально известный Никколо Макиавелли в своем трактате «Государь» писал: *«…люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим»*. В этой связи он рекомендовал правителю *«не быть, но казаться»*. Написано в XVI веке, а звучит так, будто автор ежедневно смотрел Белорусское телевидение. Макиавеллизмом на-

зывают циничную, беспринципную политику, не гнушающуюся ничем для достижения аморальных целей. В XXI веке телевидение призвали на службу и заставили служить обычаям средневековья.

Но как истинное дитя своего времени, оно ставит подножки сценаристам жизни. Даже «вылизанная», выхолощенная «картинка» работает против своих создателей. Дьявол, как всегда, сидит в деталях.

Вот «народ», тщательно отобранный, дружно машущий флажками в моменты включения камер. Кто этих людей так выдрессировал? Вот на панораме мы успеваем заметить в гуще толпы крепких парней в одинаковых куртках и темных очках. Они все почему-то развернуты спиной к площади, а лицом туда, где нужно *«контролировать ситуацию».* И текст с трибуны звучит соответствующий: *«Если раньше основной задачей было создание государственной системы, то теперь главная задача — приспособить ее к человеку».* Ах, вот почему парни в темных очках развернуты лицом к народу! Они ближе всего к его надеждам и чаяниям.

Да, приспособление уже созданной государственной машины к человеку — действительно важная задача. Чтобы этому глубоко интимному процессу никто не посмел помешать, и существуют силовые структуры, которые тут же, на площади, продемонстрировали свою мощь и готовность ко всему.

Парад принимал человек в мундире с погонами неустановленного ранга, которого мы только что лицезрели в великолепном штатском костюме. Переодевание произошло в немногие минуты, когда естественную паузу, вызванную этим процессом, заполняли прочувственные голоса ведущих, а в кадре — все те же лубочные картинки (только общие планы!) нарядной толпы на Октябрьской площади.

Слов нет, современный зритель хорошо знает, что такое монтаж: он ведь не зря смотрит сериалы. Но трюк с переодеванием во время прямой трансляции немедленно вызывает мысленные представления миллионов людей о том, **как именно это происходило.** Эти воображаемые картины и стали главной интригой трансляции.

Что поделаешь, таковы законы экранных искусств: все главное происходит в подсознании зрителя. Об этом вам скажет любой теоретик кино и телевидения. Жаль только, что нынешние «практики» этого не учли. Да и как можно: они ведь только выполняют, что приказано.

Прогресс не остановишь, и впереди нас ждут новые творческие достижения белорусских государственных телевизионщиков. Какая разница, что происходит на самом деле? В *«их»* новостях создается *«их»* реальность, а это самое важное.

Все знают о возможностях компьютерной графики. Думаю, не за горами то время, когда весь *«народ»* на телеэкране можно будет попросту… нарисовать. Нужно, например, сто человек (триста, пятьсот, десять тысяч!) БРСМовской молодежи с чистыми, открытыми лицами — пожалуйте! Нужен *«специалист»,* который расскажет о невиданном росте ВВП в ближайшие пять лет — извольте! Проблем нет никаких, во всяком случае морально-этических. Только технические. Ну, да сейчас наука чудеса творит!

Наверно, недалеко и то время, когда телевидение станет по-настоящему интерактивным. Сейчас это так важно: слушать народ. Вот оно, телевидение, и будет слушать. В буквальном смысле. Что мешает домашнему телеприемнику слушать и записывать все, что происходит у вас в доме? И передавать куда надо. Нужно только уладить некоторые технические детали. По уверениям некоего Джорджа Оруэлла, наблюдающие за нами телевизоры должны были появиться еще в 1984 году.

Запаздываем, однако. Ну, ничего, наверстаем. Ведь все уже готово для большого переодевания всей страны.

В полосатые одежды.

Народная воля, 2006, 12 апреля

Педаль сцепления

Очередной парад. День Независимости. Половина народа восторженно наблюдает за российскими ракетами, белорусско-российскими (дровишки-то откуда?) тракторами и холодильниками, высшими символами достигнутого нами образа жизни. Другая, не меньшая, часть граждан с ужасом взирает на государственное шаманство, обходящееся налогоплательщику в миллионы долларов. Одна половина народа мечтает о слиянии с соседней огромной страной, а другая грезит о вступлении в Евросоюз или просто драпает за границу. Почти каждый четвертый белорус сейчас живет за пределами своей этнической родины. Согласно всем социологическим исследованиям, по основополагающим моментам исторического выбора Беларуси общественное мнение поляризировано до крайности. Как заметила недавно представитель авторитетной независимой социологической службы, опираясь на итоги масштабных исследований, «белорусы — противоречивая нация. Они настолько разные, что если бы были немного темпераментнее, то набили бы друг другу морды».

Нация находится на грани раскола.

Или гражданского противостояния. Эти края расходятся все шире, и, кажется, их уже не сшить никакими нитками. Даже суровыми. В эту пропасть может ухнуть и белорусская журналистика, неважно какая — государственная или негосударственная. «Мордобой» грозит и ей. И, кажется, поделом. Потому что многие из нас просмотрели главное: свое профессиональное предназначение в обществе. Умение видеть действительное, а не воображаемое. Способность доносить его до большинства тех, кто живет в этой стране.

О чем, собственно, речь?

Надо систематически взяться за то, чтобы…
велась работа создания такой прессы,
которая не забавляла и не дурачила массы…

Владимир Ленин

Однажды в телевизионной программе «Форум» на БЕЛСАТе прошла интересная и характерная дискуссия. Между оппозиционными политическими деятелями и независимыми (негосударственными) журналистами. Политики жестко критиковали мастеров пера за то, что те не хотят видеть слабость полуразгромленной оппозиции в авторитарной стране. Что они выискивают ошибки и промахи, вместо того чтобы поддерживать то немногое, что делается. Негоже так поступать «своим», то есть союзникам в «борьбе с режимом». Наоборот, нужно консолидироваться, сплотиться и идти к победе. При этом авангардом прогресса назывались Объединенные демократические силы. Именно это сообщество надлежало поддерживать независимым журналистам. А вот когда демсилы одержат эту самую победу, то есть возьмут власть, — тогда, конечно, «свобода нас встретит радостно у входа...» «ОДС — наш рулевой», в общем. Уместно будет вспомнить, что и сам канал БЕЛСАТ в начале его деятельности пытались поставить под контроль именно этой группировки оппозиционных политиков, точнее, одного ее крыла.

Обещание будущих «свобод» принадлежит к числу наиболее прочных «традиций» всех субъектов политической жизни, стремящихся к власти. Через два дня после штурма Зимнего ленинским декретом о печати были закрыты все «буржуазные» российские газеты. При этом в декрете содержалась важная оговорка: «***Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону...»*** Последним пунктом декрета предусматривалась отмена драконовых санкций ***«...по наступлении нормальных условий общественной жизни».***

Как известно, «нормальные» условия общественной жизни наступили лишь через семьдесят лет, и то — ненадолго. Заметим: в Беларуси тот, кто шел на выборы 1994 года, искренне (на тот момент) высказывался за нерушимость принципа свободы слова.

Но что имеем сейчас? Власти беспощадно душат неподконтрольную печать (о радио и телевидении речи нет, здесь кладбищенский «порядок»), опасную для них как для любой закрытой системы. А, с другой стороны, политическая оппозиция видит в независимой прессе «подносчиков снарядов», «верных помощников» и т. п., которые не выполняют свою функцию.

Уместно задаться вопросом: почему политики считают себя вправе так относиться к прессе?

Не потому ли, что ей так и не удалось сформироваться как институту независимого общественного мнения? Может быть, мы... сами даем основание так к себе относиться?

Как только вы начинаете писать то, что нравится всем,
вы перестаете быть журналистом.
С этой минуты вы работаете в шоу-бизнесе.

Франк Миллер-младший

В сущности, такие политические «заказчики», видящие в СМИ лишь средства для обеспечения своего прихода к власти или ее удержания, опираются на собственные знания закулисного, а не показного бытования нашей прессы. Они твердо знают, что журналисты у нас никогда не живут на собственные деньги, то есть на доходы от тиражей и рекламы. Они всегда кормятся за чей-то счет. Государственные — за счет государства. А негосударственные — за счет тех, кто пока не вписан в систему *этой* государственной власти и поэтому хочет ее смены. У них также не может быть собственных средств. Ну, тогда за них расплачиваются другие. И поскольку и «мы» (политики), и «вы» (журналисты) имеем одни и те же цели и источники, то — извольте, г-да журналисты, уж послужите.

Типичная ситуация:

— Алло, это Белорусская ассоциация журналистов?

— Да, что вас интересует?

— Погодите, я включу диктофон... Скажите, пожалуйста, как можно расценить, что имярек был принят главой государства и заявил следующее...

Не свидетельствует ли это...?

— Простите, но об этом нужно спрашивать имярек, а не меня и не БАЖ.

— Ну вы же понимаете, что за этим стоит… Нам нужно авторитетное свидетельство того, что…

Я уже перестал отвечать на такие вопросы и отказываюсь фигурировать на сайтах в качестве«эксперта» по самым разным вопросам — от перемен на государственном телевидении до особенностей спутникового вещания из космоса. От оценки последних высказываний **сами знаете кого** до перспектив «Восточного партнерства». Я и сам сыт по горло подобными «мнениями», из которых нельзя выловить ни крупицы новой информации. И очередным статистом в этой нехитрой игре быть уже не хочу. Я не хочу служить очередным подтверждением того, что и так понятно, что сразу ляжет в обойму тенденциозных новостей или такой же «аналитики». Кстати, расхожая фраза: «как полагают наблюдатели» или «как считают в хорошо осведомленных кругах» очень часто обозначает всего лишь автора таких строк, никого более.

Аналитические обзоры в подавляющем большинстве представляют собой не более чем словесную эквилибристику по поводу одних и тех же фактов. Их поставщиком, ньюсмейкером неизбежно является власть, а не все многообразие белорусской общественной жизни. Лента новостей у всех одна и та же, и за всем чудится некое сверхмощное информационное агентство, поставляющее впечатления и «тем», и «этим».

В основе всей этой кутерьмы — «серые» схемы манипулирования, то есть полуправда-полуложь, «черные шары» и прочие прибамбасы, вброшенные идеологическими спецслужбами (если речь идет об общегосударственных интересах) или пресс-службами какого-то ведомства, которому выгодна та или иная трактовка событий.

Однако я не хочу превращаться в потребителя готовых стереотипов, независимо от того, кто их распространяет: государственные СМИ или «демократические». Кстати, в Швеции, если журналист переходит на работу в пресс-службу какого-то ведомства, он приостанавливает

членство в профессиональном журналистском союзе. У нас это необязательно, потому что неизвестно, кто и где на самом деле состоит.

Информация — это то, что от вас скрывают.
Все остальное — реклама.

Журналистская международная мудрость

Но я не перестал нуждаться в объективной и достоверной информации. А вот ее-то как раз и негусто. Настоящих, «упрямых» фактов, которые трудно втиснуть в прокрустово ложе готового суждения. То есть, действительно чего-то нового, о чем мы еще не знали. Вскрывающего новые явления в нашей жизни — как всегда, противоречивые и не поддающиеся черно-белому истолкованию.

К сожалению, в нашей белорусской журналистике я чаще встречаю мнения, а не факты. Готовые выводы, а не их документальное наполнение. И еще: все информационные поводы формируются вокруг некоего заколдованного круга лиц и источников. И мало кого интересует, что на самом деле происходит «внизу» — в той стране, где мы живем.

То, что это происходит в государственной журналистике, неудивительно. Она другой просто быть не может. Любое мало-мальски конкретное сообщение, как правило, обкладывается комментариями, истолкованиями. Здесь никогда не оставляют читателя наедине с фактом. Это понятно, это, по-своему, грамотно. Это атрибуты информационной войны против собственного народа, это военно-психологические технологии. Государственные СМИ давно превратились в разновидность спецслужб особого рода. Для них я бы предложил совсем другое название: ОМИ — органы массовой информации. Как любые органы, они выполняют поставленную перед ними задачу. Если омоновец бьет по голове снаружи, то государственный журналист — «изнутри», что не менее эффективно.

Но и независимая журналистика, к сожалению, озлобилась и невольно применяет те же методы. Вместо изыскания объективных (и, как правило, неоднозначных) фактов мы стремимся скорее привести читателя к готовому выводу,

который отвечает целям нашей, «демократической» ориентации. Никто не сомневается, что эти цели благородны. Но давайте оставим нормальному любознательному человеку возможность самому разобраться в том, что истинно, а что ложно. Нужно только предоставлять ему исчерпывающую и, главное, объективную информацию. Но этого нет.

Белорусская журналистика оказалась заложницей белорусской политической ситуации. Баррикадной, антагонистической, фронтовой. А на фронте важно только то, что отвечает на запрос, как в истребителе МИГ: «свой—чужой». Только в такой бинарной оппозиции рассматриваются все попадающие в поле зрения факты. То, что не вписывается в узкие бойницы идеологической амбразуры, — не интересует.

Профессия репортера тихо умерла. Зачем ездить, знакомиться, опрашивать, искать источники, рыскать по документам, когда готовую информацию, разжеванную и обработанную, озвучат на прессухах, выложат на сайтах, выскажут в эксклюзивах ВИП-персоны («наши», «демократические»). Этого достаточно. Окунаться в реальную жизнь никому не хочется. Зачем? И так все ясно: режим прогнил, солнце свободы не за горами. То, что слишком сложно, в чем нужно разобраться и рассмотреть со всех сторон, — не подходит.

Журналистика — и официальная, и демократическая — стала офисной, паркетной. В первом случае паркет государственных учреждений, во втором — фуршетов и приемов, ассамблей, конференций и семинаров. Никого не интересует реальное положение вещей «внизу» — в жизни. Все живут перекачиванием и перелопачиванием Интернета. Добыча факта, судьба человека, иллюстрация того, что происходит на самом деле, все меньше интересует «демократических» мастеров пера. Журналистов-расследователей вообще по пальцам пересчитать можно. Фактами становятся мнения. Отражения отражений, все более превращающие в зазеркалье нашу жизнь.

Это приводит к разрушительным процессам в самой профессии. Разнообразие жанров просто исчезло. Вся журналистика представляет собой нечто среднее между информационной заметкой и готовым комментарием. Где

репортаж, фельетон, где живые картинки с натуры и свидетельства прямого контакта журналиста с действительностью? Или результаты его собственного поиска истоков происходящего? Нет этого, очень редко встречается.

Массовая аудитория остается при своем интересе. В буквальном смысле: то, что интересно и важно для большинства населения, весьма скромно представлено на газетных страницах и на сайтах.

Как у Стругацких: в машине времени, изобретенной в НИИЧАВО, отсутствовала педаль сцепления с реальностью. Классика.

Журналистика — это когда сообщают: «Лорд Джон умер» — людям, которые и не знали, что лорд Джон жил.

Гилберт Кит Честертон

Прошу понять меня правильно. Независимые журналисты выполняют свой профессиональный долг, донося до общества то, о чем государственная пресса если и расскажет, то в предельно искаженном виде. Репортеры негосударственных изданий идут с пикетчиками на площадь, рискуя попасть«под раздачу», они дежурят на Окрестина, чтобы услышать первые слова вышедшего из камеры политического узника. Они мониторят долговременные судебные процессы и держат в напряжении должностных лиц. Да, эти журналисты выполняют свой гражданский и профессиональный долг.

Но факты политической борьбы не есть вся наша жизнь, а только ее часть. Причем малая. Подавляющее большинство населения этой страны живет совсем другими интересами. Например, такими:

«Звычайная вёска… Тут было шмат шлюбаў паміж блізкімі суродзічамі. Цяпер тут шмат п’юць і не заўсёды выклікаюць міліцыю. Каб у нечым разабрацца — падсыпаў атруты суседу ў калодзеж ці спаліў хлеў — і рахункі зведзеныя.

За афганскую вайну ў Ганцавіцкім раёне загінулі два чалавекі. А цяпер з заробкаў у Расіі, дзе працуюць тысячы палешукоў, штогод у трунах прывозяць дзясяткі загінуўшых.

Жыхары раёна любяць хадзіць на вайсковыя зборы — «партызанамі». Таму, што плоцяць больш, чым калгаснікам.

У Лактышах забіваюць бакланаў. Бо тыя з'ядаюць рыбу — адна птушка можа з'есці 2 кг у дзень. А бакланаў тут — тысячы. За дзюбу забітае птушкі даюць 2 тыс. руб.

З нядобранадзейных людзей ствараюць будаўнічыя брыгады.

Амаль 40% баранавіцкіх прызыўнікоў прызнаныя непрыдатнымі да службы па стане здароўя.

Жители с улицы Ширмы в Пружанах уже шесть лет ждут благоустройства двора, «пострадавшего» в результате подготовки к празднованию «Дажынак».

Цецерукоў «перасяляюць» у польскі лясгас. Плоцяць палякі за адну птушку 130 еўра.

Беларусь сняла ограничения выезда детей на оздоровление в Германию.

Крышнаіты прыйшлі ў Светлагорск. Сустрэлі іх без экзальтацыі.

Невесты и мамаши умеют убивать: каждый десятый охотник Беларуси — женщина.

У прадуктах знайшлі антыбіётыкі, а вытворца — на абласной Дошцы гонару.

На час прыезду Аляксандра Лукашэнкі светлагорскую міліцыю раззброілі.

Пинские предприятия начали август с сокращения работников и распродажи имущества.

Беременных школьниц становится все больше.

Штраф за выброшенную в парке пустую бутылку составил 175 000.

На рок-концерте в Слуцке собрано около 60 подписей за благоустройство общественных кладбищ.

Кто получает адресную социальную помощь в Солигорске?

Вокруг имени Яны Поляковой идет грязная возня.

В Браславском районе дикие кабаны уничтожают урожай картофеля на личных участках. Власти бездействуют. За отстрел кабана — штраф.

Жительница Солигорска безуспешно пытается отвоевать внучку у отца-наркомана. Чьи интересы в этой ситуации отстаивает районный отдел образования?

Невесты на несколько часов захватили Могилев.

Вирус гриппа A/H1N1 появился в Осиповичах».

Я намеренно выбрал сообщения самой разной направленности. Я на самом деле не могу сказать, какое из них важнее. Каждое из них значит только то, что значит. Но обладает одним неоценимым качеством: оно обязательно найдет своего читателя. Заденет, возмутит, восхитит. Заставит о чем-то задуматься, подняться с насиженного дивана. Может, и не сразу. А все вместе и подаваемые регулярно, такие сообщения порождают мощный кумулятивный эффект. С ним не справятся никакая цензура и идеологическая вертикаль. Но и политической оппозиции такая информация видимых дивидендов не принесет: она не имеет явно выраженного политического смысла.

Однако свое воздействие она оказывает: может быть, общество начнет, наконец, просыпаться? В этом смысле сообщение: «Кто получает адресную помощь в Солигорске?» важнее, чем отчет об очередной программе политических партий. Думаю, что такое утверждение не является слишком большим «перегибом».

Эти и многие другие факты, о которых мы чаще всего не узнаем, являются личным жизненным опытом многих людей. Поэтому они воздействуют. От всего остального — громогласного и политизированного — т. н. «простой человек» только уютнее заворачивается в одеяло своих маленьких забот и утешений.

Этот «сон разума» может развеять только целенаправленная и грамотная информационная политика СМИ.

В информационном пространстве все более заметным становится Еврорадио, ежедневно создающее как минимум несколько значительных, настоящих информационных поводов для множественного цитирования.

«Ежедневник» специализируется на добывании фактов коррупции в высших эшелонах власти, на закрытых уголовных делах. У меня как читателя может сложиться более или

менее цельное представление о том, что в действительности происходит «вверху». Ресурс regionby.org (бывший bulletinonline.org) весьма системно и планомерно разрабатывает региональную информацию. Принцип отбора сообщений ясно показывает: редактирование этого ресурса осуществляется со знанием основных важнейших закономерностей массовых информационных процессов.

К сожалению, примеры подобного немногочисленны.

Главная «независимая» газета занимается преимущественно политическим пиаром. Старейшая радиостанция (а сейчас еще и интернет-ресурс), в прежние десятилетия завоевавшая себе прочную репутацию разрушителя коммунистического режима, давно уже барабанит в дырявые литавры. Ее никто не слышит. Этот оркестр гремит где-то на уровне 1,5 процента аудитории. Исполняются ритуалы, основанные на представлениях об информационных потребностях населения как минимум 20-летней давности.

Один видный деятель белорусского демократического движения — один из тех, кто имеет реальную возможность влиять на содержание негосударственных медиа, как-то мне прямо так и сказал: «Не надо перегружать сознание простых, неискушенных людей грудами противоречивых фактов. Они просто запутаются. Будет хаос».

Может, и в самом деле? Как выразился герой одного из романов Эдуарда Лимонова, «не надо отягощать народ многими правдами»? Заметьте, правдами. В самом деле, может, лучше предлагать готовые рецепты и «вести» людей на Площадь?

Одно только не дает покоя: противники «хаоса» хотят «осчастливить» народ… без его ведома. Что-то это напоминает. Год эдак 1917-й, 25 октября по старому стилю. Не припоминаете?

Однако по всему видно, что эта концепция «в ходу». Многие наши независимые СМИ общаются с аудиторией на уровне абстракций, недоступных большинству населения. А народ, как водится, безмолвствует.

Подозреваю, что такие термины, как «демократия» или «гражданское общество» (мы сами знаем, что это такое?),

в наших условиях могут превратиться в неприличные выражения. Употребляя эти высокие слова к месту и не к месту, мы их просто обесцениваем. Потому что используем пропагандистски, как «сияющие обобщения» (термин пиара).

В «государственной» журналистике — свои «сияния». Например, «За сильную и процветающую Беларусь».

У каждого свое. Такое же оторванное от жизни.

Информация — это данные, которые меняют нас.

Стаффорд Бир

Комментарии свободны, но факты священны.

Скотт Чарлз Преступи

Предвижу, что для многих из моих коллег такая постановка проблемы будет просто неприемлемой. «Как можно говорить о неисполнении белорусской прессой своего долга перед обществом? Что, автор не знает, в каких условиях работают белорусские журналисты? Не слышал об арестах и посадках, о судебных процессах и закрытии газет, об избиении журналистов, штурмах редакций ОМОНом и пр., и пр.?»

Не только слышал, но и хорошо знаю происходящее вот уже на протяжении 15-ти лет. Ежегодные мониторинги Белорусской ассоциации журналистов переполнены подобными фактами, происходящими почти ежедневно. Автор сам потерял работу на государственном телевидении, сам отвечал на вопросы следователей, а близкие родственники автора «принимали» незваных гостей в бронежилетах, пришедших проводить обыск. Вот только отсидеть автору не довелось. Он приносит свои извинения.

Теперь самое сложное, но и самое важное, что хочется сейчас сказать.

Контроль за действующей властью — одна из важнейших функций прессы. Причем любой властью. Что, Берлускони, подавший миллионный иск против газеты «Репубблика», лучше «нашего»? Ничуть. В любой стране, даже с устойчивыми демократическими процедурами и традициями, пресса всегда находится под ударом. Другое дело, что там есть независимый суд, в котором иск против журналиста может проиграть даже премьер-министр или президент.

Решающим обстоятельством является выяснение вопроса: «Было или не было?» Если редакция в суде доказывает, что «факт» имел место (есть материалы, свидетели, улики), то, чем выше социальное положение оппонента журналиста, тем… беззащитнее он перед прессой. Подобные нормы содержатся в законах многих развитых стран. Может быть, и мы доживем до того времени, когда новые руководители Беларуси сами инициируют принятие подобных законов. А главное — обеспечат их исполнение. Но если они снова хотят прийти к власти не через «многие правды», в это верится с трудом. Так что это было, есть и будет: «и вечный бой, покой нам только снится».

Однако в традиции мировой прессы входит и великолепная максима, которая висит как лозунг во многих редакциях: «Дать голос тому, кто его не имеет». И это тоже важнейшая функция прессы. О ней и речь.

Вернемся к нашим бакланам. Вот уж кто голоса не имеет, это точно. Наверное, сведения о том, что бедных птиц убивают из-за недостатка рыбы, которой не хватает полуголодным людям, никого не оставят равнодушным. А сколько там деталей, нюансов! Этот факт — многослойный. В частности, и об экологической дикости он тоже говорит. В других странах счастливы были бы создать там заповедник, заказник. А тут убивают и платят по две тысячи за «клюв». В информационной подборке поставьте эту информацию (а еще лучше фоторепортаж о сдаче «клювов») рядом с сообщением, что ЮНЕСКО лишило международного сертификата биосферного заповедника Беловежскую пущу. Почему? Ответ: в пуще повырубали гектары заповедного леса…

Уже ничего не скажут Лидия и Любовь Малайчук, жительницы деревни Деревная Дрогичинского района. Они, в числе еще четырех жертв, были задушены в собственных домах двумя выродками. Эта история вызвала значительный резонанс на Брестчине. Дело в том, что несколькими месяцами ранее одна из сестер подавала заявление в милицию о хищении у нее из дома значительной суммы денег. Однако под давлением заместителя начальника РОВД и при содействии районного прокурора была вынуждена

забрать заявление. Лидию Малайчук запугали и заставили дать объяснение, что деньги у нее взяла… родная сестра. Позднее, в ходе следствия по убийствам других людей, выяснилось, что деньги-то похитил как раз тот, кто позднее убил несчастных женщин.

Интересно, что сведения эти содержатся в отчете о судебном заседании, опубликованном в газете «Вечерний Брест». Газета не принадлежит к числу «записных» борцов за демократию, однако подобные факты красноречивее всего говорят о практическом разложении системы правоохранительных органов страны. Значительная часть населения считает человека в форме самым опасным для себя субъектом, и никем более. Низким уровнем доверия к «органам» озаботилось даже МВД, проводившее специальные опросы. А не попытаться ли выяснить, где сейчас служат тот милиционер и тот прокурор? Может, переведены в соседние районы? После этого не нужна никакая «политика»!

Точно так же можно раскрыть любой из приведенных выше фактов и еще сотни других. Подобной же «многослойностью» обладают сообщения о беременных школьницах, о «негодности» барановичских призывников, о гибели ганцевичских гастарбайтеров, о бесчинствах диких кабанов, разведенных на потеху «номенклатурных» охотников.

И пусть эти «многие правды» идут сплошным потоком дни, месяцы, годы. В разных жанрах журналистики, описанные разными перьями, с множеством неподдельных деталей и красок. Уверен, это не может не принести свой эффект. Какой? Не беритесь предугадывать. Но то, что это работа на перемены, — в этом сомнения нет.

Прессинг со стороны власти был и остается, однако бороться с фактами доказанными, документированными намного сложнее. И очень важно — фактами «обычной» жизни. Идеологический чиновник — он ведь тоже устроен по принципу: «свой — чужой». И дальше своего идеологического шестка не видит. Заметьте, такую информацию никто и не мешает добывать и распространять. И никто не «пришьет» статью «за оскорбление», «за дискредитацию». Скорее всего. А то уж больно смешно будет.

Работа с объективными, самостоятельно добытыми фактами открывает для профессиональной журналистики совершенно иное измерение. Как в «нехорошей» квартире, где проживали Воланд и его свита. Вроде обыкновенная квартира, а в нужный момент там открываются такие горизонты и пространства! Между прочим, главный и скрытый смысл булгаковского романа, наверное, в том, что он указывает нам это пространство, где не правят короли, президенты, олигархи и прокураторы, первосвященники и Крысобои. Где нет решеток и никто никого не может остановить. Это пространство — личной свободы, и отобрать ее невозможно.

Кому-то может показаться, что автора занесло, и он выплескивает какой-то восторженный бред. На самом деле то, о чем мы сейчас говорим, является технологией, открывающей возможность широкого и продуктивного журналистского творчества. И, что не менее важно, — технологией, обеспечивающей иную степень свободы. Даже в такой стране, как наша. Речь идет о смене методов. Но не о смене целей.

Когда мы позволили загнать себя в резервацию узколобой «политической» журналистики (пусть даже с противоположной стороны), мы уже приняли правила игры, навязанной «сверху». Мы сели напротив наперсточников.

Власть считается только с силой. Информация (а не «мнения») — это реальное оружие. От него не так просто защититься.

Ты чьих бояр будешь, холоп?

Царь Иван Грозный

Не все попугаи говорящие.
Есть и пишущие.

Эмиль Кроткий

А пока имеем то, что имеем.

Трудно быть оракулом. Да и не хочется, по правде сказать. Но в одном можно быть уверенным: в ближайшие 2—3 года вопрос о суверенитете Беларуси встанет во всей своей остроте и неотвратимости. Как он разрешится — Бог

весть! Потому что и не подозреваем, что на самом деле происходит в глубине жизни и что в действительности думает человек, прижатый к нам в вечернем автобусе. Вечерний автобус — он, конечно, развивает чувство локтя. А также других частей тела. Но не общности. Каждый хочет вывалиться на остановке и быстрее добраться до своей конуры-квартирки. Такое впечатление.

Однако неслучайно было замечено еще в XIX веке: крот истории роет незаметно. За полгода до событий на Майдане все социологические замеры в Украине говорили о стабильной и спокойной ситуации.

Итак, вопрос возникнет. И что тогда предъявит белорусская журналистика как свидетельство своей национальной состоятельности? Сможет ли она быть источником надежного знания о собственном обществе? И выявить хорошо изученное и объективно отраженное мнение собственного народа?

Неизвестно.

С этим «багажом» мы втягиваемся в совершенно новую, неведомую, поистине фронтовую ситуацию. Где противоречия внутриполитической белорусской жизни начинают приобретать черты межгосударственного конфликта. В такой ситуации прессе отводится важная роль «разведки боем», «артподготовки», «тылового обеспечения» и других важных военных действий. Журналистов распределяют по фронтам и каждому отводят свой окопчик.

Лучшие перья российской журналистики, какие только можно купить за деньги, с наслаждением «оттягиваются» на белорусской теме. Те, кто высказывается искренне (а таких осталось в России немного), — пишут… то же самое. Потому что даже российские демократы, оппозиционные нынешнему путинскому режиму, по-прежнему считают Беларусь (Белоруссию)… регионом России. Похлопывая нас по плечу и широко, дружелюбно улыбаясь, они говорят: «Братцы-белорусы! Ну куда же вы от нас — мы же славяне!»

Такова природа имперского мышления: «свое» отдавать никому не хочется.

Это порождает поистине дьявольскую ситуацию. В нынешних условиях жесткую критику действующей власти могут вести как истинные сторонники реального суверенитета Беларуси, так и… прямые проводники влияния соседней державы. Их тоже достаточно, и деятельность их небезуспешна.

Потому что в условиях анонимной и обезличенной журналистики манипулировать ею гораздо легче. До прямой лжи и провокаций еще никто не опускается, но, судя по темпам процесса, это не за горами. Уже сейчас можно с участливой миной поинтересоваться здоровьем известного политика, состоянием его оперированной ноги. Вот она где, низкая квалификация, неумение раздобывать факты! Некто Доренко в подобных случаях просто показывал рентгеновский снимок оперированного бедра премьер-министра.

Полагаю, скоро мы узнаем и своих Доренко.

Нас ждут интересные времена.

Абажур, 2009, № 5

Поглядим на дорогу

Вместо предисловия…

Наполеон Бонапарт советовал чаще пользоваться словами, которые ничего не значат, но все объясняют. Например, «судьба». Думается, в наших условиях такая же роль уготована слову «демократия». Им у нас размахивают, не очень представляя, что же это есть на самом деле. Как раньше словом «коммунизм». Или «развитой социализм». «Демократию» понимают как мишень, в которую раз попал — и готово. Счастливая жизнь обеспечена.

На самом деле под дымовой завесой такой «демократии» может просто произойти перераспределение общественных благ в пользу иных кланов и групп. Только и всего.

Сменится политический ландшафт, и на телевизионных экранах замелькают другие лица. Другие, но опять одни и те же. Боюсь я такой «демократии». Мы не готовы принимать ее как долгий и тяжелый путь, на котором есть обязательные индикаторы — правильно ли идем?

К числу таких индикаторов, обязательных процедур «народовластия» принадлежит широкомасштабное и систематическое информирование населения о том, что в действительности происходит. Ведь с однобоко информированным народом можно творить все, что угодно. Это со всей очевидностью продемонстрировали последние 16 лет.

В наше время такой вездесущей и всепроникающей информационой системой стало телевидение. Думаю, этот тезис подкреплять не стоит. В Беларуси он доказан «от противного»: экономическая, политическая и социальная стагнация, да и просто одичание (децивилизация, по-научному) были бы невозможны без ежедневных доз информационной отравы, которую умело вливали в массовое сознание штатные пропагандисты с хорошим гримом на лице.

Значит, надо создавать телевидение, которое сможет служить всем, т. е. обществу. ОТВ — общественное телевидение.

Не надо ничего выдумывать

Жила где-то в Америке обыкновенная девочка. По вечерам она рассматривала звездное небо, и отец рассказывал ей, что где-то там, на далеких планетах, могут жить такие же разумные люди, как мы. Обнаружить тех, далеких людей стало сокровенной мечтой девочки. Она выросла, стала известным ученым и сумела «выбить» у правительства колоссальные средства для поиска внеземных цивилизаций. Проходил год за годом, которые складывались уже в десятилетия, а до мечты было по-прежнему далеко. И вдруг мощные и чуткие локаторы уловили в глубинах космоса некие сигналы. Специалисты тут же определили их необычность. Когда в результате огромных трудов сигналы были выделены и усилены, все увидели на экранах… выступление Гитлера на открытии Берлинской Олимпиады.

В этом сюжете известного голливудского фильма «Контакт» режиссера Роберта Земекиса столько же фантастики, сколько и… правды, точного знания истории развития телевидения. Этот эпизод в фильме никак не объясняется и, может быть, остается не до конца понятым. На самом деле в контексте фильма он имеет значение. Дело в том, что первая внестудийная передача в истории мирового ТВ, которую (теоретически) могли засечь и вернуть на Землю в качестве послания братья по разуму, была осуществлена именно в нацистской Германии в период летней Олимпиады 1936 года. В этом факте, кстати, есть и глубокий намек на будущее: технический прогресс не всегда способен служить гуманистическим идеалам и целям.

Но именно в Германии общественное телевидение возникло как реакция на последствия гитлеровской диктатуры. Правда, произошло это в результате целенаправленных действий британских оккупационных властей, без решения которых тогда невозможно было получить ни одной лицензии для СМИ. В основу нового немецкого телевидения была положена модель Би-би-си, которое к тому времени развилось в мощную и эффективную систему ОТВ. По мнению британского правительства, в Германии не следовало сохранять ни одного вещательного учреждения, которое кон-

тролировалось бы государством, но нежелательным было и коммерческое телевидение. Альтернативой виделась общественная организация, для которой Британская вещательная корпорация стала бы примером. Соответствующие указания в конце 1945 года получил Вильям Налей, генеральный директор телекомпании «Би-би-си», которая в период оккупации отвечала за вещание на северо-западе Германии.

Таким образом, с подачи англичан в Германии была создана первая в континентальной Европе система телевизионного вещания, независимая от государства. Прошло немало лет, прежде чем к этой идее пришли иные европейские страны. Правда не сразу, с определенными препятствиями на этом пути. В той же Германии, например, в годы правления канцлера Конрада Адэнауэра развернулся знаменитый «Телевизионный спор». Канцлеру не нравилась постоянная критическая позиция, с которой оценивала все его действия АРД — первая компания общественного телевидения Германии. И он вознамерился создать свою, более лояльную и подконтрольную. И создал ЦДФ в 1963 году. Однако решение Конституционного суда Германии помешало ему прибрать новую компанию к рукам, и она стал действовать как второй канал общественного телевидения — на принципах беспартийности и объективности. Немцы со свойственной им последовательностью реализовывали принцип общественного телерадиовещания как одного из гарантов демократического развития нации.

Несколько иначе проходило становление ОТВ во Франции. Можно сказать, под давлением обстоятельств. Попытка захватить Эйфелеву башню с находившимися на ней передатчиками, предпринятая во время студенческих бунтов 1968 года, отражала общее недовольство граждан предельно «государственным» телевидением Франции. Тем не менее правительству понадобилось еще четырнадцать лет, чтобы решиться на реформирование системы телерадиовещания. В 1982 году был создан Аудиовизуальный совет по массовой информации, а еще через четыре года — принят закон Французской Республики о свободе вещания. В Финляндии в 1980 году государственный монополист — Финская вещательная компания — была преобразована в систему ОТВ.

Сходные процессы проходили по всей Европе и примерно в одно и то же время — в середине 80-х годов. Непосредственной причиной разрушения государственных систем телерадиовещания явилось бурное развитие коммерческих телерадиостанций. Дело в том, что целью коммерсантов всегда является прибыль. В сфере вещания — рекламные доходы. Следовательно — погоня за рейтингами. Следовательно — снижение общего культурного уровня, качества программ. Отчетливое видение недостатков обоих типов — государственного и коммерческого — породило представление об общественных службах телерадиовещания. Такого вещания, которое, в отличие от государственного, является подлинно независимым, а в отличие от коммерческого — не гонится за прибылью. Эволюцию таких представлений отражают основополагающие европейские документы: Резолюция об общественном и частном вещании в Европе, принятая 1-й конференцией министров европейских стран по политике в области СМИ (декабрь 1986 года), Венская декларация «От вещания, контролируемого государством, к общественному вещанию» (1993 год), Резолюция «Будущее общественного телерадиовещания» 4-й Пражской Европейской конференции (1994 год). К настоящему времени создан массив законодательных актов, преимущественно решений Комитета министров стран Совета Европы, а также национальных законов, детально регламентирующих деятельность ОТВ, но и оберегающих его от покушений на свободу вещательной деятельности.

А покушений таких предостаточно. Ретивые чиновники, стремящиеся сберечь честь мундира, найдутся везде. Но в том-то и дело, что термин «Общественное телерадиовещание» имеет в Европе полновесное юридическое наполнение, которое обеспечивает судебную и иные виды защиты для вещателей. Как, впрочем, и определяет их ответственность.

Все «за». Кто против?

Постсоветский мир являет собой удивительную картину. Демократические лозунги и вся сопутствующая фразеология уже в ходу. Во всех бывших советских республиках

выстроены декорации европейских фасадов: парламенты, членство в Совете Европы, ОБСЕ, еще где-то. А все то, что действительно нужно людям — по-прежнему на задворках. Возражать против общественного телевидения сейчас как-то и неприлично, дурной тон. Это — необходимый атрибут демократического государства. Простите, общества. Поэтому все — «за!»

В Казахстане парламент выбирает «Отца нации», смело ослушавшись его несогласия. Вот так, невзирая и ничего не боясь, говорят: «Вы, уважаемый, — отец нации!» И там же рассуждают об общественном ТВ, конференции проводят. В Киргизии еще при президенте Акаеве тоже бурно обсуждали, как создать ОТВ.

В России с 1991 года было предпринято восемь серьезных попыток создать общественное телевещание и отказаться от системы телевидения государственного. Даже законы в парламенте обсуждались. И что? Да ничего! Как тут не вспомнить Марка Твена: «Нет ничего легче, чем бросить курить: я уже восемь раз бросал».

В период «оранжевой» революции в Украине лозунг создания общественного ТВ фигурировал в программах ее руководителей. Но когда они пришли к власти, все заглохло. В феврале 2010 года президент Ющенко подписал указ, где Кабинету министров поручалось разработать и представить концепцию создания общественного телевидения. Не успели, однако… Новые власти Украины, как водится, идею поддерживают. Даже говорят о необходимости ОТВ, но при этом имеют в виду структуру государственную. Это для них синонимы.

У всех чиновников одно и то же: по-прежнему не видят разницы между обществом и государством. То есть видят, но не хотят признать, что государство — это часть общества, а не наоборот.

Конечно, государство тоже может инициировать создание общественного ТВ. Если оно, конечно, дозрело. Почему нет? Но в таком случае возникает и должен разрешиться острый парадокс: государство ослабляет собственный контроль над наиболее могущественным СМИ и стано-

вится лишь одним из субъектов влияния на него. В Европе именно так и произошло: правовые государства сами инициировали создание ОТВ. Но на то они и правовые, что снизу, через механизмы представительной демократии, их толкает к этому общественное мнение.

А в Беларуси — не идеализм ли это — желать того же самого?

Думаю, не больший, чем требовать честных и прозрачных выборов и независимости судебной системы. К тому же государство — это не только исполнительные органы (мы просто привыкли, что у нас это именно так). Это и парламент, и те же суды, которые могут принимать самостоятельные решения. Вспомним историю с Аденауэром. Подобных историй в Европе было много: власть всегда хочет большего, но общество разрешает ей только то, что положено.

Генерал де Голль советовал политикам всегда поступать в соответствии со своими «задними», то есть настоящими, мыслями. К этому моменту нигде на постсоветском пространстве еще не создали ОТВ. Это говорит о том, каковы на самом деле намерения тех, кто принимает решения. Теперь мы знаем, каковы их «задние» мысли.

В Беларуси, однако, все проще и прозрачнее: никто ничего не скрывает. Телевидение у нас не просто государственное, оно у нас президентское. Белтелерадиокомпания является органом государственного управления, а в ОНТ и СТВ большая часть акций принадлежит государственным структурам. В этом смысле власти даже и не пытаются притворяться: такое «термоядерное оружие», как ТВ, никто в чужие руки отдавать не собирается.

А для чего все это нужно?

Один из горячих сторонников создания ОТВ, руководитель Фонда общественного телерадиовещания Союза журналистов России Игорь Яковенко выразился следующим образом: «Во всех цивилизованных странах обязательно существует общественное телерадиовещание. В странах, где такое вещание есть, люди живут в среднем на двадцать лет больше».

Сказано намеренно заостренно, и многим покажется натяжкой. На самом деле все верно, просто здесь сведены крайние суждения, отброшены промежуточные логические звенья. Какие?

Качество жизни включает в себя экономику и медицину, экологию и здоровье, безопасность и социальную защиту, да и просто морально-нравственное состояние людей (повальное пьянство или здоровый образ жизни).

Достижение этих благ цивилизации невозможно без надежного и полного информирования всех обо всем. В том числе и о многочисленных опасностях. В наших широтах (так уж получается) наибольшие опасности проистекают от неподконтрольных обществу властей. Поэтому у нас случаются Чернобыли, а потом — радиоактивное заражение всей территории через продукты питания. Поэтому у нас могут строить АЭС без общественного обсуждения, поэтому у нас берутся многомиллиардные кредиты, а потом исчезают неизвестно куда. А экономика остается нереформированной, и многие люди влачат жалкое существование. И, выйдя на пенсию, вынуждены просто медленно умирать. Неужели кто-то думает, что это не влияет на продолжительность нашей жизни?

Всего этого не было бы, если общество имело бы надежный механизм обеспечения информацией, неподконтрольной никому, даже властям (может быть, им в первую очередь). Имея такую информацию, люди были бы вооружены. А не зная, в каких действительных условиях живут, они обречены быть бессильными.

ОТВ принадлежит к числу главных механизмов демократического устройства общества, которые напрямую влияют на качество жизни, а следовательно на ее продолжительность. К сожалению, в нашем белорусском обиходе свободу СМИ и улучшение жизни людей редко связывают напрямую.

Если то, что происходит на нашем телеэкране, Вас устраивает, можете дальше не читать: эта статья не для Вас. Но если Вы, проведя несколько вечерних часов у телеэкрана, встаете, чертыхаясь, с едким привкусом горечи и сожаления о потерянном времени, то самое время поговорить.

Даже если Вы стали приверженцем «Евроньюс» и канала Дискавери (в различных его вариациях), то это немногим лучше: Вы пребываете в резервации, которую власти намеренно оставили открытой, чтобы люди совсем уж не взбесились. Но Вам ведь хочется узнать, что на самом деле произошло за день в Вашей собственной стране, не так ли? И Вы вынуждены смотреть «Панораму» (еще в советские годы мы звали ее «Пилорамой»), «В центре внимания» и прочие изыски государственной телепублицистики. При этом у белорусского зрителя выработался особый вид мазохизма. Включая телевизор, он ехидно говорит сам себе: «Посмотрим, посмотрим, что ОН (они) сегодня опять начудили (мягко говоря)».

Долговременные социологические исследования показывают, что до 65% аудитории, которая смотрит белорусские телеканалы, относится к ним резко отрицательно. Около 15% — «болото», которому все равно. И около 20% — единомышленники БТ. Но даже и те, кто его клянет, вынуждены смотреть: иного не дано.

Таким образом, все «как у людей»: каналы вещают, зритель смотрит. Европейская страна, век двадцать первый.

Но, как сказал сатирик, в любую эпоху бывает свое средневековье. Сегодняшнее мракобесие предстает в виде бойких, динамичных и ярких, но… фальсифицированных новостей. Наше государство «отечески» низводит своих граждан до положения массового потребителя некой манной кашки или жвачки в виде «позитивных» новостей о Беларуси и ужасов во всем остальном мире. Этим сейчас, как все мы видим, ежедневно занимается Белорусское телевидение вкупе с примкнувшими к нему ОНТ и СТВ.

Телевизионное средневековье облачено и в разноцветные тряпки попсовой эстрады, низкопробных (ниже плинтуса) юмористических передач, сериалов, снимаемых по серии за неделю и превращающих наше сознание в «улицу разбитых фонарей».

Как защититься от всего этого, как добиться, чтобы тебя уважали и давали право реального выбора?

Идея общественного телевидения выросла из представления об информации как неотъемлемом благе, необходимом ресурсе, которым должен быть обеспечен каждый. Как о коммунальной услуге, если угодно. Как чистая вода из крана, как прибранные улицы, как медицинское обслуживание, как личная безопасность, минимальная потребительская корзина. Все имеют право на это, и оно должно быть обеспечено.

Казалось бы, все очень просто. Но чтобы это стало реальностью, нужны технологии. Очистки воды и улиц, оказания медицинских услуг, наведения порядка. Так же и в общественном вещании: нужны специальные меры для обеспечения наших прав.

Гарантии независимости

Как подчеркивается во всех европейских документах, общественное телерадиовещание — это вещание:

— предназначенное для общества;

— контролируемое обществом;

— финансируемое обществом.

Что это означает на практике?

Прежде всего, телевидение как общественный институт изъято из сферы исключительного государственного владения, вообще из сферы политической деятельности. Более того, исключено и «совместное проживание» общественных и государственных телеканалов. Последних просто не должно существовать. Это принципиально важно. В наших условиях найдется немало охотников ограничиться полумерами и сотворить ОТВ для «галочки», для Европы. Ну, как, к примеру, вносили исправления в Избирательный кодекс. Поэтому одним из важнейших индикаторов реального продвижения по этому пути должна быть ликвидация государственных каналов как таковых.

Во-вторых, необходимо выстраивать систему вещания как мирного сосуществования ОТВ и коммерческих каналов. Сплошная и безоглядная коммерциализация общенациональных каналов заменяет политическую диктатуру

коммерческой. Суть остается прежней: что нам смотреть, решает узкий круг лиц. В Европе (и Америке) условиями получения лицензии для коммерсантов являются требования разнообразия и высокого качества программ, что соответствует главным принципам ОТВ. Бывает, что коммерсанты «откупаются» от этой обязанности путем внесения специальных выплат в фонды общественного телевидения. Бывает, некоторые коммерческие станции, подписывая соответствующие обязательства, получают дотации и работают, в сущности, как общественные вещатели. Главное заключается в том, что население должно получать «экологически чистый» продукт: телевизионные программы без малейшей примеси политических или экономических интересов кого бы то ни было.

В сущности, идея общественного телерадиовещания сводится к созданию правовых и административных механизмов, исключающих возможность монопольного манипулирования им со стороны не только власти (исполнительной, судебной, законодательной), не только партий, профсоюзов или общественных организаций, не только коммерсантов, но и вообще кого бы то ни было. Ключ к эфиру находится у всех вместе и ни у кого в отдельности.

Эта цель достигается путем создания специальных советов (попечительских, наблюдательных и пр.), в которые входят представители всех слоев населения. Советы осуществляют общее руководство и контроль. Программная же политика, все текущие вопросы (разработка и реализация программ, финансы, кадры и пр.) находятся в исключительном ведении дирекций каналов, и это их право оговаривается специальными соглашениями, закрепляется в уставах телекомпаний. В свою очередь, компании обязуются освещать события беспристрастно и объективно, предоставлять слово всем сторонам, обеспечивать право личности на ответ в эфире, предлагать аудитории максимально широкий выбор программ, учитывающий специфику всех категорий зрителей.

За все нужно платить

Надо признать: у сторонников идеи ОТВ есть свой «скелет в шкафу». Принцип экономической независимости общественного телевидения базируется на введении абонентской платы за пользование телевизионными приемниками. Это неприятно, это нам всем не по вкусу, мы все и так раздражены непомерными налогами, постоянным повышением цен на все. В общем, идея непопулярная, что и говорить. Например, в Украине 44% граждан высказались против абонентской платы. Белорусский народ об этом никто и не спрашивает.

Неприятие абонентской платы основывается на одной ошибке: мы все думаем, что телевизионные программы приходят в наш дом бесплатно. Но это совсем не так. В государственном бюджете финансирование государственного ТВ предусмотрено отдельной строкой и составляет миллиарды и миллиарды рублей. Откуда они берутся? Из наших налогов, вестимо. Добавим сюда и многочисленные преференции (вроде освобождения от пошлин при закупке техники и т. п.), которые также оплачиваются нашими деньгами.

То есть, все-таки платим. Принудительно и гораздо больше, чем могли бы. За наши же деньги нас кормят идеологическим пойлом типа «Крыжачка»: бьет по голове безотказно.

Далее, государственное телевидение крутит рекламу, не спрашивая, нужна ли она нам. При этом нарушаются все мыслимые стандарты объемов и качества такой рекламы. Калечатся фильмы и передачи, которые искусственно, без предупреждения (здесь тоже нарушение европейских стандартов) прерываются безмозглыми выдумками доморощенных рекламистов. Но самое интересное то, что издержки на рекламу производитель товара включает в его стоимость. И мы в супермаркете опять-таки оплачиваем эту рекламу, от которой пытаемся спастись щелканьем дистанционного пульта. Общественные каналы по всей Европе практикуют суровые ограничения на рекламу, а в отдельные периоды эфирного дня вовсе исключают ее.

Все рассуждения государственных пропагандистов о том, что без рекламы телевидение не выживет, мягко го-

воря, нужно проверять. Нужно знать объемы рекламы, расценки, суммы доходов, их распределение. А это как раз скрывается надежнее всего. На рекламном бизнесе куются большие деньги, но удовлетворению наших зрительских интересов они не служат.

Абонентская плата, рассчитанная строго экономическими методами, как ни удивительно… сберегает наши деньги. Например, в Канаде она составляет в расчете на день… 2 цента. В Германии, Франции и других странах составляет в месяц стоимость… чашки кофе. При этом применяются строгие меры контроля за ее уплатой. В такой стране, как Великобритания (а там в пересчете на день абонентская плата составляет стоимость пакетика чипсов), бывали случаи… судебных решений, наказывающих за уклонение от абонентской платы. Никакой демократии!

Но введение абонентской платы и ее обязательность вносят принципиальное изменение в характер взаимоотношений телевидения и аудитории. Оно, телевидение, теперь не зависит ни от кого, только от зрителя. Оно становится действительно независимым экономически, и это главное. В свою очередь, зрительская аудитория, состоящая, как водится, из различных групп и слоев населения, имеет полное право влиять на содержание передач и программную политику. На этот счет в законодательстве и практике европейских стран существует много механизмов: от наблюдательных зрительских советов и комитетов до возможности получить лицензию на вещание, если общественная организация достаточно массовая.

Змея, кусающая свой хвост

Однажды, давным-давно, в журнале «Крокодил» я прочитал афоризм, достойный пера Вольтера. «За каждую добродетель полагается вознаграждение. Порок же приятен сам по себе».

Нынешние руководители телевидения устроились весьма неплохо: за огромные государственные средства (взимаемые с населения в виде налогов) они ведут идеоло-

гическую промывку мозгов, при этом «снимая» хорошие деньги с того же населения в виде рекламных доходов. Отлично устроились.

Порок приятен сам по себе.

Как всякая монополия, государственное вещание создает питательную среду для коррупции. Дело бывшего председателя Белтелерадиокомпании Егора Рыбакова — лишь верхушка айсберга.

Поэтому идею общественного телевещания эти люди встретят бешеным сопротивлением. Здесь самое время вспомнить еще одну мудрость. У Мольера в «Тартюфе» один из героев высказывает весьма глубокое суждение: «Лицемерие — это та дань, которую порок платит добродетели».

ОТВ, бесспорно, — это добродетельная идея, как и демократия вообще. Открыто против нее никто выступать не будет. Поэтому применяется лицемерная фразеология. Она сводится к двум тезисам:

— программы общественного телевидения неинтересны, скучны;

— общественное телевидение невозможно до тех пор, пока не созрело общество.

Порок платит добродетели.

К сожалению, у нашего массового зрителя нет возможности лично убедиться в том, как работают информационные службы общественных каналов. Те, кто имеет «тарелки» спутникового приема, могут посмотреть насыщенные эксклюзивной информацией, зрелищные выпуски всемирной новостной службы Би-би-си «BBC World». Но здесь мешает языковой барьер. Впрочем, аудитория, подключенная к кабельным сетям, видит выпуски Евроньюс, готовящиеся в полном соответствии со стандартами общественного вещания. Правда, мы получаем их через российскую обработку, и некоторые купюры, а также неточный (мягко говоря) перевод свидетельствуют о неполном соответствии этих стандартов интересам российского вещателя. Российский канал «Культура», где мы видели великолепные «скучные» передачи «Школа злословия» или «Апокриф», уже несколько лет недоступен нам. Кста-

ти, уместен вопрос: почему перекрыли именно этот канал, а не какие-либо другие? Чтобы думали поменьше?

Сейчас многие стали постоянными зрителями канала RTVI — передач, действительно «скучных» для тех, кто привык к «Аншлагам», «Кривому зеркалу», многочисленным «Пацанам» и «Бригадам» на остальных российских каналах. Можно вспомнить великолепные российские ток-шоу начала 90-х годов и позднее. Но все изменилось, и сейчас «Свободу слова», которую, как известно, ограничивали только время и Савик Шустер, сейчас сам Савик практикует в Украине.

Из познавательных программ ОТВ упомянем весь пакет каналов «Дискавери», являющихся совместным проектом британских и американских общественных вещателей. Как ни странно, на некоторых белорусских каналах встречаются отдельные программы, авторы которых действительно уважают зрителя и стремятся учитывать его запросы. Но таких передач — единицы.

Следует учитывать и такое обстоятельство. Телевидение в той же мере создает своего зрителя, в какой и он способен создавать ТВ как общественный институт. Если десятилетиями кормить народ разноцветной попсой, то вырастают поколения, которые иного и не видели, и знать не хотят. Возникает потребность в «веселом» телевидении, и она дает рейтинги, на которые ориентируются вещатели. Они в расширенных масштабах гонят телепродукцию, единственное назначение которой — служить прокладками между рекламой. Возникает замкнутый порочный круг, наркотическая зависимость: зрителя приучают смотреть то, что «нужно», в результате чего он теряет интерес к чему-либо иному. Удовлетворяя эту потребность, производят больше «Аншлагов», «Фабрик звезд», конкурсов красоты и пр. Для «баланса» добавляют криминала, расчлененки и домашних свар наподобие «Пусть говорят». Подозреваю, однако, что и российская действительность (если бы мы видели ее на экране) не соответствует тому ее имиджу, который на индустриальной основе создают российские телеканалы.

Белорусские телевещатели бездумно приняли модель российского антиобщественного телевидения и слепо ко-

пируют ее. Тем более что это соответствует их собственным интересам. А вот в Литве, например, граждане любят свое собственное телевидение. Пусть не такое богатое и броское, как российское, оно в гораздо большей степени учитывает ментальность, вкусы и привязанности своего народа. И этот плодотворный контакт дороже любых, самых блестящих, телевизионных побрякушек.

Мы же наблюдаем в эфире сплошные заимствования, вплоть до буквальных, типа «Времечка», забывая о собственной, белорусской идентичности. Наш зритель даже не представляет, как могли бы выглядеть новости и публицистические передачи свободного общественного БТ.

Как разорвать этот порочный круг? Потомки Тартюфа и тут на высоте: «Общественное телевидение невозможно до тех пор, пока не возникло общество». В программе «Выбор» два известных «демократа» — один российский, другой белорусский — в один голос заявили, что нет оснований думать об ОТВ, потому как, дескать, нет общества. Видимо, они считают, что общество само собой на дереве вырастет.

Но то, что вырастает «среди животных и растений», нам уже известно.

Тезис об отсутствии «общества» — в корне спекулятивный, подлый. Здесь не хочется выбирать слов. Так могут говорить только те, кто в упор не видит радикальных перемен в общественном сознании белорусов. Или не хочет видеть в силу разных причин. Если вспомнить, что статья Уголовного кодекса 193-1 карает за деятельность от имени незарегистрированных общественных организаций (а регистрировать их отказываются), если побывать хоть однажды на Ассамблее неправительственных организаций Беларуси и увидеть сотни людей, представляющих тысячи и тысячи, борющихся за свои права в столице и регионах, то фальшивость утверждения об «отсутствии» в Беларуси элементов гражданского общества становится очевидной.

В столице и провинции, на селе и в городах формируется все более представительная социальная прослойка, готовая стать движущей силой грядущих перемен. Речь

идет об очень многих т. н. «простых» людях, которые личной практикой доказывают возможность изменить жизнь несмотря ни на что. Сформировался и занимает все более активную позицию класс мелких и средних предпринимателей, в том числе и на селе. Прошедшие осенью 2008 года парламентские выборы показали, что не только в столице, но и в провинции прессингу властей все активнее противостоят различного рода общественные и политические организации, а также самоотверженные борцы-одиночки. Фактически можно говорить о *другой Беларуси*, граждане которой готовы взять на себя ответственность за осуществление экономических и социальных реформ. Но эту, другую, Беларусь никто не знает. Поэтому именно она должна создать систему телевизионного вещания, отвечающего ее интересам. Может быть, именно негосударственные, общественные организации Беларуси смогут начать этот процесс. Политические оппозиционные партии, погрязшие во внутренних разборках, по-прежнему долдонят о доступе к государственному эфиру, где их никто не ждет.

Создание подлинно общественного телевидения является одним из рычагов формирования, кристаллизации элементов этого самого общества. Борясь за право на информацию, за доступ к эфиру, люди тем самым консолидируются и становятся реальным движителем создания ОТВ.

Есть восточный символ вечности: змея, кусающая свой хвост. Разговоры о том, что должно быть сначала: общество или общественное телевидение, — можно продолжать до бесконечности. Восточная змея стала для нас символом постсоветской вечности, которую многим хотелось бы сохранить.

Принуждение к демократии

На самом деле, стоять на месте не может ничто. Те, кто не хочет что-либо менять, преследуют свои, далеко идущие цели.

Одной из движущих сил нынешней политической ситуации в Беларуси является то, что в стране скопились огром-

ные деньги, и деньги эти имеют свои имена. В газетах уже появились сведения о том, сколько у нас миллионеров — легальных и нелегальных. И, естественно, не рублевых, а долларовых. Миллион в данном случае — цифра минимальная. Условная, можно сказать.

Эти деньги просятся наружу. Им, деньгам, надоело, склонив голову, слушать хамские и некомпетентные высказывания и делать вид, что они усердно их записывают. Они уже давно хотят стать владельцами «фабрик, заводов, газет, пароходов». И телевидения, конечно. Сейчас это один из лакомых кусков общественного пирога, который не поделен. Узурпирован авторитарной властью — да! Но не приватизирован. Не забудем еще и российских олигархов, удваивающих свои состояния за год. Им тоже надо где-то «приложиться». Все они стоят на «низком старте». Они тоже жаждут перемен, но совсем иных.

И вот здесь демократические реформаторы, кем бы они ни были, столкнутся с яростным сопротивлением тех, кто захочет исподтишка «увести» этот кусок пирога. Наверное, для этого уже все почти готово: различные проекты приватизации или акционирования «для своих». Кое-кто из них в открытую говорит, что приватизация — это как раз то, что нужно. Если в стране произойдет номенклатурный переворот, так оно и случится. По правде говоря, шансов для этого гораздо больше, чем для чего-либо иного.

Однако…

Есть такая формулировка в международных отношениях — «принуждение к миру». Может, демократизация — это тоже в чем-то принуждение? Мы все жаждем перемен и надеемся на лучшее. Но оно не придет само собой. Демократическое правление — это в первую очередь жесткие механизмы и процедуры, обязательные для всех. Произнося слово «демократия», у нас как-то забывают, что в нем присутствует и корень «кратос», то есть власть.

В июле 2010 года состоялась представительная конференция Национального форума Гражданского общества «Дорожная карта Восточного партнерства для Беларуси». Вот где нужно было бы побывать тем, кто говорит об отсут-

ствии в Беларуси «общества»! Около 75 общественных организаций подали заявки на участие в форуме «Восточного партнерства», который состоялся в Берлине. Далеко не все попали туда. Конкурс осуществлялся по принципу: свой взгляд на политическое, экономическое и социальное развитие Беларуси смогут донести до европейских структур только те, кто ясно представляет себе маршрут продвижения к общеевропейским ценностям. При этом важны как поступательность шагов (последующие этапы невозможны без полного выполнения предыдущих), так и надежные индикаторы, свидетельствующие о том, что идет реальный процесс реформирования, а не его имитация.

На этой конференции Белорусская ассоциация журналистов заявила о необходимости коренного реформирования (можно сказать, демонтажа) государственной системы телерадиооболванивания и создания на ее основе плюралистической структуры вещания, включающей в себя общественные и коммерческие каналы, действующие в строгом соответствии с Конституцией страны и ее законами. Для реализации этой общей цели БАЖ предлагает следующие шаги, такую «Дорожную карту»:

— Создание правовой базы трансформации государственного телерадиовещания в общественное. Начало уже положено. Несколько лет назад юристы БАЖа разработали альтернативный Закон Республики Беларусь «О телерадиовещании». Он прошел тщательную экспертизу юридического департамента Совета Европы и авторитетной международной организации «Артикль 19». То есть, создан настоящий европейский закон для Беларуси, который мог бы принять Парламент. Но, конечно, не нынешний. Нужны еще законы, которые в совокупности составили бы правовой фундамент деятельности ОТВ.

— Проведение широкой гражданской кампании с целью ознакомления населения с идеей общественного телевидения. В самом процессе такой кампании могут формироваться общественные структуры, которые и стали бы движущей силой реализации права каждого на получение объективной телеинформации. Процесс реформирования

должен проходить под плотным контролем общественности и при полной гласности. Охотников «увести» ОТВ под себя будет предостаточно, даже среди «демократов».

— Создание независимого общественного совета для регуляции деятельности ОТВ. В него должны войти представители разных слоев населения, различных конфессий, исполнительных и судебных органов, парламента, видные деятели культуры, науки, образования и т. д.

— Обеспечение внешнего контроля за процессом создания ОТВ. Второе из 12-ти условий Евросоюза для Беларуси (обеспечение права на информацию) должно наполниться конкретным содержанием. Вплоть до санкций за неисполнение необходимых процедур, гарантирующих действительное построение независимого общественного телевидения, а не его муляжа «для Европы».

Выполнение каждого из этих пунктов подкрепляется конкретными механизмами реализации. Однако главным условием было и остается: создание ОТВ — это не узкопрофессиональная журналистская проблема. Общество должно отстоять свои интересы, которым противостоят корыстные, узкоэгоистические намерения различных кланов и групп, стремящихся завладеть таким лакомым куском собственности, как телерадиовещание.

Если это произойдет и мы получим (в силу различных причин и обстоятельств) олигархическое телевидение по типу российского, тогда давайте не будем говорить, что живем в Европе. Мы попадем совсем в другую часть света, далекую от цивилизации. Потому что «Европа» в этом контексте — понятие совсем не географическое. Потому что, например, в США, Австралии, Японии, Южной Корее, на Тайване давно и успешно действуют системы общественного телерадиовещания.

А вот в Северной Корее и на Кубе — нет.

Абажур, 2010, № 3

Маленькое «Но...»

День 19 декабря 2010 года в новейшей истории Беларуси, бесспорно, станет вехой. Стал уже.

Ощущение некоей новой черты, которую переступила власть, явилось общим настроением общества. Черты, после которой нет и не может быть возврата к прежнему, хотя и оно, это прежнее, было далеко от здравого смысла.

В течение предыдущего года власть не очень изобретательно демонстрировала показную склонность к либерализации отношений с прессой. Это было вызвано общей обстановкой, предшествовавшей избирательной кампании.

Заметным шагом стало допущение двух газет в киоски розничной продажи в весьма ограниченных количествах. Видимо, кто-то посчитал, что это неопасно: ведь существует многосоттысячная «Совбелка» и иже с ней. Для тех же, кто в Европе спал и видел, что г-н Л. «соскользнет в демократию», этот факт стал просто знаменем.

Хрупкий баланс обеспечивался, с одной стороны, наличием фиговых листков законности, а с другой, прочным рефлексом правового сознания большинства независимых журналистов. В Беларуси до сих пор де-факто существовала подцензурная журналистика. Точнее, самоцензурная. Большинство издателей, наученное горьким опытом коллег и своим собственным (экономическая дискриминация, вынесение предупреждений, приостановление выпуска изданий, немотивированные закрытия, изъятия техники, да и просто избиение репортеров, и пр., и пр.) уже который год вынужденно работать с оглядкой, которая с годами стала привычной.

В телевизионном вещании тоже происходило что-то дивное: программа «Выбор» с новым ведущим С. Дорофеевым сразу привлекла к себе внимание. Но очень скоро стало ясно: главной задачей было выпускание пара в ситуациях, когда замалчивать что-либо совсем брутальное не было никакой возможности. Но, смело формулируя проблему, ведущий всякий раз спотыкался и, словно перед невидимой стеной, останавливался перед выводами, которые напрашивались сами собой. Они, эти выводы, требовали обобщений. А вот

здесь уже работали прочные «табу», через которые переступать никому не было позволено. Но даже и в таком виде передача порождала иллюзию: власть говорит с нами, она озабочена нашими проблемами. Однако на соседней кнопке той же государственной тележурналистики регулярно шли в эфир разгромные, спецслужбами разработанные пасквили на все, что еще дышит в этой стране. Ведущие этих программ прикидываться честными и не пытались. Провокации и подтасовки фактов, прямые фальсификации и оскорбления стали фирменным стилем Первого, главного канала.

Сергей Дорофеев и Юрий Прокопов — это одно лицо, только по-разному освещенное. Это «добрый» следователь и следователь «злой».

Таким образом, баланс сохранялся и здесь, ситуация оставалась под контролем.

Сейчас необходимость в таких инсценировках отпала. «Добрых» следователей удаляют, они свое дело сделали.

Сейчас «им» уже нет необходимости порождать иллюзию либерализации. Хватит, наигрались. Маски сброшены.

Но нам обманываться не стоит. Сейчас это не просто вредно, но и опасно — обманываться. Ну, и не будем. Даже легче становится: меньше лжи и лицемерия, все проясняется.

Сама жестокость и планомерность репрессий показывает, что де-факто существование общества не только признается, но и вызывает животный страх и отчаяние.

Дело в том, что власть всегда отказывала обществу в праве решать важные социальные вопросы. Более того, она рассматривала самое себя не как часть общества, а, напротив, общество как исключительно объект своего, властного воздействия. Но сейчас она, власть, бросила прямой вызов: или-или. Или общество становится немым, безгласным и послушным, или его ждет полный разгром. Потому что произошло глубоко закономерное: идя по пути ущемления прав и свобод, власть неизбежно должна придти к концлагерю. Такова неумолимая логика авторитаризма.

Ширящиеся аресты и обыски ясно показывают, что останавливаться никто не собирается, и волна репрессивных действий только набирает силу. Первым шквалом стали

избиения и задержания политиков со всеми омерзительными деталями этого спектакля. Уже после 20.00 там, на Площади, задерживая и избивая кандидатов в президенты (статус которых тогда еще действовал!), власть показала, что она не будет учитывать такие благоглупости, как право, справедливость или простое человеческое сострадание.

Так возник первый круг этой спирали Бруно (так называется специальная, колюще-режущая проволока для тюрем). Даже по старым (до 19 декабря) меркам для узников «Площади» оставалась некая надежда на обычные в таких случаях институты защиты: адвокатов, правозащитников, прессу, общественное мнение. Понимая это, власти стремятся рассеять и эти рубежи сопротивления. Натягивается вторая спираль «колючки». Думается, за сим последуют атаки и на последующие очаги, где сохранилась еще способность трезво воспринимать белорусскую действительность.

Не вызывает сомнений, что одним из важных объектов подавления станут и независимые СМИ. Последние действия Министерства юстиции в отношении Белорусской ассоциации журналистов не оставляют в этом никаких сомнений. В общем, выглядит вполне логично: в наших условиях профессиональная журналистская организация не могла не стать правозащитной в сфере свободы слова и СМИ. Используя пятачки декларативной законности, сохранившейся на страницах трижды перекроенной Конституции, БАЖ сумел выстроить довольно устойчивую систему правовой защиты редакций и журналистов, получил возможность оперативно и со всей полнотой доносить до мировой общественности все то, что творится здесь.

Эту дверцу нужно захлопнуть.

Истязаемых узников не услышат. Лишенные лицензий адвокаты немногим смогут помочь. Правозащитные центры и комитеты, подвергшиеся обыскам и задержаниям сотрудников, существенно ограничены в своих возможностях. Остается только воткнуть кляп тем, кто еще способен рассказать обо всем этом, вынести «сор» из нашей, пропахшей полицейщиной, белорусской избы. Вот тогда все будет в порядке, тишь и благодать. Как на кладбище: «все

спокойненько, все пристойненько, от общественности вдалеке». Останется только поставить сторожевые вышки.

Провокация с крушением дверей в Доме правительства, массовое избиение мирных людей на Площади, «добирание» непричастных до запланированного количества задержанных, все последующие действия — это звенья одной и той же цепи, планомерной и последовательной кампании установления абсолютного господства единоличной власти.

Но...

В теории и практике социального управления есть постулат: сложные проблемы имеют простые, понятные для всех… неправильные решения. Если кто-то «наверху» думает, что доступные его пониманию, репрессивные меры приведут к желаемому результату, то он жестоко ошибается. Все, порожденное насилием, раскачивает некий невидимый маятник, который неизбежно пойдет в другую сторону. Неизвестно как, но обязательно в противоположную тому, куда его качнули от оси, от здравого смысла и нравственных принципов. Неслучайно маятник всегда был символом времени, которое не останавливается никогда.

Как это ни парадоксально, но существование лоскутков независимой журналистики сохраняло чувство **этого** берега, отрываться от которого не хотел никто. Оно и сейчас сохраняется, это ощущение. Отвечая на вопросы о будущем белорусской независимой журналистики, многие из моих коллег, которых я глубоко уважаю, выражают робкую надежду, что в нашем-то веке, в наши дни, ну не может же быть так, чтоб совсем уж…

Хотелось бы оставить эти иллюзии, и поскорее. Двадцать первый век пришел к нам в ином обличье.

В нашей ситуации можно предположить: чем более широкой и тотальной будет зачистка медиапространства, тем больше предпосылок возникнет для создания и развития совсем иной белорусской журналистики. Власть собственными руками сотворяет ситуацию, при которой возникнут такие

информационные источники, до которых она уже не дотянется. Она сама создает себе альтернативу. Не было счастья, так несчастье поможет. Так уже бывало в истории, и не раз.

Пусть Администрация закажет в Институте журналистики специальное исследование. Работающие там историки на тысячах примеров покажут им, как революционные партии (и большевики в том числе) при помощи подпольной, неподцензурной печати сумели расшатать и обрушить систему государственной власти, куда более прочную, чем нынешняя. Есть только одно отличие: сейчас нет необходимости создавать неподцензурную массовую коммуникацию исключительно в партийных структурах. Существует немало иных возможностей. Напротив, множатся примеры, когда медиаресурсы становятся средством сплочения людей и выдвижения общественных и политических инициатив. Пример сайта «Хартия 97» — перед глазами. Современные информационные технологии позволяют напрямую мобилизовывать людей на активные политические действия.

Кажется, сейчас наступает такой момент, когда журналистское сообщество обязано доказать, дееспособно оно или нет. Переступив правовой (пусть зачастую и символический) Рубикон, власть, сама того не понимая, создает площадку для боев без правил, а это уже совсем иная ситуация. Демонстрируя правовой нигилизм, она тем самым освобождает от иллюзий людей, которым уже нечего терять.

Есть только одна проблема, вызванная наличием этического принципа, хорошо известного всем профессиональным журналистам. Даже в этой ситуации мы не можем становиться пропагандистами, пусть даже и с обратным знаком. К сожалению, в последние годы белорусская независимая журналистика, лишенная доступа к информации, придавленная административным и экономическим прессингом, вынуждена была превратиться из журналистики фактов в журналистику мнений. Проправительственные издания и каналы, вместо обнародования ясных и однозначных фактов (чего они, по понятным причинам, делать никак не могли), топили сознание своего читателя в многочисленных комментариях и инсинуациях.

Но и их антипод, журналистика негосударственная, вынуждена была пользоваться туманными разглагольствованиями записных экспертов, невнятными комментариями и прогнозами, где желаемое выдавалось за действительное, а действительные факты (не известные никому) подменялись субъективными мнениями, ангажированность которых не вызывала сомнений.

Сейчас не место и не время строить предположения (пусть даже основанные на реальных предпосылках). Но, думается, новые условия не могут не привести к возникновению новых форм и методов деятельности независимой белорусской журналистики.

Может быть, с ней, с белорусской журналистикой должно произойти то, что всегда и везде в истории рождало значительное: кризис на грани исчезновения? Это сейчас кажется, что исчезает все. На самом деле рождается то, что еще неизвестно всем нам.

Но оно рождается. Важно только не оглядываться.

Абажур, 2011, № 1

Эдуард Мельников между «до» и «после»

Непарадное интервью с человеком, которому 60

…Нашлись мы в подземном переходе. Идем, наконец-то,в тепло — к дому. Уже практически у подъезда я на всякий случай намекнула юбиляру, что, мол, как трудно брать интервью у коллег — такие они молодцы, когда о других речь идет, а о себе, любимых — контролируют каждый шаг.

— А тут еще интервью у нас планируется как бы парадное… — кисло продолжила я, а Мельников подхватил:

— А давайте — непарадное? Я сам не люблю.

Он помолчал. Спустя несколько секунд продолжил:

— Знаете… журналистика не способствует приобретению друзей — всем она поперек горла. Властям она точно не нужна, терпят, в лучшем случае. Мы изобличаем пороки общества — моральные и психологические. Кому это понравится? В западном мире главный враг для журналиста даже не чинуши, а обычный человек. Когда я был в США, нам показывали статистику: 52% жителей этой страны считают, что СМИ слишком распоясались, много свободы имеют.

— Почему же тогда в 90-х мы пережили бум тиражей? Какой был всплеск интереса к периодике, программам радио и телевидения!

— Потому что 70 лет народы СССР держали в острейшем информационном вакууме — все истосковались по свободному слову.

— А потом?

— Наступило пресыщение.

— Сегодня создается впечатление, что большой части людей и не хочется знать правду. А оппонентов они и слышать не хотят.

— Есть два типа действий в нашем случае — или идти вперед, или закрыть глаза. Наши граждане чаще предпочитают второе. И вот еще что: наш народ в трех-четырех поколениях твердо убежден, что любые перемены обяза-

тельно будут к худшему. Вот не было на нашем веку такого, чтобы перемены или инициативы, распространяемые прессой, приводили к улучшению. Если в советские времена в газете прочитал: подана такая-то инициатива, тут же понимаешь: надо что-то припрятать: или мысли, или сбережения, или что-то еще. А эта 17-летняя власть — органическое продолжение той, советской.

— Но сейчас, когда речь идет об очень серьезных вещах — выборы, фальсификации, кто прав, кто нет, — разве не повод разобраться в происходящем?

— К сожалению, СМИ неубедительны. Они практически не владеют фактами: журналисты ничего не знают из того, что происходит, у нас идут сплошные комментарии — и в государственных СМИ, и в негосударственных. У нас не журналистика фактов. Нам оставляют право только на мнения, и то — потому, что вообще лишить общество информации нельзя, не то время.

Посмотрите мониторинг БАЖ: пресса отгорожена от источников информации. Если мы все-таки узнаем точные факты, власть очень остро реагирует.

О журналистах и фактах

— Раз уж заговорили о БАЖ. Вы не считаете, что БАЖ несколько удаляется от народа? Как член правления скажите, в чем главное предназначение ассоциации? БАЖ — это профсоюз?

— Вот не профсоюз! В Европе журналист платит в свой профсоюз довольно большие, по нашим меркам, взносы — несколько сотен евро в год. Из этого складываются фонды. В контракте с нанимателем предусмотрены права — вплоть до права на забастовку. Профсоюз может давить на нанимателя, добиваться уступок (в основном, конечно, речь идет об оплате труда). У нас этого всего быть не может. У нас журналисты, которые уважают принципы профессии, принятые, к примеру, в Европе, стали вдруг все «нечестными». А тот, кто готов подбрасывать на Площадь топорики (или, как было в 2006-м, шприцы в палатки), а потом все это снимать на видео, оказался «честными». Так

вот: «нечестные» сталкиваются не столько с внутренней угрозой (внутри редакции), сколько с внешней.

— То есть, БАЖ объединила людей для защиты от этой внешней угрозы?

— Да. Власть давно бы размазала нас всех, если бы не было международной поддержки, которую обеспечивает БАЖ. Есть опасность полного устранения независимых СМИ. От множества газет, созданных в 90-е, осталось совсем немного. Но возникают интернет-СМИ, процесс не остановишь. БАЖ — фактически правозащитная организация в сфере отстаивания права на свободу слова и распространение информации.

— Вам не кажется, что все же внутренняя угроза тоже присутствует? Качество работы журналиста (журналистика фактов, о которой мы говорили) во многом зависит и от оплаты его труда, как ни ужасно это звучит.

— Мы задели серьезную проблему. Никто не станет отрицать, что существуют противоречия между нанимателем и журналистом. Можно детализировать, но в принципе нам понятно, о чем речь. Когда придут другие времена и пресса сможет нормально развиваться (без лицензий, министерства информации и прессинга властей), проблема отношений с властями не будет столь острой. Вместо одной газеты будет 20, и у независимого журналиста появится рынок труда. Так работает весь мир. Абсолютной свободы прессы как абстракции я не понимаю (этого нет в принципе), но есть свобода выбора. Пока не у нас. Говорят, политика — искусство возможного. А я бы сказал, что в целом и вся наша жизнь — искусство возможного. БАЖ активно сопротивляется и отстаивает принципы свободы печати во имя того, чтобы это «возможное» когда-то пришло и к нам.

Пока у нас каждодневное противостояние. Представьте себе шеренгу людей, перед ней омоновцы в касках — и надо стоять. Друг против друга. Одного выбивают, остальные сдвигаются, подходят другие. Для меня это образ. Как только давление будет снято, независимая пресса вытеснит государственную в два счета.

Как в Петрикове ума набирался

— Цивилизованные государства после Второй мировой войны поняли самое главное: нужно воссоздать благоприятные условия для развития свободной прессы как оппонента власти. Фашизм и сталинизм показали: опасно лишать общество информации. Подконтрольные СМИ становятся инструментами пропаганды для властителей.

— А вот вы, как раз спец по этой части, осознавали, что много лет были таким инструментом? Вы ведь работали в Главной редакции пропаганды на БТ?

— Я тут недавно собирал справки для пенсии, «и вся моя жизнь пронеслась перед мысленным взором!» Читаю трудовую книжку: «Отдел экономики, строительства, промышленности и сельского хозяйства Главной редакции пропаганды», — да, это так называлось. Если вспомним Ленина, это называлось еще и «экономическим воспитанием масс».

— Вы понимали, что льете воду на мельницу тоталитаризма?

— Насчет тоталитаризма не скажу, а вот то, что советская власть была устроена «не по уму», я начал понимать с приходом на работу в штат БТ, в 1972 году. До того был богатеньким студентиком — с 18 лет сотрудничал с научной редакцией БТ, получал гонорары, а это серьезный приварок к стипендии. Я делал передачи на строительную тему, репортажи разные и думал, что и дальше буду себя прекрасно чувствовать. Но по распределению меня отправили в сельскую редакцию, и там я многое понял.

История про озимые

Я вырос на асфальте, в центре Бобруйска, и ничего не понимал в аграрных проблемах. Но в Министерстве сельского хозяйства познакомился с толковыми мужиками, которые рассказали много полезного. Я подготовился и в сентябре отправился в Петриковский район — контролировать сев озимых.

Конечно, я не знал толком, что именно надо проверять. Но меня на этот счет просветили: «Возьми карту у председа-

теля райисполкома — пусть покажет, как отсеялся. Если засеял меньше 70 процентов, плохо дело. Вообще-то, мы тебе уже прямо сейчас скажем: не засеялись они там. По нашим сводкам, там плохо, поэтому мы туда тебя и посылаем». И напоследок еще просвещают: «Как начнут сеять, обращай внимание на трактор, чтоб за ним было две сеялки. Если одна — нерациональное использование техники, горючего».

На телевидении дают мне машину, съемочную группу, и мы поехали. Вот я — пацан, которого науськали до самой невозможности, напустил на себя строгий вид и пристал к председателю колхоза: «Почему площади не засеяны? Почему одна сеялка?» А он отвечает: «Сеялка одна, потому что ландшафт неровный. Две сеялки трактор не потянет!» Я растерялся и подумал: а черт его знает, может, он и прав? Но — молчу, проверяю дальше. Вижу: трактор стоит, двигатель вынут, механизаторы в нем копаются. Мы начинаем их снимать, они в страхе разбегаются. Я руки потираю — такие кадры привезу!

Пожилой председатель смотрел-смотрел на меня и уже в конце командировки говорит: «Я вижу, ты стараешься и вроде невредный. Так, может, я тебе поясню кое-что? Вот мы живем на юге, в Полесье, тут у нас песчаные почвы и жарко. Посмотри, что делается: в сентябре 30 градусов! Если мы элитные семена сейчас закопаем, они сгорят. Это в Витебской области уже дожди, но нам сеять еще никак нельзя. Я же потеряю семенной фонд! Мало ли что из Минска прикажут… Они же ведь потом и спросят: почему урожайность низкая? Ты ж сам пойми!»

В тот год пол-Беларуси отсеялось в установленные сроки, и на юге Беларуси все зерно сгорело к чертовой матери. Сеяли второй раз — опять сгорело, потом третий раз — что взошло, то взошло. Горючего потратили — не сосчитать. Вот тогда я и подумал, что авторитарное правление (такого слова я тогда, конечно, не знал) до добра не доведет.

— А репортаж в итоге какой вышел?

— Должен признаться, я сделал то, что мне сказали: «Ёсць раёны, якія добра працуюць, а ёсць, якія марудзяць», — слово такое было у нас частенько… Но после Пе-

трикова я сильно задумался и скоро перестал делать репортажи по заданной установке, стал придумывать свое.

О том, как стал «расследователем»

— Сначала я придумал конкурс передовых колхозов — участников ВДНХ — Выставки достижений народного хозяйства. Это был КВН на сельскохозяйственную тему. Не бог весть что, но получилось неплохо — прямой эфир, непредсказуемость. Потом я перешел в промышленную редакцию, и там начались, говоря современным языком, журналистские расследования — по-советски сделанные, но все же.

— А что значит «по-советски»?

— Понятие времени для жизни каждого человека очень важно. Время меняет не только русла рек, но и весь ландшафт. Сейчас многое можно рассказывать, а молодые не поймут: почему то, что в 1974—75 годах казалось революционным, может, в какой-то мере даже опасным или «на грани», сегодня выглядит наивным? Я делал журналистские расследования в своей программе «ТелеОТК». Была такая аббревиатура — отдел технического контроля. Посвящены эти программы были злободневным вопросам: почему наша советская промышленность не может сделать хорошую одежду, мебель, телевизоры? Вот скажите, как сегодня объяснить молодым, что не было в стране… тазиков? Или колготок? Почему не было самого элементарного? Ну не было — и все!

— Это и нам, жившим в те годы, было сложно понять. Ну и как вы расследовали это дело?

— Я по заводам распространял через парткомы тысячи анкет. И рабочие отвечали откровенно, поскольку анкеты были анонимными. Что люди писали — жуть! Вдобавок я узнавал разные тонкости в Госстандарте — была такая организация, они мне выдавали некоторые секреты, а я потом в прямом эфире сводил министров торговли и легкой промышленности. В Доме моделей девушки в красивом по подиуму ходят. Потом в магазинах — не на что смотреть.

А потом уж начинали разбирать с министрами: почему такое несоответствие?

Людям нравилось смотреть, как министры и прочие начальники сваливают ответственность друг на друга. Это задевало, заставляло думать. Однажды я ехал в Бобруйск после передачи — весь вагон о ней говорил! Минута славы такая… Но при этом я не понимал, что это система виновата, а не министры. Ни в петриковском колхозе, ни тут я не делал политических обобщений — был слишком молод. Мне нравилась сама схема расследования: выкопать информацию, «достать» начальника. Азарт!

Потом я делал программу «Спросим себя, товарищи!» Это были рабочие собрания прямо в цехах предприятий. И выходили они… в прямом эфире. Люди говорили резко, не стесняясь. О штурмовщине, о бюрократах, о безалаберности вечной… После таких «собраний» пара директоров предприятий слетела с работы. Вы такое можете сейчас представить?

Потом была «Операция «Телевизор».

Операция «Телевизор»

Это история о том, как советская власть «заботилась» о человеке. Наша промышленность стала выпускать цветные телевизоры. Очень плохие. Поэтому их требовалось все время чинить. На этом «поле» выросла целая мафиозная структура поборов с населения.

В семи квартирах мы поставили семь телевизоров. Позвали своих инженеров из телецентра, они достали из приемников детальку. Ее замена по прейскуранту стоила 50 копеек. Во всех телевизорах была одинаковая «поломка». Простые жители (мои друзья) вызвали мастеров из разных служб объединения «Белбытрадиотехника» телевизоры починить. Я просил всех «клиентов» сохранять накладные и все детали, которые изымались мастером из приемника при починке.

Итог всех ошеломил: за 50 копеек телевизор починил один-единственный парнишка, который в тот день впер-

вые вышел «на линию» после окончания ПТУ. В остальных шести случаях ремонт стоил от 1 рубля 40 копеек до 9 рублей 40 копеек. Из телевизоров изымались исправные детали и за «соответствующую» плату заменялись на такие же. Подобную схему вы наблюдали в работе сантехника Афони, помните?

Эта передача была замечена заместителем председателя Совета министров. Он написал «телегу» в ЦК. Вызвали меня на «ковер»: на каком основании вы очерняете целую отрасль народного хозяйства, перечеркиваете работу огромных коллективов? Все припомнили — и «Белбытрадиотехнику», и трикотаж, и мебель, и остальное.

Меня спасли анкеты, которые я собрал на предприятиях. Я положил их на стол, туда же — исправные детали, которые ремонтники вытаскивали из телевизоров. «Допрос» велся в отделе пропаганды и агитации ЦК компартии Белоруссии. Там посмотрели на мои «доводы» и, как ни странно, увидели в этом свой интерес! Они решили подать дело так: вот, мол, на Белорусском телевидении есть «зубастые» передачи, которые говорят о торжестве социалистической демократии! Понимаете, как интересно?

И ЦК КПБ меня заслонил от «наездов» отраслевиков и Совмина. Меня не только не уволили, но вписали в свои отчеты о проделанной работе! Потом я еще и в «Правде» про себя прочитал: «Есть передачи в республиках СССР, которые вскрывают наши недостатки…» После этого меня вообще не трогали. Вот так идеологическое клише советской власти защитило от неприятностей. С тех пор я стал таким «расследователем» по-советски.

— Но с коллегами проблем избежать не удалось? Вряд ли они все радовались вашим успехам?

— Получилось так, что я действительно «заелся» со своими «коммунистическими» главными редакторами — они были хорошие люди, но это были люди системы. Мне хотелось делать что-то реальное, живое. Я даже собрался уходить в «Знамя юности» — эта газета тогда была очень интересной. Уже было заявление стал подавать, но на Гостелерадио в этот момент, в 1978 году, пришел новый руководитель,

Геннадий Буравкин. Он поменял многих начальников, а меня назначил заместителем главного директора программ Белорусского телевидения. В этой должности я проработал восемь лет, а потом ушел на преподавательскую работу. На той работе была более высокая зарплата, и пообещали квартиру. А у меня тогда уже было трое детей — три девочки.

Квартиру, правда, не дали. Через 5 лет вернулся на БТ главным редактором общественно-политических программ. Но время уже было другое, 1991—1994 годы.

Ослабление власти в постсоветский период автоматически повлекло за собой свободу слова. У нас так все время получается: как сообщающиеся сосуды: меньше свободы — больше власти, и наоборот. Не получается у нас так, чтобы и власть была нормальная, и свобода слова ценилась.

— Давайте вспомним выборы 1994 года. О чем вы думали, на что надеялись?

— К 1994 году мы пришли с сильным коллективом Главной редакции общественно-политических программ. Нам писали огромное количество писем, я упивался тем, что мог работать, как хотел. Я понял, что меня назначили заместителем председателя Гостелерадио РБ под выборы. У меня не было каких-то особых взаимоотношений с Кебичем, просто много лет назад вел из цеха станкостроительного завода им. Кирова одно из тех рабочих собраний. А он был там директором и выводил завод из прорыва. Но не думаю, что это сыграло какую-то роль, я вырос в этих недрах и был одной из фигур, которую взяли и назначили. А почему назначили — им виднее.

— В надежде на укрепление тылов?

— Очевидно, да. Но, поскольку ситуация была к тому времени достаточно раскрепощенная, все семь кандидатов, которые выдвигались, получили абсолютно равный доступ к эфиру. Впрочем нет, не совсем равный.

Случай перед выборами 1994 года

Доверенным лицом Кебича был народный артист СССР Николай Николаевич Еременко-старший. Кебич все-таки

был премьер-министром — фактически первым лицом страны. Еременко должен был придти к нам и первым записать своего кандидата на удобное эфирное время. Наша обязанность — обеспечить эфир и ведущего, чтобы каждому кандидату было легче раскрыться перед зрителем. Еще в студии присутствовали два юриста из Центризбиркома, чтобы наблюдать за процедурой, — все должно было проходить в соответствии с законом.

Получив журнал, прошитый и с печатями, в который нужно было записывать «выходы» кандидатов в эфир, я сразу позвонил Николаю Еременко, чтобы он выбрал время для визита к нам. К телефону подошла жена Николая Николаевича: «Да вы с этим журналом отстаньте, он только что пришел из театра, я ему борщ налила!» Я еле уговорил: приезжайте сейчас. Еременко приехал с бумажкой, на ней расписано время, когда будет выступать Кебич. Я смотрю в бумажку — время везде неудобное: параллельно по другой программе футбол — кто ж будет смотреть Кебича? Другое время перекрывает параллельный детектив. Я не понял, спрашиваю: «А зачем вам такое время плохое?» Он говорит: «Мне так сказали, я ничего не знаю — записывайте, и дело с концом». Я и записал, как он сказал.

Только он вышел за дверь, влетает Александр Федута, человек из команды Лукашенко, и говорит: «Ну что — записался? Какое время осталось?» Я Федуту первый раз тогда видел, знал, что он первый секретарь комсомола, но что он из себя представляет, понятия не имел.

Но после того как он стал вписывать в эфир Лукашенко, я его зауважал. Он обращал внимание на все — тут футбол, тут художественный фильм, и расставил своего кандидата в самые хорошие, смотрибельные, «лакомые» отрезки эфира. Потом и остальные подошли, и все были расставлены кто как. Но лучшее время Федута выбрал для Лукашенко.

— Вам приходилось вести эфиры с участием Лукашенко. Расскажите о своих первых впечатлениях.

— Еще перед выборами мы собирали общественных деятелей, членов инициативных групп. Должны были прийти Ходыко, Акулов (ныне покойный), Федута. За не-

сколько минут до эфира вместо Федуты пришел Лукашенко: «А можно я выступлю?» Говорю: «Да ради Бога!» Это были прямые эфиры.

— Теледебаты на президентских выборах 1994 года тоже ведь вы вели?

— Да, я вел предвыборные дебаты — и в первом туре, и во втором. Когда мелькают в хронике эти эфиры, я вижу: на мне белый костюм — первый тур, темный — второй. Или наоборот? Уже не помню.

Должен признать, что Лукашенко использовал прямой эфир наиболее продуктивно, он и вел себя наиболее свободно — он очень медийная фигура.

— А сейчас?

— Он наступает на те же грабли, что и Кебич в период премьерства: чем больше он на экране, тем больше раздражает. Но тогда он сумел использовать стихийную демократию в своих целях очень эффективно. Всегда давил на чистые эмоции, на «разоблачение» существующей власти, как неспособной руководить страной. Что говорить, заводы тогда действительно стояли, а он обещал: я запущу заводы, накормлю.

— Ваши симпатии были на чьей стороне — только честно?

— Мне было все равно. Звучит странно, но это так. Я видел, что Лукашенко убедителен, хотя и недоказателен. Вот, к примеру, как он использовал «факты» на дебатах: «Знаю я, — говорит, — как вы мешки с долларами в аэропорту таскаете!» Кебич потом уже, после эфира, спохватывается: какие мешки?.. Это, говорит, обычная банковская практика — под залог будущих кредитов отправляются ценности в западные банки… Но кто это знает? Посыл уже брошен в массы. Пусть бездоказательный, но он усваивается мгновенно — это закон массовых коммуникаций. Фраза брошена, люди ее услышали и подумали: ага — воруют! Чтобы объяснить, что это не так, надо кучу всего растолковать, даже если и начнешь — это будет долго и неинтересно. Люди скажут: врет, наверное… В общем, про мешки с долларами все запомнили и про то, что «власть валяется в грязи — надо ее поднять». Эти фразы шли на

«ура». Лукашенко очень высоко ценил возможности ТВ — знал, что телевизор может сделать из него фигуру.

— Как работалось при Лукашенко?

— Председателем назначили Григория Киселя, который ничего не знал о телевидении, так как был газетчиком. Гостелерадио перерегистрировали в Белтелерадиокомпанию. Очень умно. Это была не чистка, а новый прием на работу. Но я все понимал и приготовился уходить, потому что меня воспринимали — ясно, каким образом. Заглядываю я к Киселю сказать «до свидания», а он: «Заходи-заходи!» Оказалось, у них жуткий дефицит кадров был. Кто-то из тех, кому предлагали, отказался от поста главного редактора общественно-политических программ БТ. Вот они мне и предложили. Но я остался работать с одним условием: никакого диктата по поводу набора людей в новую-старую редакцию. С этим согласились. С осени 1994 года по июль 1995 года, когда я ушел, мы «раскрутили» студию «Политика» и… нарвались тогда уже по-крупному. Два с половиной часа меня допрашивал председатель КГБ Егоров. А ведь в эфире мы говорили только о том, что уже написали газеты.

— Вы заметили пресловутый переломный момент в поведении президента?

— Нет — и не хочу строить догадок. Я излагаю только факты: на начальном этапе манера общения власти с народом изменилась к лучшему. Мы вели трансляции в прямом эфире с Лукашенко, Мясниковичем, Мариничем, Синициным (он тогда был главой Администрации Президента). Одну из этих трансляций я помню хорошо. Прямой эфир. Вновь избранный президент общается с людьми. В областных центрах, прямо на улицах, расставлены ПТС (передвижные телевизионные станции), народу набилось, в толпе работали репортеры. А в студии представлена вся независимая журналистика — такая «компашка», человек 12—14. Я включаю Брест, Могилев, Витебск. Из Могилева на улице говорит женщина: «Александр Григорьевич, как хорошо, что вы пришли к власти! Вот у нас в больнице нет лекарств и пр., и пр. Вы наведете порядок?» Президент ей отвечает: «А вы меньше сумками лекарства из этих больниц тащите — и бу-

дет у вас все!» Тут режиссер переключился на студию, но я еще вижу на подсмотре: женщина заплакала, однако в эфире этого уже нет. Мне это почему-то очень запомнилось.

Потом журналисты задавали ему вопросы, он отвечал, как всегда, уверенно. Я смотрю на часы — прямой эфир заканчивается, пытаюсь выкрутить какими-то словами на завершение. А он — р-р-аз и снова говорит — подхватывает мои слова и продолжает! И так пару раз. Не хочет уходить из эфира! Потом он заметил, что я нервничаю, и говорит: «Что ты меня все время закругляешь? Разве Кисель нам не даст еще часик-полтора в прямом эфире?» Кисель машет из аппаратной, из-за стекла: «Да-да, работайте-работайте». Вот отношение к государственному телевидению: мое телевидение, хочу — беру эфир, хочу — нет.

Я оказался в дурацкой ситуации — что мне делать еще часа полтора? От отчаяния и решил весь эфир перевернуть. Говорю: «Александр Григорьевич, сначала журналисты вам вопросы задавали, а давайте теперь вы задайте им вопросы…» Мне потом говорили, что не поверили в спонтанность, будто бы все это было задумано заранее, но на самом деле это не так.

— Ну и какие президент вопросы задавал?

— По-моему, он обрадовался такой подаче. Он всегда читал прессу, журналистов знал по именам, память у него прекрасная, вот он и приступил: а почему ты писал то, а ты почему — это? Пока не дошло до Павла Шеремета, который на его вопрос ответил своеобразно: я вообще за вас не голосовал, вы не мой президент и пр.

— Это было уже после «Проспекта»?

— Думаю, да.

Как стать свободным художником

— После референдума 1995 года я ушел в никуда. Это потом уже работу в Исполнительном Секретариате СНГ мне предложили: возглавить пресс-службу. Работа была хорошая, интересная. Организовывал пресс-конференции Ельцина, Примакова, Черномырдина…

А вот сейчас работаю на БЕЛСАТе — пока работается.

— БЕЛСАТ — он кому нужен?

— Полмиллиона человек смотрят регулярно. Еще двести тысяч — периодически. Совсем неплохо. «Тарелки» стоят уже не только на западе страны, но и на востоке. Знаете, сейчас, когда я работаю на БЕЛСАТе ведущим, как в молодые годы, считаю, что это один из немногих периодов моей 40-летней работы, когда я абсолютно свободен. Я делаю свое — как хочу. На меня никто не давит, мои герои говорят то, что думают, я планирую то, что мне интересно как журналисту. Жаль только, приходится эти программы делать за рубежом. Но современные технологии, Интернет все делают доступным. Включайся и смотри. Было бы желание.

Беседовала Марина Беляцкая

Абажур, 2011, № 2

Мельников Эдуард Рудольфович

Иного пути нет

Сборник статей

Формат 84х108 $^{1}/_{32}$
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 9,3.
Тираж 500 экз.